

Приморский государственный объединенный
музей имени В. К. Арсеньева

АРСЕНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы региональной научно-практической
конференции, посвященной 145-летию
со дня рождения В. К. Арсеньева

26–27 сентября 2017 г.

Владивосток
2019

УДК 94 (571.63)
ББК 63/ 79.1
А85

Приморский
Государственный Музей
имени В.К.Арсеньева

А85 Арсеньевские чтения: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 145-летию со дня рождения В.К. Арсеньева (г. Владивосток, 26-27 сентября 2017 г.) / сост. В.В. Кавецкая. - Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. - 220 с.

ISBN 978-5-9736-0537-7

Представлены доклады исследователей, в которых рассматриваются вопросы, касающиеся личности, жизни и творчества В.К. Арсеньева, а также результаты изучения различных аспектов наследия В.К. Арсеньева в сферах археологии, этнографии, музееведения и естественных наук.

Для специалистов в области краеведения, истории, археологии, этнографии и музееведения.

УДК 94 (571.63)
ББК 63/ 79.1

ISBN 978-5-9736-0537-7

© Приморский государственный
объединенный музей имени
В.К. Арсеньева, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (В.В. Кавецкая)	6
АВЧЕНКО В. О.	
Братья по краю: жизненные и творческие связи В.К. Арсеньева и А.А. Фадеева.....	8
АЛЕКСАНДРОВА Е. С.	
Художник-педагог В.Г. Шешунов: штрихи к портрету.....	14
АРГУДЯЕВА Ю. В.	
Русские крестьяне-старообрядцы Южно-Уссурийского края в исследованиях В.К. Арсеньева.....	18
ГЛЕБОВА Е. В.	
Дары Арсеньева. Рыболовная культура народов Нижнего Амура в музейных коллекциях Арсеньева.....	24
ГОЛОВНЁВ И. А.	
Первое этнокино и В.К. Арсеньев.....	29
ГОНЧАРОВА С. В.	
Китайцы в Уссурийском крае: послесловие на французском языке.....	35
ГРЕБЕНЮКОВА Н. П.	
Образ В.К. Арсеньева в повести Н.А. Толпегина «В дебрях Дадянышаня».....	38
ЕГОРЧЕВ И. Н.	
Новые данные об участии В.К. Арсеньева в борьбе с хунхузами в Уссурийском крае (1911–1915 гг.).....	43
ИВАНЦОВА Н. С.	
Научно-вспомогательный указатель «В.К. Арсеньев. 1972–1930 гг.»: из опыта работы ПКПБ имени А.М. Горького	48
КАВЕЦКАЯ В. В.	
Этнографическое сообщество В.К. Арсеньева.....	51
КАМЕНЕВА М. Р.	
В.К. Арсеньев — преподаватель Владивостокского техникума водных путей сообщения.....	59
КОРОВНИК Л. И.	
Географические объекты, описанные В.К. Арсеньевым в долинах рек Тетюхе, Горбуша, Ахобэ, Мутухэ в рамках экспедиции 1906 года.....	63
ВОЛКОВСКАЯ-КУРДЮКОВА Е. А.	
Отображение фауны юга Дальнего Востока в произведениях В.К. Арсеньева (по материалам экспедиций 1906–1927 гг.).....	66

ЛОСЕВА Н. В.

Святитель Арсений: тверские истоки духовного наследия.....74

МАЛАКШАНОВА В. Б.

Новый источник изучения культуры этноса саха (якуты).....77

МАРКОВ И. Г., ШЕПОВА А. Л.

Керамика Сахалина и Курильских островов: поиск и новые горизонты исследования: историографический очерк.....81

НОВОМОДНЫЙ Е. В.

Сотрудники и сподвижники В. К. Арсеньева в период его работы директором Гродековского (Хабаровского краевого) музея (1910–1919, 1924–1926 гг.).....88

ОСТРОВСКАЯ О. П.

Потомки Владимира Клавдиевича Арсеньева в Приморском крае.....95

ПАЙ С. С.

Педагогическая деятельность В. К. Арсеньева.....102

ПАНКРАТЬЕВА Н. А.

Проблемы комплектования этнографической коллекции Приморского краевого музея им. В. К. Арсеньева в середине XX века.....105

ПЕТРУК А. В.

Утраченная рукопись «Страна Удэхе»: новая история старой коллекции.....114

ПЛОТНИКОВА Н. И.

Возвращение к Арсеньеву.....117

ПОДМАСКИН В. В.

Обряды жизненного цикла тазов Приморья (XIX–XX вв.).....121

РЫБАЛЬЧЕНКО С. А.

Топонимика в ранних произведениях писателя Александра Александровича Фадеева.....126

САМАР А. П.

Духи-хозяева тайги удэгейцев (по материалам В. К. Арсеньева).....134

СЕМ Т. Ю.

Материалы В. К. Арсеньева по тунгусскому шаманству в Кур-Урмийском районе в начале XX в.....138

СЕСЁЛКИН А. Н.

В поисках забытых имён: соратник В. К. Арсеньева штабс-капитан Т. А. Николаев.....145

СОБОЛИВСКАЯ Е. В.

Перепетии краеведческого поиска. К вопросу о первоначальном месте захоронения В. К. Арсеньева.....151

СТАРЦЕВ А. Ф.

Хозяева природы в культуре аборигенов Приморья (по материалам В. К. Арсеньева).....	157
--	-----

ТИТОРЕВА Г. Т.

Арсеньевские традиции музейной каталогизации в Хабаровском краеведческом музее им. Н. И. Гродекова.....	161
--	-----

ТРОИЦКАЯ Н. А.

Материалы о В. К. Арсеньеве из фонда Комиссара Временного правительства по делам Дальнего Востока.....	167
---	-----

ТЮНИС Т. А.

Северный район Ольгинского уезда Приморской губернии в первой половине 1920-х гг. в документах Арсеньева и специалиста Дальлеса Муратова.....	171
--	-----

ХРАМЦОВ М. Н.

Александр Михайлович Рудницкий — первый краевед Черниговского района Приморского края.....	178
---	-----

ЯРОЦКАЯ Ю. А.

Театр Дома Арсеньевых.....	182
----------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ**Приложение 1**

Таблица к статье Е. А. Волковской-Курдюковой.....	186
---	-----

Приложение 2

Программа Дальневосточной конференции региональных музеев, Владивосток, 26-29 сентября 2017 года.....	198
--	-----

Приложение 3

Резолюция секции «Арсеньевские чтения: Личность. Окружение. Наследие».....	215
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	216
----------------------------------	-----

В. В. Кавецкая,
Приморский государственный объединённый музей
имени В. К. Арсеньева,
г. Владивосток

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ряду имен, составивших звездную когорту исследователей территории, называвшейся в к. XIX — нач. XX в. Приамурским краем, особое место занимает Владимир Клавдиевич Арсеньев. Этого человека без преувеличения можно характеризовать емким термином Петра Вайля «гений места». «Связь человека с местом его обитания — загадочна, но очевидна. Ведает его известный древним genius loci, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой»¹.

Но если древние римляне гением места называли духа — хранителя домашнего очага, то сегодня этим термином означают «творца, чья жизнь или биография, работа или произведения связаны с определённым местом и могут служить существенной частью его географического образа»². В качестве такого Посредника для Приморского края, как никто другой, и является Владимир Арсеньев, который, постигая и переосмысливая в процессе освоения пространство региона, открывал его миру через свои исследования, собранные коллекции, карты, книги, статьи, лекции и беседы. Гений места своим собственным качественным проживанием территории обеспечивает ее притягательность для других людей, как бы обустривая со-общение человеческой души с духовностью жизненного пространства. Он — носитель и проводник дарованности места людям: не ресурсов и не условий жизнедеятельности, а некой символической одухотворенности постоянно узнаваемого и понимаемого окружающего мира. Эта роль В. К. Арсеньева как Гения места весьма значима для такого трансграничного региона, как наш край. Люди здесь часто живут «транзитом», но уносят и тиражируют свое представление о крае в иные пространства. Важно, каким будет этот транспируемый ими образ. Знаючи и то, что, открывая край другим, Владимир Клавдиевич выработал также нравственные принципы по отношению к природе и коренным жителям региона, к которым питал искреннюю любовь. О том, какое влияние оказывала личность Арсеньева на самые разные аспекты жизнедеятельности края, ярко свидетельствует картина его проводов в последний путь, которую описала в своем письме Маргарита Николаевна Арсеньева: «...на похоронах был весь город... Так как его, здесь — на Дальнем Востоке, никого не хоронили» (МПК 13434–2).

В. К. Арсеньев был не только настоящим путешественником и исследователем, но и уникальным музейщиком, поэтому неудивительно, что работа с его достоянием началась в музейной институции. В 1945 г. главному музею Приморья было присвоено его имя, но к изучению наследия исследователя приступили только во 2-й пол. 1950-х гг., когда за сотрудником Приморского краевого краеведческого музея З. И. Мясниковой была закреплена тема «Жизнь и деятельность В. К. Арсеньева» в качестве направления научных исследований. Началась работа с документами, фотографиями, поездки к родственникам и сборы материала. В 1960-х гг. к ней присоединяются исследователи из музейного актива³. Примерно в это же время начинают проходить научно-практические конференции по арсениеведению.

Первые Чтения прошли в 1961 г. на базе Приморского филиала Географического общества СССР⁴. С 1980 г. подобные чтения проводятся в г. Уссурийске, с 1984 г. — г. Хабаровске⁵. Проходят арсеньевские чтения, особенно в юбилейные годы, во многих городах и районах Приморского края на базе самых разных образовательных и культурных учреждений. Отправной точкой послужил 1972 г. — год 100-летия со дня рождения Владимира Клавдиевича, когда юбилейные мероприятия прошли во Владивостоке, а с 1982 г. такие мероприятия уже проводят регулярно. В 1987, 1997, 2000, 2005, 2007 и 2012 гг. крупные арсениеведческие конференции проходили на базе музея, носящего его имя. И вот после 5-летнего перерыва состоялась очередная конференция, посвященная уже 145-летию В.К. Арсеньева.

Конференцию, прошедшую 26–29 сентября 2017 г., отличает изменение традиционного формата и направлений работы. Заявленное событие разрослось, став частью проекта «Коллекционируя Россию», реализуемого ПГОМ им. В.К. Арсеньева и Благотворительным фондом Потанина с целью развития сотрудничества региональных музеев. Затем в число партнеров по организации конференции вошли Министерство РФ по развитию Дальнего Востока, администрация Приморского края и Российский комитет Международного совета музеев (ИКОМ России). Целями конференции были определены не только актуализация наследия В.К. Арсеньева и формирование новых подходов к его изучению, но и обсуждение проблемных вопросов всех аспектов деятельности современных музеев. «Арсеньевские чтения» вошли в структуру Дальневосточной конференции региональных музеев как секция, которая проработала два полных дня⁶. Это обусловлено тем, что Арсеньев был опытным музейщиком, много лет проработавшим в музеях Хабаровска и Владивостока и активно сотрудничавшим с другими музеями страны, пополняя их фонды. В первый день докладчики освещали вопросы, касающиеся личности, окружения и наследия Владимира Клавдиевича, а во второй — результаты своих исследований его этнографического, археологического и естественно-научного наследия. По итогам работы конференции была принята резолюция, в которой обозначены приоритетные задачи на период до проведения следующей конференции⁷. Это откроет нам в будущем *genius loci* и музейный ученый Владимир Арсеньев во многом зависит от нашего отношения к его дарам...

⁴ Вайль П. *Гений места*. — М.: КаЛибри, 2008. С. 5.

⁵ Замятина Н. Ю., Замятин Д. Н. *Гений места и город: варианты взаимодействия* // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 62–87.

⁶ Ермакова Э. В., Поправко Е. А. *Музейное дело на Дальнем Востоке в период десталинизации (1953–1964)* // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. №3. С. 28–29.

⁷ Тарасова А. И. *Владимир Клавдиевич Арсеньев. 2-е изд., испр. и доп.* — Владивосток: Изд. дом Дальневост. федер. ун-та, 2012. С. 329.

⁸ Кузнецов А. М. *Арсеньевские чтения: традиция и современность* // Арсеньевские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 9–14.

⁹ Программа конференции помещена в приложении 2.

¹⁰ Резолюция конференции «Арсеньевские чтения» помещена в приложении 3.

В. О. Авченко,
член Союза журналистов РФ,
г. Владивосток

БРАТЬЯ ПО КРАЮ: ЖИЗНЕННЫЕ И ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ В. К. АРСЕНЬЕВА И А. А. ФАДЕЕВА

*...Как этот, в пору новоселья,
Нам край открыли золотой
Учёный друг его Арсеньев
И наш Фадеев молодой.*

Александр Твардовский

Писателей В. К. Арсеньева (1872–1930) и А. А. Фадеева (1901–1956) принято считать по различным ведомствам: Фадеев — краснознаменный, советский, сталинист, «функционар». Арсеньев — царский офицер, учёный, краевед, естествоиспытатель... Однако они куда ближе друг к другу, чем может показаться. В их текстах и судьбах — множество пересечений самого разного порядка. Можно сказать, что Владимир Клавдиевич и Александр Александрович ходили буквально по пятам друг друга.

1. ВСТРЕЧИ — ЛИЧНАЯ И ЗАОЧНЫЕ

По итогам экспедиции 1906 года Арсеньев писал: «Между устьем Бэйцухе (ныне — река Маревка на севере Приморья) и Иманом (Большая Уссурка) приютилась небольшая корейская деревушка Саровка». Через два-три года в Саровке поселятся мать и отчим Фадеева, здесь будущий писатель пойдёт в школу.

Биограф Арсеньева Анна Тарасова пишет: Владимир Клавдиевич в начале 1920 года консультировал Военный совет Сергея Лазо, с которым встречался молодой партизан Булыга — будущий писатель Фадеев. В апреле 1920-го Фадеев получит в Спасске японскую пулю в бедро и будет потом лечиться на станции Корфовской под Хабаровском; именно у Корфовской в 1908-м убили Дерсу Узала — проводника Арсеньева. По данным той же Тарасовой, участник экспедиций Арсеньева 1927 и 1930 гг. Прокопий Гончаров в Гражданскую воевал в Сучанском партизанском отряде — мог встречаться с Булыгой. Есть свидетельство и о личной встрече Арсеньева и Фадеева — только Фадеев был тогда ребенком. Писатель Семён Бытовой приводит рассказ Фадеева о том, как тот видел Арсеньева в Хабаровске в Гродековском музее в 1913 году. Арсеньев, руководивший тогда музеем, сам провел экскурсию для учеников. Другой дальневосточный

литератор, Василий Кучерявенко, писал со ссылкой на Фадеева, что Арсеньев тогда целый вечер рассказывал ученикам «о своих богатых приключениях путешественников». Так что без особой натяжки можно сказать, что Арсеньев Фадеева благословил. К сожалению, они не успели познакомиться по-настоящему. Когда Арсеньев в 1921 году издал во Владивостоке первую книгу «для широкого читателя» — «По Уссурийскому краю» — комиссар Булыга-Фадеев уже уехал из Читы в Москву. Он еще вернётся и будет подолгу жить во Владивостоке — но уже после смерти Арсеньева, случившейся в 1930-м. Если бы не эта смерть — они бы непременно познакомились. А как иначе, если во Владивостоке Фадеев встречался с писателем Трофимом Борисовым, которому вдова Арсеньева Маргарита перед своим арестом передаст бумаги Арсеньева, а те уже после смерти Борисова попадут к Константину Симонову и будут найдены в его архиве; если осенью 1933-го Фадеев таёжными тропами шел с Сучана в Улахинскую долину, и проводником его был Василий Глушак — 50-летний богатырь, тигров и медвежатник, бывший партизан, спутник Арсеньева и друг Дерсу Узала?

Из экспедиции 1927 года Арсеньев отправлял заметки в хабаровскую «Тихоокеанскую звезду». В 1939-м эти тексты опубликовал журнал «На рубеже» — дальневосточный литературный «толстяк», а очерк Арсеньева «Голодовка на реке Хуту» вышел в этом же журнале еще в 1934-м. В 1935-м Фадеев на некоторое время стал его редактором... А уж в текстах своих Арсеньев и Фадеев «встречаются» то и дело. Это и понятно: жили в Приморье, писали в одно — плюс-минус — время... Но дело ещё и в их настроенности на одну и ту же волну.

2. О ПАРАЛЛЕЛЯХ И ВЛИЯНИИ

У Арсеньева и Фадеева — общая литературная генеалогия. Горький говорил, что Арсеньев объединил в себе Брема и Купера, а сам Арсеньев указывал в сцене знакомства с Дерсу: «Передо мной был следопыт, и невольно мне вспомнились герои Купера и Майн Рида». Фадеев называл своими учителями тех же Купера и Майн Рида, Джека Лондона (конечно, у обоих были и другие литературные «отцы»)... Не случайно бремовская «Жизнь животных» фигурирует у Фадеева в «Последнем из удэге» — с её помощью партизаны и подпольщики зашифровывали переписку. Можно говорить не только об общем географическом, литературном и лексическом пространстве обоих писателей, но и о буквальном совпадении и даже прямых заимствованиях, сделанных Фадеевым у Арсеньева. Вот у Арсеньева появляется некто Кашлев по прозвищу «Тигриная Смерть» — тихий, скромный, невысокий, худощавый. У Фадеева в «Последнем из удэге» читаем: «Мартемьянов сказал Сереже, что Гладких — сын прославленного вайфудинского охотника по прозвищу «Тигриная смерть», убившего в своей жизни более восьмидесяти тигров. Правда, по словам Мартемьянова, Гладких-отец был скромный сивый мужичонка, которого бивали и староста, и собственная жена». А в фильме «Аэроград», над которым режиссер Александр Довженко начинал работать вместе с Фадеевым, главным герой Степан Глушак — охотник и партизан — носит прозвище «Тигриная смерть».

Известны следопытские таланты Дерсу. А вот описание удэгейца Сарла у Фадеева: «Рассматривая следы, человек заметил дорогу, идущую из соседнего распадка. Он немого спустился, изучая её. Одна лошадь была поменьше, кованная только на передние ноги, другая — побольше, кованная на все четыре. Вёл их один — русский, судя по обуви, — человек с небольшими ступнями. Несмотря на то, что он лез в гору, он

шёл не на носках, как ходят молодые, сильные люди со здоровым сердцем, а ставя на-
 кось полные ступни, — человек этот был немолодой». В «Дерсу Узала» говорится: «Лет
 40 назад удэгейцев в прибрежном районе было так много, что, как выражался сам
 Люрл, лебеди, пока летели от реки Самарги до залива Ольги, от дыма, который под-
 нимался от их юрт, из белых становились чёрными». Тот же оборот приводит Фадеев
 в «Последнем из удэге»: «Когда-то народ был велик. В песне говорилось, что лебеди,
 перелетая через страну, становились чёрными от дыма юрт». Видимо, он ориентиро-
 вался именно на труд Арсеньева. В пользу этого предположения говорит повторен-
 ное Фадеевым неместное — тюркское слово «юрта», которое Арсеньев употребил для
 обозначения жилищ удэгейцев просто потому, что другого слова в его лексическом
 арсенале тогда не было.

Вероятно, Арсеньев прочёл изданный в 1927 году «Разгром» Фадеева, но свидетельств
 об этом мы не имеем. Что до Фадеева, то он был внимательным читателем Арсеньева.
 Из выступления Фадеева на конференции московских писателей в марте 1941 го-
 да, где обсуждалась повесть Нины Емельяновой «В Уссурийской тайге»: «Возьмём «В
 дёбрах Уссурийского края» Арсеньева. Там дыхание покрупнее. Он ставил более се-
 рьёзные проблемы гуманизма. Эту книгу можно пустить массовым тиражом, но имей-
 те в виду, что и эта книга тоже не была книгой для всех... Какая-то сторона этого
 произведения не доходила до читателя...». Фадеев прав: и сегодня Арсеньев остаёт-
 ся недопрочитанным, недооценённым. Прозу Фадеева часто возводят к толстовской
 и горьковской традициям, но есть в ней и арсеньевские мотивы. Вряд ли на кого-то
 Арсеньев вообще повлиял сильнее — разве что на Пришвина с его дальневосточными
 повестями 1930-х.

Называя Арсеньева писателем «не для всех» (это, разумеется, не в упрек Арсеньеву —
 скорее в упрек читателю), сам Фадеев писал для всех. Если Арсеньев подходил к мате-
 риалу, прежде всего, как учёный, хотя степень беллетризации и в его прозе достаточно
 высока (и потому нельзя воспринимать «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» как
 документ), то Фадеев дополнял Арсеньева, осмысливая тот же материал уже в худо-
 жественном ключе. Нон-фикшн Арсеньева кажется фундаментом, на котором Фадеев
 строил свой художественный текст. Фадеев продолжил с того места, где остановился
 Арсеньев. Нельзя считать Фадеева плагиатором — если он и брал что-то у Арсеньева,
 то был в своём праве хотя бы потому, что работал в ином жанре. Арсеньев помогал
 Фадееву, но и Фадеев — Арсеньеву, вытаскивая его темы и сюжеты в поле массовой
 (в хорошем смысле слова) литературы.

3. «ИНОРОДЦЫ»

Коренных дальневосточников — эвенков, нанайцев, нивхов, айнов... — России откры-
 вали первопроходцы, многие из которых были одновременно и военными, и учёными,
 и литераторами. Потом сюда поехали профессиональные писатели — Гончаров, Чехов,
 Дорошевич... Целостный и притягательный литературный образ «иностранца» первым
 создал Арсеньев. Чуть позже тем же занялся Фадеев.

Яснее всего прямое влияние арсеньевских текстов на Фадеева прослеживается, по-
 жалуй, в таёжных главах «Последнего из удэге». Да и сам Фадеев не скрывал сво-
 ей преемственности по отношению к Арсеньеву: «Об этом народе (удэгейцах — В.А.)
 имеются прекрасные исследования В.К. Арсеньева... Я считал себя вправе использо-

вать эти труды в своем романе». Возможно, даже имена героев «Последнего из Удэге» Фадеев брал у Арсеньева. У последнего упомянут старик Люрл — это имя встречаем и в «Последнем из удэге». Описывая зверства китайского цайдуна Ли Тан-куя, Арсеньев упоминал: «Двое из удэгейцев — Масенда и Само из рода Кялондига... поехали в Хабаровск с жалобой». Масенда появляется и у Фадеева. И у фадеевского Сарла есть двойник: Арсеньев писал, что в местности со странным названием Паровози живет старшина удэгейцев Сарл Симунка. Сарл Фадеева, кстати, принадлежит к роду Гялондика — почти Кялондига (или это разное написание одной и той же фамилии?).

Как и Арсеньев, Фадеев доброжелательно относился к «инородцам» (коренным малочисленным народам, как мы говорим теперь) и негативно — к местным китайцам, их закабаливавшим. Задолго до революции Арсеньев называл удэгейцев коммунистами, пусть и первобытными. Он противопоставлял этих «дикарей» современному европейцу, который с прогрессом многое приобрёл, но многое и потерял: «Я видел перед собой первобытного охотника, который... чужд был тех пороков, которые... несёт городская цивилизация». О том же писал Фадеев: «Пржевальский совершенно не понял удэгейцев... Он, конечно, не мог и подозревать, что имеет дело с первобытными коммунистами...». Старовер под Пластуном говорит Арсеньеву о Дерсу: «Хороший он человек, правдивый... Одно только плохо — нехристь он, азиат, в Бога не верует... У него и души-то нет, а пар». А вот фадеевский Мартемьянов: «Работать сами не умеем, да еще норовим на своего же брата верхом сесть: вали, брат Савка, у тебя и язык другой, и глаза косые, и пар заместо души! А ежели по-настоящему разобраться, народ этот куда лучше нашего — простой, работающий, друг дружке помогают, не воруют...». Герой «Землетрясения» Кондрат Сердюк (его прототип — тот самый Глушак) говорит о гольдах: «Благородство в них есть... Потому что у них промеж себя братский закон». Тот же Сердюк вспоминает разговор с «образованным полковником», который «места наши на карту снимал», — не с Арсеньевым ли?

Книги Арсеньева отнюдь не были единственным источником знаний Фадеева о жителях Уссурийского края. Скажем, вот как Арсеньев писал о таёжных бандитах — «промышленниках»: «Промышленник идёт в тайгу не для охоты, а вообще, «на промысел»... Он ищет золото, но при случае не прочь поохотиться за «косачами» (китайцами) и за «лебедами» (корейцами), не прочь угнать чужую лодку, убить корову и продать мясо её за оленину». А вот фадеевский Мартемьянов: «Случилось так, что русский тут один, промышленник, убил в тайге ихнего удгея. Промышленник тут — это такая профессия: ходит он по тайге, высматривает бродячих манз или корейцев, которые, скажем, с мехами идут, или с пантами, или с корнем женьшенем, и постреливает их полегоному. Называется это — охота за «синими фазанами» да за «белыми лебедами», потому китайцы всегда в синем ходят, а корейцы в белом». Налицо некоторые расхождения: «промышленники» и «промысленики», «косачи» и «фазаны». Ряд деталей Фадеев брал из других источников или из личных впечатлений, даже если что-то и подсмотрел у Арсеньева.

Есть у Арсеньева и Фадеева некоторые различия в акцентах. Если Арсеньев с горечью писал о разрушении традиционного быта «инородцев» — и «цивилизацией» как таковой, и китайскими водкой и опиумом, и русской оспой, — то Фадеев был убеждён в пользе модернизации, приобщения туземцев к достижениям века. Его Сарл — удэгеец «прогрессивный»: «Весной он добыл у корейцев семена бобов и кукурузы и, впервые в истории народа, понудил женщин возделывать землю». У сидатунских китайцев (китайцы из Сидатуна — нынешнего Мельничного — фигурируют и у Арсеньева) Сарл подсмотрел технологию домашней мельницы с применением мула... Арсеньевский

герой Дерсу Узала, как показывает его биограф Алексей Коровашко, серьёзно идеализирован по сравнению со своим прототипом — Дэрчу Одзялом. Арсеньев не упоминал, к примеру, чем пах и что курил Дерсу — об этом мы знаем лишь из воспоминаний первой жены писателя. Если интеллигентный Арсеньев и испытывал чувство презрительности по отношению к некоторым чертам «инородческого» быта, то молчал об этом. Не то — у Фадеева. Вот его Серёжа, во многом автобиографичный, попадает к удгейцам: «Чем ближе они подходили к поселку, тем ощутимее становился донёсшийся к ним ещё издали тошнотавый запах несвежей рыбы, разлагающейся крови и чада и тот специфический острый чесночный запах, которым пахнут туземные жилища и одежды... Серёжа, почувствовав внезапный приступ тошноты, отвернулся...».

Арсеньев в «Сквозь тайгу» так описывал камлание шамана: «...Было достойно удивления, откуда у этого старого человека бралось столько энергии... Он куда-то мчался, кого-то догонял и кричал, что не видит земли, что мимо него летят звезды, а кругом холод и тьма». А вот Фадеев: «Толстолицый рябой удгэ с неимоверно длинными обезьяньими руками... выделял вокруг костра чудовищные прыжки, часто ударяя в бубен, сутулясь и сильно вращая задом... Он проделывал эти телодвижения без единого возгласа, с лицом серьёзным и сосредоточенно-глупым от напряжения... Позы, которые принимал пляшущий, были так дики, нелепы и унизились и так порой смешны, что Сереже делалось неловко за него». Арсеньев так написать не мог. Для него важнее было другое — этический кодекс «инородцев», их жизнь в гармонии с природой и другими людьми.

В пятой части недописанного «Последнего из удгэ» Фадеев хотел показать борьбу «инородцев» против китайских эксплуататоров-«цайдунов», описать лесных бандитов — хунхузов... Не будет большой натяжкой сказать, что он собирался перевести наблюдения и выводы Арсеньева в поле художественного, беллетризовать его «Китайцев в Уссурийском крае».

4. ЗАРИФМОВАВШИЕСЯ СУДЬБЫ

Арсеньев — редкий в России пример творческого человека, которому для самореализации нужно было не приехать в столицу, а покинуть её. Петербуржец Арсеньев стал дальневосточником и здесь нашёл себя.

Родившийся под Тверью Фадеев как писатель сформировался уже после отъезда из Приморья, но использовал приморский материал и всю жизнь считал себя дальневосточником. В 1910 году Арсеньев, попав в Петербург, отказался от карьеры столичного учёного и вернулся на Дальний Восток. На первый взгляд это, как сейчас говорят, дауншифтинг, но выбор Арсеньева оказался совершенно правильным даже с точки зрения карьеры. Фадеев в 1930-х тоже пробовал вернуться в Приморье, причем это были не просто «творческие командировки», но осознанные попытки бегства из столицы. В 1911 году Арсеньев писал путешественнику Петру Козлову: «Административная деятельность мне не по душе... Я с удовольствием променял бы даже губернаторский пост на скромную роль географа-исследователя... Гондатти... хочет пристегнуть меня к администрации — а я брыкаюсь». «Брыкался» и Фадеев — просил временно снять часть нагрузок, дать творческий отпуск... Но возвращался к общественной и партийной работе, искренне считая, что так надо. «Интриг между учёными в Петербурге — хоть отбавляй! В этом отношении у нас в провинции лучше... Карьеризм

поглотил хорошие чувства человека! Этот Вавилон закрутил было и меня, да, слава богу, я вовремя очнулся и убежал к себе в Приамурье», — писал Арсеньев этнографу Льву Штернбергу. Фадеев «очнуться» не сумел — тонул в столичных делах, наступал на горло своей писательской песне и погиб. И Арсеньев, и Фадеев открывали Приморье большой России. Каждому выпала здесь своя война: Арсеньев дрался с хунхузами, Фадеев — с интервентами. Фадеев не окончил «Последнего из удэге» — Арсеньев не завершил «Страну Удэхе», которую полагал главным делом жизни.

Фадеев писал Асе Колесниковой: «Когда образовалась «коммуна», вы, девочки, вернее, уже девушки, были естественным центром её притяжения, а домик на Набережной был главным местом сбора...». Владивостокский дом Арсеньева, где он жил последние годы и умер, — буквально в двух шагах. Арсеньев не дожил до 58, Фадеев — до 55.

Арсеньев завещал похоронить его в тайге — его погребли в городе, на Эгершельде, а потом перенесли на Морское кладбище. Фадеев просил похоронить себя рядом с матерью — его положили на Новодевичьем. Как видим, и после жизни судьбы их оказались схожи.

1. Авченко В. О. Фадеев. — М.: Молодая гвардия (серия «Жизнь замечательных людей»), 2017.

2. Арсеньев В. К. Собрание сочинений. Т. 1—3. — Владивосток: Рубеж, 2007–2012.

3. Бытовой С. М. От снега до снега. — Л.: Советский писатель, 1972.

4. Коровашко А. В. По следам Дерсу Узала. — М.: Вече, 2016.

5. Кучерявенко В. Золотые насечки. — Владивосток: Дальиздат, 1982.

6. Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. — М.: Наука, 1985.

7. Фадеев А. А. Собрание сочинений: в 7 т. — М.: Художественная литература, 1969–1971.

Е. С. Александрова,
Приморский государственный объединённый
музей имени В. К. Арсеньева,
г. Владивосток

ХУДОЖНИК-ПЕДАГОГ В. Г. ШЕШУНОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В начале XX в. Никольск-Уссурийский (ныне г. Уссурийск) был совсем ещё молодым городом. В это время в нём происходят большие изменения — значительно увеличилось население, выросло число промышленных предприятий, общеобразовательных и специальных учебных заведений. Благодаря росту количества гимназий и училищ в городе впервые оказались востребованными профессиональные художники-педагоги. Одним из первых в Никольск-Уссурийский приехал Василий Григорьевич Шешунов — первый профессиональный художник в городе, внёсший значительный вклад в образование молодёжи. К сожалению, сведений о его жизни сохранилось немного. Главными источниками информации являются воспоминания современников и учеников художника. Данная работа написана на основе документальных материалов, хранящихся в Приморском государственном объединённом музее имени В. К. Арсеньева (ПГОМ им. В. К. Арсеньева).

Василий Григорьевич Шешунов родился в городе Иркутске 20 марта 1866 г. в семье чиновника Главного управления Восточной Сибири. В раннем детстве он потерял мать, которая умерла, когда мальчику не было и 4 лет. Отец не имел возможности уделить должного внимания воспитанию детей. Ещё в школьные годы у Василия Григорьевича обнаружились способности и влечение к рисованию. С юношеских лет его привлекала красота природы. Вместе со своим братом Константином они много путешествовали по Иркутской губернии [1, с. 8]. Общение с природой не прекращалось в течение всей жизни и оказало сильное влияние на творчество художника. Сложное материальное положение семьи не позволило В. Г. Шешунову получить законченное среднее образование. Но желание заниматься рисованием оказалось настолько сильным, что он занялся изучением живописи самостоятельно, работая в Иркутском городском театре и в художественной мастерской при Иннокентьевском монастыре. Художники, работавшие с ним, видели его незаурядный талант и советовали учиться [2, с. 3]. Молодому талантливому художнику удалось получить стипендию известного иркутского мецената И. М. Сибирякова и поступить вольнослушателем в Академию художеств в Санкт-Петербурге [1, с. 9]. В Академии его учителями были прославленные живописцы, выдающиеся мастера пейзажа — И. И. Шишкин и А. И. Куинджи [1, с. 10]. В 1895 г. В. Г. Шешунов закончил Академию и полностью посвятил себя творчеству и художественному воспитанию молодёжи. Его педагогическая деятельность на Дальнем Востоке началась в 1900 г. в Благовещенске, где он состоял преподавателем рисования в городском трёхклассном ремесленном училище [2, с. 4]. С 1906 г. В. Г. Шешунов навсегда связал свою жизнь с Приморьем, переехав в г. Никольск-Уссурийский. В наш край он стремился не случайно: из писем своего брата Константина Григорьевича, учительствовавшего в с. Никольском, он узнал о богатой и практически не тронутой природе Уссурийской тайги [1, с. 10]. 15 лет В. Г. Шешунов преподавал в учебных заведениях Никольск-Уссурийского: городском

и ремесленном училищах, женской гимназии, реальном и художественном училищах, а в 1912 г. перешёл в женскую учительскую семинарию, где и служил до последних дней своей жизни. Кроме того, в последние годы он вёл уроки рисования в корейской учительской семинарии (1919–1920) и местном художественном училище (1921 г.) [2, с. 5].

По свидетельствам коллег и учеников, В. Г. Шешунов был талантливым педагогом. Он постоянно искал новые пути в преподавании рисования, умел зажечь интерес к искусству у учеников и очень сердечно относился к ним. Наивысшего расцвета его педагогическая деятельность достигла в женской учительской семинарии, в которой он наряду с непосредственными своими обязанностями принимал живое участие в практических работах по другим предметам, требовавшим применения рисования. Под его руководством ученицы рисовали географические и исторические карты, делали зарисовки по естественно-научным предметам. О результатах его педагогической деятельности можно было судить по ежегодным выставкам работ учениц семинарии [1, с. 3]. Одна из учениц, вспоминая своего учителя и его уроки, рассказывала: «Он объяснял просто, умно, доходчиво, интересно, а главное сам — художник, глубоко любящий своё дело, он и нам привил любовь к рисованию. Я пришла в семинарию из 2 классной школы без навыков рисования. А за четыре года Василий Григорьевич научил меня рисовать акварелью и масляными красками, не говоря уж о перспективе. Особенно помню его передовые методы обучения: он все приёмы рисования давал на практике, рисовал во дворе школы, на крыше сарая, на семинарском участке, рисунки делал с натуры... Лучшего учителя рисования я бы не желала» [6].

Василия Григорьевича Шешунова описывали как доброго, отзывчивого, бескорыстно-го и скромного человека. Он всегда оказывал помощь своим ученикам, нуждавшимся в ней, и «относился к ним как родной отец» [6]. Выпускница семинарии Н. С. Дашкова характеризовала его как человека «кристальной чистоты, преданного своему делу» [3, с. 3]. В его небольшом доме в выходные дни собиралась молодёжь. Комната производила впечатление художественной мастерской: на всех стенах висели его работы, стоял мольберт, на столике лежали краски и кисти [1, с. 1-2]. Они пили чай, рассматривали картины учителя, разговаривали о литературе и искусстве, устраивали музыкальные вечера, Василий Григорьевич прекрасно играл на виолончели и гитаре [6]. Ученицы вспоминая беседы с педагогом, писали, что они «многому их учили и влияли на формирование мировоззрения и характера» [3, с. 3].

Всё свое свободное время В. Г. Шешунов посвящал искусству. С наступлением каникул в учебных заведениях он отправлялся на этюды в Уссурийскую тайгу и за 15 лет очень хорошо её изучил. Там среди нетронутой, первобытной природы он чувствовал себя в своей стихии. Работа на этюде — это подробное всматривание в природу, фиксация быстрых, часто мгновенных эффектов, скоропроходящих состояний. Именно в этюдных зарисовках восприятие природы передаётся во всей её непосредственности. Работы художника раскрывают исключительную его любовь к природе. Они помимо художественной ценности имели информационно-познавательное значение. Не случайно его коллега, преподаватель семинарии В. А. Грачёв писал, что В. Г. Шешунов «поистине заслуживает наименование «Певца Уссурийской природы в красках» [2, с. 10]. В сложные годы Гражданской войны, из-за задержек жалования в семинарии В. Г. Шешунов вынужден был поступить в сторожа дровяных складов, находящихся в 20 верстах от города. Тяжёлые условия жизни сильно подорвали его здоровье, поэтому, простудившись, он не смог оправиться. Скончался художник 31 декабря 1921 г. 18 апреля 1922 г. в г. Никольск-Уссурийском во время первого съезда по изучению

Уссурийского края открылась выставка работ В. Г. Шешунова [7]. Инициаторами проведения этого мероприятия выступили друзья художника, среди которых был и В. К. Арсеньев. Василий Григорьевич познакомился с ним в учительской семинарии, куда В. К. Арсеньев приезжал читать лекции о крае. Одна из учениц семинарии вспоминала, что они были большими друзьями, их объединяла любовь к Уссурийской тайге. В. К. Арсеньев запечатлел эту любовь в слове, а В. Г. Шешунов — в красках [4]. К открытию выставки Выставочный комитет, в состав которого входили представители от пяти учебных заведений, в которых художник преподавал, составил каталог картин, изданный затем Южно-Уссурийским отделением Русского Географического общества.

В. Г. Шешунов оставил богатое творческое наследие, более 1500 художественных произведений, среди которых самое значительное место занимали этюды — именно в них талант художника раскрылся наиболее полно. В силу различных объективных причин далеко не все работы были представлены на выставке в Никольск-Уссурийске. Отбором занимались профессиональные художники Н. М. Кабанов и И. Ф. Палшков. При подготовке каталога Выставочный комитет столкнулся с некоторыми затруднениями, на большинстве работ отсутствовали даты, на некоторых были написаны только число и месяц, а также художник не всегда указывал изображённое место. Но благодаря общим усилиям многие произведения были датированы и атрибутированы организаторами выставки. Приморье в работах В. Г. Шешунова изображено настолько реалистично, что авторам каталога не составило труда узнать конкретные уголки края. Это позволило систематизировать картины по географическому принципу. Самый большой раздел каталога посвящён Приморью, здесь собраны произведения, запечатлевшие Уссурийскую тайгу, морское побережье, растения и животных края, различные населённые пункты. Во втором разделе представлены работы, посвящённые природе Восточной Сибири. В третьей части авторы каталога собрали портреты и символические произведения, а в заключительный раздел вошли виды неизвестных местностей. 538 работ, вошедших в каталог, дали достаточно обширный художественный обзор природы и быта Дальнего Востока и Восточной Сибири [5, с. 7-29].

В связи с тем, что у В. Г. Шешунова не было семьи, опекуном всего его имущества и картин был назначен директор Никольск-Уссурийской женской учительской семинарии П. Н. Рябинин [5, с. 30]. В 1925 г. все работы были переданы в Хабаровский краевой музей, т. к. Хабаровск в то время был центром Дальневосточного края. В 1931 г. часть произведений из краевого музея поступила в только что открывшийся Дальневосточный художественный музей (г. Хабаровск) и Владивостокский государственный областной музей (ныне — ПГОМ им. В. К. Арсеньева). В 1966 г. музей имени В. К. Арсеньева передал изобразительные коллекции в Приморскую краевую картинную галерею, открывшуюся во Владивостоке. На сегодняшний день в фондах ПГОМ им. В. К. Арсеньева хранятся четыре работы художника. Они были подарены музею ученицами В. Г. Шешунова, выпускницами Никольск-Уссурийской женской учительской семинарии. Художник никогда не продавал свои картины, но дарил всем друзьям, коллегам и ученикам.

Творчество Василия Григорьевича Шешунова оставило значительный след в художественной жизни Приморья. Но его наследием помимо этюдов, картин и рисунков можно по праву считать учеников, многие из которых посвятили себя педагогической деятельности. Будучи уже взрослыми людьми, они продолжали вспоминать и благодарить своего учителя: «Любовь к рисованию, воспитанная в семинарии, нам так была необходима в нашем педагогическом деле, в школе... Василий Григорьевич дал нам хорошие навыки рисования, и это пригодилось, это было важно в нашем росте, развитии» [6].

-
1. Галич А. А. Воспоминание о художнике В. Г. Шешунове (рукопись). 5 января 1961 г. Владивосток. — 22 с. — МПК 4973-6а.
 2. Грачев В. А. Василий Григорьевич Шешунов (некролог) (рукопись). 1921 г. — 10 с. — МПК 4282-10.
 3. Даикова Н. С. Воспоминание об учителях Учительской семинарии (рукопись). Владивосток. — 9 с. — МПК 4973-6.
 4. Из воспоминаний Н. С. Даиковой (рукопись). — Владивосток. — МПК 4973-6 (1).
 5. Каталог посмертной выставки произведений (картин, этюдов, рисунков) Василия Григорьевича Шешунова (1866–1921) // Выставочный комитет. — Никольск-Уссурийский: Южно-Уссурийский отдел Русского географического общества, 1922. — 30 с.
 6. Письмо Д. А. Грищенко к Н. С. Даиковой. — МПК 4973-5.
 7. Справка о Шешунове В. Г. 7 марта 1941 г. — Владивосток. — МПК 4973-9.

Ю. В. Аргудяева,

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток

РУССКИЕ КРЕСТЬЯНЕ-СТАРООБРЯДЦЫ ЮЖНО-УССУРИЙСКОГО КРАЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ В. К. АРСЕНЬЕВА

В сентябре 2017 г. исполняется 145 лет со дня рождения знаменитого исследователя Дальнего Востока — Владимира Клавдиевича Арсеньева. Собранные им во время экспедиций по Приморью сведения по различным отраслям знаний (истории, археологии, зоологии, ботанике, экономике и др. наукам) нашли отражение не только в его публикациях, но и в обширном собрании рукописных материалов, хранящихся в разных архивах страны. В этом отношении особый интерес представляют его путевые дневники разных лет, основная часть которых хранится во Владивостоке в архиве Общества изучения Амурского края (ОИАК) в Фонде В. К. Арсеньева (Ф. В. К. Арсеньева). Частично эти сведения ранее опубликованы автором [1], однако некоторые материалы ещё нуждаются в интерпретации.

В дневниках В. К. Арсеньева для нас важны прежде всего этнографические сведения, собранные Владимиром Клавдиевичем среди разных народов Дальневосточного региона. Наиболее изучены им аборигенные народы — удэгейцы, орочи, нанайцы, а среди пришлых народов — восточноазиатские (китайцы). Специальных исследований пришлого восточнославянского (русские, украинцы, белорусы) населения он не производил, так как это не входило в число непосредственных задач его путешествий. Однако полностью исключить проблемы восточных славян, особенно русских, в процессе полевых изысканий не представлялось возможным, прежде всего, в связи с тем, что во второй половине XIX в. и особенно в начале XX в., в период реформ П. А. Столыпина, шло интенсивное заселение южной части Дальнего Востока славянским населением. К тому же В. К. Арсеньев, среди прочих поручений, постоянно получал задания от местного руководства по изучению колонизационной ёмкости того или иного малоисследованного района, куда предполагалось поселить российских крестьян. В этом отношении интересны его полевые записи 1906–1909 гг. по одной из групп русского населения Южно-Уссурийского края старообрядцев, расселившихся как в таёжных районах Сихотэ-Алиня, так и непосредственно на побережье Японского моря.

Русское старообрядчество Дальнего Востока сформировалось в ходе длительного переселения, оседания и смешения разных региональных групп из северных, центральных и южных регионов европейской России, Урала, Сибири, Алтая, Забайкалья. Перед пришедшими на восточные окраины страны русскими крестьянами прежде всего встала проблема адаптации к местным социально-экономическим, экологическим, демографическим, культурным условиям жизнедеятельности и взаимодействия с культурами других аборигенных и пришлых народов. Оказалось, что лучше всего

и быстрее приспособлялись русские, а среди них старообрядцы. Этого не мог не заметить В.К. Арсеньев. Проблема расселения и жизнедеятельности русских старообрядцев в южной части Дальнего Востока В.К. Арсеньев уделил внимание в нескольких своих экспедициях. Чаще это были его собственные наблюдения, сообщения местных жителей.

В Южно-Уссурийском крае (Приморье) самая ранняя старообрядческая деревня Ильинка Ханкайской волости была основана около оз. Ханка в 1865 г. уроженцами Самарской губернии. К ней и к расположенной рядом старообрядческой деревне Петропавловке в 1870 г. приселились выходцы из Забайкалья, так называемые старообрядцы-«семейские»¹, пришедшие с Аянского тракта², который они обслуживали до закрытия (1867 г.) Российско-Американской кампании. Другие компактные группы старообрядцев-семейских с Аяна образовали недалеко от Владивостока, на р. Суйфун (ныне — р. Раздольная) и р. Монгутай (Барабашевка), деревни Красный Яр, Алмазовку, Богословку. Название последней старообрядцы перенесли впоследствии на побережье Японского моря, в бухту Амгу.

К концу XIX в., по мере роста в крае населения и подселения «мирских» в старообрядческие деревни, семейские, как и другие старообрядцы, уходили из своих деревень в самые глухие таежные районы Сихотэ-Алиня — бассейны рек Уссури, Даубихэ (Арсеньевка), Улахэ (Уссури), Иман (Большая Уссурка), Бикин. В частности, старообрядцы дер. Ильинка перебрались в с. Красный Яр и дер. Осиновку Ивановской волости, староверы дер. Петропавловка — в дер. Осиновка. Так началась внутренняя, в пределах Южно-Уссурийского края, миграция старообрядцев, в результате которой они и на новом месте довольно быстро обустраивались. Эту быструю приспособляемость к новым местам оценили некоторые чиновники переселенческого управления: к обустроенным деревням старообрядцев они тотчас подселяли переселенцев-украинцев. Староверы вновь бросали только что разработанные пашни и построенные жилища и уходили еще дальше — в горные хребты Сихотэ-Алиня. Именно по этим причинам перебрались всем обществом бывшие петропавловские старообрядцы дер. Осиновка в долину р. Даубихэ (Арсеньевка), где в 1887 г. образовали новое селение, дав ему прежнее название Петропавловка. Уже отсюда старообрядцы стали переселяться на практически не заселенное Тихоокеанское побережье — в бухты и в бассейны рек, впадающих в Японское море — Судзухэ (Киевка), Кхуцин (Максимовка), Пея, Кема, Амгу, Светлая, Единка, Самарга, Кема и др. Здесь забайкальскими, уральскими, алтайскими, сибирскими старообрядцами и их потомками, уже местными уроженцами, было основано несколько новых деревень и хуторов, в которых они старались селиться по региональному и религиозному (по соглашениям и толкам) признакам.

Впервые в записях В.К. Арсеньева мы встречаем упоминание о старообрядцах во время его экспедиции 1906 года, которая описана им в путевом дневнике № 1 (Архив ОИАК. Ф.В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1). Так, В.К. Арсеньев в 1906 г. отметил, что старообрядческое поселение по р. Амгу (в четырёхстах верстах севернее залива Св. Ольга. — Ю.А.) «*проживают в 8 дворах староверов в числе 34 мужчин и 23 женщин*»³ (Архив ОИАК. Ф.В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 71 б с об.). К 1907 году численность населения этой деревни практически удвоилась (Архив ОИАК. Ф.В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 6. Л. 43).

Выполняя задания местного руководства по выявлению колонизационной ёмкости дальневосточных земель, В.К. Арсеньев выявил пригодные для образования новых деревень места и уже существовавшие поселения крестьян. Все они принадлежали

старообрядцам, живших по берегам небольших рек, впадающих в Японское море. Так, он полагал, что по р. Сяо-Кема, где в 1907 г. уже жили старообрядцы, можно организовать деревню в 15 дворов (Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 5. Л. 13 с об.). В. К. Арсеньев неоднозначно относился к старообрядцам в первое время после встречи с ними. Называя их энергичными, дальновидными, умными, честными, он в то же время считал, что под предлогом спасения души они уходят в глушь ради наживы. Во всяком случае в полевых дневниках В. К. Арсеньева, относящихся к лету 1906 г. и к 1907 г., записи о староверах носят негативный характер (Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–31 с об.; Д. 6. Л. 56). Вначале он пользовался только расказами промысловиков-китайцев о староверах (Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 1. Л. 31), в лице которых китайцы видели людей, которые, в отличие от аборигенов, могли постоять за себя. Вероятно, поэтому китайцы отрицательно характеризовали старообрядцев, но, возможно, этому и были какие-то причины. Впоследствии, узнав лучше старообрядцев, В. К. Арсеньев уже не давал им такой нелестной характеристики. Он понял, что старообрядцы Южно-Уссурийского края уходили в другие места от «мирских», от общения с ними, от новшеств в духовной жизни, где они, как известно, всегда были непоколебимы в своих убеждениях. Им ближе были коренные народы и в известной степени китайцы, которые никогда не вмешивались в их духовную жизнь, хотя старообрядцы видели, что представители восточноазиатского населения хищнические используют дальневосточные природные ресурсы, обманывают и притесняют коренное население.

Старообрядцы прошли разные этапы и темпы приспособления к условиям жизни в Южно-Уссурийском крае. Адаптация старообрядцев во многом была обусловлена профессиональными установками, региональным происхождением, степенью использования опыта местных народов, успешностью взаимодействия с природной средой. Определённую роль сыграли трудолюбие и психология русских, выработавших способность противостоять трудностям, и свойственное всем русским, как считал В. К. Арсеньев, стремление к постоянному приобретению дополнительных знаний в области хозяйствования, быстрое обустройство на новом месте. Особенно трудно шло приспособление к местным природно-климатическим условиям. Южно-Уссурийский край — это территория, включающая и приханкайские степи, и горные хребты, и бескрайние таёжные просторы с довольно своеобразным климатом. Ясные, холодные, иногда малоснежные зимы, большие перепады зимних и летних температур; жаркое лето с обильными и продолжительными (иногда до 45 дней) дождями, вызывающими паводки и разрушительные наводнения в июле и августе, ясная, довольно сухая и теплая осень, ветреная и влажная весна — вот что встретили переселенцы-старообрядцы в континентальной части Южно-Уссурийского края. Свообразием отличались природные условия и на побережье Японского моря.

Старообрядцы, поселившиеся в таежных районах края и на побережье Японского моря, не оставили полностью свое традиционное занятие — полеводство, старались распахать хоть немного десятин под хлеб, хотя условия для занятий хлебопашеством были совершенно иные, чем в центральной части края. Особенно плохими для этой отрасли хозяйства они были на побережье Японского моря, что и описал В. К. Арсеньев: «...земля не тёплая, хотя и сырая, которая в свою очередь не нагревается вследствие прохладного лета, холодных туманов, бризов и холодных дождей...» (Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 8. Л. 66), отметив наличие здесь сильных ветров в осеннее и зимнее время (Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 8. Л. 24 об. — 25). Но староверы, жившие здесь, в частности на р. Амагу, занимались земледелием, несмотря на то, что климат здесь был совершенно иным, чем на такой же широте в южной

(у оз. Ханка. — Ю.А.) или центральной (на р. Даубихэ, район с. Анучино. — Ю.А.) части Южно-Уссурийского края. Им пришлось менять свой аграрный календарь. Вот как об этом писал в 1907 г. в своём дневнике В.К. Арсеньев: «...*В районе р. Амагу зима более суровая, чем около залива Св. Ольги... Проводя параллель по широте здесь хлеба сеят в конце мая, тогда как у оз. Ханка и в области Анучина посев производится в конце Марта или в самом начале Апреля. Хлеба жнут в Амагу в конце Сентября, около Ханки в конце Июля. Надо считать, что в то время пока хлеб цветет на Амагу, в области Анучина его уже ждали и склади в зароды... Лето прохладное, отсутствие летних жаров, влияние бризов, облачное небо, частые туманы — вот причины столь позднего цветения деревьев и трав и созревание хлебов...*» (Архив ОИАК. Ф.В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 8. Л. 24 с об., 27). Помимо земледелия старообрядцы занимались на побережье и скотоводством. Его, при отсутствии здесь гнуса и обилии кормовых трав, по мнению В.К. Арсеньева, можно было бы поставить на хорошую промышленную основу: «...*У старообрядцев на р. Амагу очень много лошадей и крупного рогатого скота... Часть скота они продают на убой в Никольск-Уссурийский для продажи или просто сдают мясо на военные суда... Все лошади крупные, рослые, кровные (есть карабахи и даже арабской крови). Лошадей они продают поселянам по цене довольно высокой*» (Архив ОИАК. Ф.В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 5. Л. 66 с об.; Д. 7. Л. 85 с об.; Д. 8. Л. 50 об.).

Старообрядцы в своей хозяйственной деятельности старались использовать все природные ресурсы, которыми располагал Дальний Восток. Они стремились, насколько это было возможно, вести комплексное хозяйство, с успехом применяя как принесенные сюда традиционные русские приёмы, так и традиции аборигенных и других народов Дальнего Востока. Там, где не позволяли природные условия — в таёжных и прибрежных районах, — хлебопашество как основной вид занятия старообрядцы сменили на таёжные промыслы — охоту, рыболовство, сбор дикоросов (орехи, грибы, ягоды). Они справедливо полагали, что эти виды хозяйствования в данных природно-климатических условиях принесут больше выгоды. Это увидел и справедливо оценил В.К. Арсеньев во время своих путешествий: «*Они [старообрядцы] ...говорят зачем нам добывать деньги из земли, когда есть они и на поверхности, стоит их не лезть только подбирать. Земледелие даст богатые урожаи, река — рыбу на весь год, охота — мясо постоянно, скотоводство — молоко, сыр, масло, пчёлы — мед, соболь — лишнюю копейку на черный день, помимо покупок всего необходимого для жизни*» (Архив ОИАК. Ф.В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 7. Л. 90 с об.). Староверы быстро поняли, что соболевание — это один из самых быстрых и доходных источников обогащения, поэтому они использовали при охоте на соболя как известные им, принесенные из Сибири русские способы добычи, так и приёмы аборигенных и пришлых восточноазиатских народов. «*Средство к жизни старообрядцев — соболевание всеми способами и китайским, и корейским, и голдыским в самых широких размерах...*» (Архив ОИАК. Ф.В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 6. Л. 31 с об.; Д. 7. Л. 7 с об.), сообщил Владимир Клавдиевич в своих дневниковых записях за 1907 г, описав и сделав на полях дневников зарисовки корейского, а также ороцкого самострелов и ловлю соболей сеткой (Архив ОИАК. Ф.В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 7. Л. 11 об., 16, 18). Хорошую продукцию для жизнеобеспечения давала охота и на других пушных и копытных зверей (лось, изобр, кабан, кося, медведь, рысь, енот, колонок, лисица, тигр и др.), а также на боровую (глухарь, рябчик, фазан) и водоплавающую (гуси, утки) птицу, с использованием самых разнообразных способов их добычи. Об этом есть немало записей в дневниках В.К. Арсеньева. Там же помещены сведения Владимира Клавдиевича и о развитии у старообрядцев рыболовства, в том числе о видах рыб, особенностях их миграции, способах добычи (Архив ОИАК. Ф.В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 6. Л. 41 с об.; Д. 7. Л. Л. 56 с об. -57 с об., 58 с об.). Значительное развитие получило у старообрядцев и пчеловодство, как в центральной части

Южно-Уссурийского края на реках Даубихэ (Арсеньевка) и Улахэ (Уссури), где они держали до 300 ульев (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Л. 225-226; Ф. 702. Оп. 5. Д. 236. Л. 3-4), так и на побережье Японского моря. «Также хорошо у них поставлено и пчеловодство. Хозяева насчитывают улья сотнями...» (Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 8. Л. 51), писал В. К. Арсеньев о старообрядцах, живших на побережье. Этот промысел, а также добыча в урожайные годы кедрового ореха позволяла старообрядцам значительно увеличить свои доходы.

В. К. Арсеньеву во время его путешествий, как уже говорилось, удалось зафиксировать многие аспекты повседневности, помогавшие жизнеобеспечению переселенцев. В этом плане он обратил внимание на любознательность и наблюдательность старообрядцев, стремление лучше узнать природно-климатические условия, в которых они жили. Ведя натуральное хозяйство, получая от природы многие жизненные ресурсы, проводя немало времени на охоте и рыбалке, они научились подмечать и использовать себе во благо многие явления природы. Это высоко оценил В. К. Арсеньев, когда получше познакомился со старообрядцами и центральных районов Сихотэ-Алиня, и побережья. Отдельные сведения старообрядцев он зафиксировал в своих дневниковых записях. В частности, в одном из путевых дневников за 1907 г. Владимир Клавдиевич приводит ежедневные метеорологические наблюдения крестьянина-старообрядца из дер. Богословка на р. Амагу Игнатия Калугина за летний период 1907 г. (Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 8. Л. 26 с об.).

Старообрядцы сообщали В. К. Арсеньеву сведения об ареале распространения тех или иных таежных растений, время их цветения и созревания плодов, их целебные качества: «Старообрядцы с р. Амагу заметили, что ядовитые травы, растущие на берегу моря, не обладают той степенью ядовитости как растущие в глубине страны вдали от моря. Наприм[ер], «Борец» и «Чемерица» (Этим объясняется, почему иногда скот ест молодые побеги *Veratrum* на берегу моря)» (Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 17 об.). Некоторые старообрядцы стали постоянными корреспондентами знаменитого путешественника. Они сообщали ему сведения о повадках различных животных, о местах их обитания и ареале распространения, о времени прилета и отлета диких гусей и уток, геологические, минералогические и другие данные. Приводим выдержки из письма старообрядца Терентия Калугина, которого В. К. Арсеньев высоко ценил за энтомологические знания: «21 февраля 1915 г. Ур. [очище] Анучино Глубокоуважаемый Владимир Клавдиевич! Письмо Ваше от 11 февраля с.г. я получил, на которое честь имею ответить. Упомянутые Вами в письме горные козлы водятся: по р. Тудагоу в Ур. [очище] Паутова... Затем в вершинах Сандагоу по притоку речки Лудье там убивают ежегодно, но мне туда совершенно не приходится ходить, хотя я своим знакомым написал в дер. Каменку и Кокишаровку, чтобы они позаботились достать как козлов, так и красных волков. В окрестности Ур. [очище] Анучино красных волков совершенно нет. Но я надеюсь, что мои знакомые в Каменке и Кокишаровке должны достать этих зверей. Чертеж от руки р. Тудагоу при сем прилагаю с указанием..., утесов и Ур. [очище] Паутово Зимовье...» (Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 3. Д. 44. Л. 5 с об.).

Со сведениями о времени перелета диких птиц и местоположении отдельных диких животных в том же, 1915 году, было отправлено В. К. Арсеньеву письмо старообрядцем Галактионом Черепановым: «15 июня 1915 г. Глубокоуважаемый Владимир Клавдич! Вы просили меня насчет древностей для коллекции ничего еще не находили таких вещей. Вы просили Алемтия насчет птицы когда куда летит 1914 года весной гуся утки очень мало было когда шли на север мелкая птица шла очень поздно и ужасно много. Осенью

гуся утки и лебедя тоже мало шло а мелкой птицы куличков и разных пород тоже очень было много летели очень рано в 20 Августа до 26 сентября 1915-го года лебедя гуся и утки совсем мало было мелкой птицы тоже мало летит очень холодно. Ежели Вам нужно такое сведение то вы пошлите мне циркуляр как нужно описывать насчет птицы я постараюсь. Вы еще просили насчет диких еманов хотя явного не знаю а маленько могу показать. У нас на горах около моря в Найне я видал рысь задавила ...на Белембе тоже орочен... убил я видал у него кожу он сушил, между Тавайзой и Ахобе тоже мы видали орочен убил маленького быка... Еще на Виноградовке (В. К. Арсеньев подписал «на «Даубихе» — Ю. А.). Евмен Калугин убивал я у него видал из него шапку, когда мы жили в Петропавловке тоже Филимон Бортников убивал вершине Лифы...» (Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 3. Д. 44. Л. 13 с об.).

Были и другие письменные сообщения старообрядцев как об ареале распространения тех или иных видов флоры и фауны, так и о различных природных явлениях, облегчающих или ухудшающих повседневную жизнь старообрядцев в Южно-Уссурийском крае.

Таковы основные черты жизнедеятельности в начале XX в. одной из первых локальных групп русских крестьян Приморья старообрядцах, описанных Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым во время его экспедиций в этот период. Эти материалы путешественника и одновременно очевидца повседневных событий внесли неоценимый вклад в создание этнографического корпуса сведений о русском населении южной части Дальнего Востока начала XX столетия и в значительной степени послужили основой создания базы данных о русских переселенцах Южно-Уссурийского края, на которую опираются последующие исследователи.

1. Аргудяева Ю. В. В. К. Арсеньев — путешественник и этнограф.

Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В. К. Арсеньева.

Материалы, комментарии. — Владивосток: ДВО РАН, 2007. — 272 с.

2. Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII—XX вв. — Новосибирск: Февраль, 1994. — 148 с.

Список сокращений:

Архив ОИАК— Архив Общества изучения Амурского края.

РГИА ДВ —Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

¹ Термин «семейские» трактуется по-разному: потомки старообрядцев, бежавших после раскола в Русской православной церкви в Польшу и поселившихся там по берегам р. Сейм или потому, что они были возвращены в Россию Екатериной II в 1764–1765 гг. семьями и водворены в Забайкалье. См.: Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск: Февраль, 1994. С. 31.

² Аянский тракт соединял г. Якутск с портом Аян, расположенным на побережье Охотского моря.

³ Здесь и далее орфография и пунктуация дневниковых записей В. К. Арсеньева и других материалов, хранящихся в фонде В. К. Арсеньева, сохранены полностью.

Е. В. Глебова,
региональный культурно-просветительский журнал
«Словесница Искусств», г. Хабаровск;
журнал «Страстной бульвар, 10»
Союза театральных деятелей РФ,
г. Москва

ДАРЫ АРСЕНЬЕВА. РЫБОЛОВНАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ НИЖНЕГО АМУРА В МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ РОССИИ

В многогранной исследовательской биографии Владимира Клавдиевича Арсеньева достойное место занимает его деятельность по сбору и формированию музейных коллекций. В этом он видел одно из важных направлений по сохранению традиционной культуры тунгусо-маньчжурских народов, проживающих на территории Нижнего Амура и Приморья, которая вплоть до конца XIX в. оставалась для российской науки практически не познанной, но под влиянием целого ряда факторов уже начинала претерпевать необратимые трансформации. Систематические исследования проживающих на этих территориях коренных этносов начались лишь в 1920-е гг., но в формировании первоначального фундамента дальневосточной этнографической науки, без сомнения, большой вклад выдающегося путешественника, этнографа, писателя В. К. Арсеньева.

Коллекции, собранные В. К. Арсеньевым в течение почти трех десятилетий и не утратившие научно-исторического значения, вобрали многие важные элементы традиционной культуры нижеамурских этносов, но в данной публикации основной акцент будет сделан на предметах, которые отражают рыболовную культуру этих народов, повлиявшую на все сферы их жизни (особые промысловые обряды, особый комплекс рыболовных средств, широкое использование в быту и обрядовых практиках кожи рыб, приспособления для обработки древнего материала и т.д.).

Биографы и исследователи творчества Арсеньева указывают на такое его важное качество, как научный универсализм, называют путешественником-энциклопедистом. Отдав в общей сложности 30 лет своей жизни изучению Дальнего Востока и совершив 12 крупных экспедиций, не считая многочисленных краткосрочных походов, Владимир Клавдиевич обладал серьезными знаниями в самых разных областях. Используя в своей работе комплексные методы изучения, Арсеньев внес существенный вклад в общую географию, геологию, ботанику, ихтиологию, орнитологию, энтомологию, археологию, антропологию, формируя во время экспедиций богатый предметный материал по этим направлениям. Кроме того, он составлял детальные описания местности и подробные карты маршрутов, вел метеорологические наблюдения, изучал вопросы влияния русских переселенцев на традиционный уклад жизни коренного населения, рассматривал условия рыболовного и охотничьего промыслов и т.д. Важно подчеркнуть, что все виды научных наблюдений В. К. Арсеньев производил сам, собирая

естественно-исторические коллекции, наблюдая за жизнью коренного и пришлого населения, тщательно изучая тип и характер местности [9, с. 133; 2, с. 6–8; 1, с. 68]. И все же особое место в научных исследованиях В.К. Арсеньева занимала этнография, ставшая для него приоритетной. С самого начала во всех его экспедициях в числе главных задач был сбор сведений этнографического характера [1, с. 7]. Сегодня книги, статьи, дневники В.К. Арсеньева, где отражены многие ценные факты о жизни коренного населения, являются для современных исследователей важным историческим источником.

Благодаря бескорыстной, неутомимой и целенаправленной деятельности Арсеньева по сбору этнографических материалов отечественные центральные и региональные музеи год от года пополнялись ценными экспонатами. Сформированные им обширные коллекции поступали в Академию наук и этнографический отдел Русского музея в Санкт-Петербурге, в Румянцевский музей в Москве и музей Казанского университета. Арсеньев неустанно расширял сеть своих научных контактов, и в результате культура тунгусо-маньчжурских этносов Дальнего Востока нашла отражение в этнографических коллекциях музеев Токио и Вашингтона. Как отмечает А.И. Тарасова, биограф и исследователь творческого пути дальневосточного этнографа, «один только перечень его коллекций, хранящихся сейчас в музеях нашей страны и за рубежом, занял бы большое число страниц» [9, с. 270]. К примеру, в период между 1914 и 1919 гг. в музей Казанского университета В.К. Арсеньевым была передана коллекция шаманских принадлежностей орочей [3, с. 11]. К числу примечательнейших экспонатов Сибирского отдела Музея этнографии Российской Академии наук принадлежит этнографический комплекс «Гробница Ингину», найденная Арсеньевым во время экспедиции 1908–1910 гг. [2, с. 430].

В коллекционном собрании Российского этнографического музея (РЭМ) по культуре коренного населения Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, которое насчитывает около 50 000 этнографических памятников и является самым крупным в мире, находится более 200 предметов быта орочей, нанайцев, ульчей, переданных В.К. Арсеньевым. Дальневосточный исследователь был одним из тех, кто закладывал основу этого ценнейшего собрания РЭМ, сыграв яркую роль в комплектовании фонда этого музея [6]. Собранные им во время экспедиции уникальные предметы отражают главные символы традиционной культуры коренных этносов Нижнего Амура. Среди экспонатов — ритуальная скульптура, связанная с промысловыми обрядами, одежда из рыбьей кожи, являющаяся важным маркером культуры нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев. В письме Л.Я. Штернбергу от 28 мая 1914 г., где речь идет об отправленных им в Петербург коллекциях, Арсеньев подчеркивает ценность костюмов из рыбьей кожи, которые «быстро сходят со сцены» [2, с. 169].

Планомерно собирая, систематизируя, снабжая детальными описаниями и комментариями свои коллекции по этнографии и антропологии тунгусо-маньчжурских народов, В.К. Арсеньев предоставлял возможность ведущим российским ученым изучать этническую историю и культуру далекой окраины России по достоверным источникам. Исследователь вел обширную переписку, в числе его адресатов выдающиеся ученые, руководители двух школ российских антропологов и этнографов Д.Н. Анучин и Л.Я. Штернберг, ставшие для дальневосточного исследователя наставниками, дававшие важные рекомендации по сбору полевых материалов. «Живя здесь, в Хабаровске, и имея постоянную связь с инородцами, я считаю своей обязанностью о всяких интересных этнографических предметах, передаваемых ими, извещать музеи в Петербурге и Москве», — сообщал В.К. Арсеньев в письме Н.Д. Анучину, датирован-

ном 1913 г. (РГБ НИОР. Ф. 10. К. 11. Ед. хр. 223–228. Л. 5). Подобная мысль высказана и в письме к Л. Я. Штернбергу: «...я считаю своим долгом быть полезным музеям в Москве и Петербурге и быть полезным для Вас лично. Поэтому я зорко буду следить за всем, что здесь продается, что есть ценного, что можно приобрести случайно и т. д.» [2, с. 168]. Находясь внутри этнического пространства, ученый не только выполнял конкретные заказы Академии наук и центральных музеев, но и сам отслеживал действительно редкие, представляющие интерес для науки этнографические памятники. «На днях я вышло Вам берестяную коробочку, увешанную медвежьими *ostpenis*'ами, — сообщает Арсеньев Анучину в одном из писем 1913 г. — Это уника. Почти уверен, что более достать такой не удастся. Только у старых женщин можно найти такие коробочки. Старики вымирают, а молодежь быстро ассимилирует русскими и китайцами» (РГБ НИОР. Ф. 10. К. 11. Ед. хр. 223–228. Л. 4).

Арсеньевские коллекции собирались во время экспедиционных походов, сопровождавшихся, как правило, немалыми трудностями, и можно только предполагать, каких усилий стоила транспортировка и сохранность ценных предметов. Другой серьезной заботой являлась их доставка с дальневосточной окраины в центр: экспонаты переправлялись по железной дороге в специальных ящиках, при этом не было гарантии их благополучного перемещения. В письме Штернбергу от 21 июля 1910 г. Арсеньев высказывает опасения за отправленные коллекции, поскольку администрация железной дороги не понимает, «какую ценность представляют из себя эти вещи» [2, с. 163]. Важным фактором в полевых сборах этнографа являлось и то, что он находился в непосредственном контакте с коренным населением, знал их психологию, соблюдал этику по отношению к национальным обычаям, что позволяло ему целенаправленно формировать коллекции по тем или иным направлениям этнической культуры. «Инородцы очень часто у меня бывают, — писал он в 1912 г. в Петербург Л. Я. Штернбергу. — Каждый раз по приезде в Хабаровск они останавливаются у меня в доме. Связь с орочами я еще не утратил» [2, с. 166].

Не имея специального этнографического и антропологического образования, В. К. Арсеньев обладал обширными знаниями о коренных народах Приамурского края, занимался постоянным самообразованием и как исследователь имел достаточно серьезный авторитет. Не случайно в 1911 г. за подготовку значительных по объему докладов по этнографии и археологии, суммировавших итоги экспедиций 1900–1910 гг., дальневосточный исследователь был награжден малой серебряной медалью Русского географического общества, а за доставленную им этнографическую коллекцию в Русский музей (сегодня Российский этнографический музей — РЭМ) — серебряной медалью этого учреждения. Но, пожалуй, главным знаком внимания к научной деятельности В. К. Арсеньева и признания его выдающихся заслуг стала организованная в Русском музее выставка собранных им этнографических и археологических коллекций, вызвавшая большой интерес общественности и даже привлекая внимание первых лиц государства [9, с. 132]. Выставка вошла в перечень событий проходившей тогда в Санкт-Петербурге Всемирной этнографической выставки. Минувло чуть более 100 лет, и арсеньевское наследие вернулось во Владивосток: в 2014 г. в Музее города состоялась выставка артефактов из фондов РЭМ, где в числе 90 прибывших из Санкт-Петербурга экспонатов были представлены предметы одежды удэгейцев, орудия рыболовного промысла, атрибуты шаманского культа, собранные Арсеньевым во время экспедиций в начале XX в. [7]. О востребованности Арсеньева в академических кругах, его компетентности как этнографа говорит и такой факт. В 1915 г. заведующий этнографическим отделом Русского музея императора Александра III обратился к дальневосточному исследователю

с просьбой «оказать любезное содействие этнографическому отделу Русского музея, который весьма нуждается в фотографиях аборигенов Приморской области, а именно: 1. Орочен — мужчин, женщин и детей (фасы и профили), 2. Орочей — мужчин, женщин и детей (фасы и профили), 3. Коряков — мужчин, женщин и детей (фасы и профили). Желательны фотографии с возможными крупными лицами, чтобы по ним скульптор мог бы вылепить типические лица, необходимые для манекенов...» [4, с. 8].

Неоценима роль Арсеньева как ученого-этнографа и собирателя артефактов и в судьбах краеведческих музеев Дальнего Востока. В разные годы Владимир Клавдиевич занимал должность директора Хабаровского краеведческого музея (1910–1919, 1924–1925) и заведующего этнографическим отделом Владивостокского музея (1924–1925), и в эти периоды не только значительно пополнил их коллекции, но и организовал такое важное направление, как составление каталогов, поставив работу на научную основу [9, с. 268]. Установив связи с центральными российскими и зарубежными музеями, В.К. Арсеньев сделал таким образом региональные музеи частью общенационального научного сообщества. Центр выставочного пространства зала этнографии Краевого музея им. Н.И. Гродекова и его гордость — уникальный комплекс охранителей шамана, включающий пять крупных предметов, главным из которых является скульптура Мангни. Этот раритет был привезен В.К. Арсеньевым в 1911 г. с р. Уленгоу (приток р. Кусун). В общей сложности собрание культовой скульптуры в Гродековском музее составляет более 400 экспонатов, и серьезный вклад в ее комплектование, так же как и в формирование других этнографических коллекций, концентрирующих предметы духовной и материальной культуры коренных народов Нижнего Амура, внес В.К. Арсеньев. В списке арсеньевских экспонатов ритуальной скульптуры из коллекции Гродековского музея сзвен «Низанку» (привезен в 1907 г. с реки Кусун), сзвен «Кусаланку» (найден на реке Нахтоху в 1011 г.), сделанные по указанию шамана для удачного промысла. К редким предметам относится и ритуальная птица «Гаха-Куа», являющаяся частью шаманского дерева и важным атрибутом камланий (сборы 1911 г. на реке Нахтоху). Эти уникальные экспонаты принимали участие в различных выставках в России (Хабаровск, 1993, 1995) и за рубежом (Сан-Франциско, США, 1994) [8, с. 45, 55, 58, 86, 181].

К важным этнографическим источникам относится и каталог коллекции по культуре удэгейцев, составленный В.К. Арсеньевым в 1913 г. (его первая публикация осуществлена лишь в 2005 г. Хабаровским краевым музеем им. Н.И. Гродекова) [3]. В него внесены 177 предметов, даны описательные статьи по разделам «Рыболовство», «Берестяные изделия», «Одежда и украшения», «Охота», «Религия», «Жилища и средства передвижения». Изучая содержание каталога, можно отметить, что практически во всех коллекциях имеются экспонаты с пометкой «От капитана Арсеньева». Среди них «Малая острога», с помощью которой «рыбу бьют с берега», «Жилы изюбриные» (р. Иман, 1906), используемые для шитья обуви из рыбьей кожи, «Молоток для выделки рыбьей кожи», «Обувь из рыбьей кожи» (р. Хор, 1909), «Модели речных лодок» и др. [3, с. 16, 21, 22, 25, 40].

Среди знаковых экспонатов Приморского краеведческого музея, носящего с 1945 г. имя В.К. Арсеньева, можно выделить мемориальную коллекцию эвенкийских кожаных изделий, собранную исследователем во время его экспедиции 1917–1918 гг. на р. Урми и переданную им в музейные фонды в 1921 г. В.В. Кобко, автор исследования, посвященного арсеньевской коллекции, отмечает, что предметами этого небольшого собрания являются в широком смысле слова сумки, но у каждой свое назначение, каждая отражает тот или иной аспект жизни эвенков. Например, футляр для удоч-

ки «Чепгыч» из кожи оленя, украшенный нашитыми квадратами из меха желтого и коричневого цветов. Сбоку прикреплен ремешок для ношения и к ней мешочек из кожи с рыболовными снастями [5]. Кроме того, и Арсеньевский, и Гродековский музеи обладают редкими фотографиями из экспедиционных альбомов В. К. Арсеньева, которые с каждым годом приобретают все большую ценность как исторический источник.

Благодаря таким исследователям, как В. К. Арсеньев, отечественная наука пополнялась новыми ценными сведениями, а коренные дальневосточные народы постепенно занимали достойное место на большой этнографической карте России. Есть и другой важный аспект: собирая в течение многих лет и описывая этнографические коллекции, Арсеньев закладывал ресурс сохраненного подлинного этнографического материала, представляющий огромный интерес не только для современных исследователей, но и для новых поколений коренных народов Нижнего Амура, заинтересованных в ретрансляции своих традиций.

Арсеньев понимал, насколько важны этнографические свидетельства традиционной культуры коренных этносов, о чем размышлял в письме Д. Н. Анучину в 1913 г. Он пишет о «нивелирующей руке европейца», которая вытесняет традиционную орнаментированную одежду приамурских народов и предполагает, что «со смертью старых женщин такие расшитые костюмы сразу сойдут со сцены и воспоминания о них можно будет найти в музеях» (РГБ НИОР. Ф. 10. К. 11. Ед. хр. 223–228. Л. 5). Время показало, каким провидцем был Арсеньев, сколь масштабно он мыслит, не замыкаясь на сиюминутном, заботясь о сохранении подлинной истории на благо будущих поколений.

1. Аргудяева Ю. В. В. К. Арсеньев — путешественник и этнограф. Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В. К. Арсеньева. Материалы и комментарии. — Владивосток, 2007. — 272 с.
2. Арсеньев В. К. Жизнь и приключения в тайге. — М. 1957. — 287 с.
3. Арсеньев, В. К. Каталог «Орочи-Удэхе». — Хабаровск, 2005. — 90 с.
4. Бендик Н. Н. Одиннадцать директорских лет // Словесница искусств. 2003. № 12. С. 8–10.
5. Кобко В. В. Опыт реставрации эвенкийских сумок из мемориальной коллекции В. К. Арсеньева [Электронный ресурс]. URL: <http://arseniev.org/about-museum/research/publications/opyt-restavracii-evenkijskix-sumok-iz-memorialnoj-kollekcii-v-k-arseneva> (дата обращения 03.08.2017).
6. Коллекции по культуре народов Сибири и Дальнего Востока. Российский этнографический музей [Электронный ресурс]. URL: <http://ethnomuseum.ru/kollekcii-po-kulture-narodov-sibiri-vostok> (дата обращения 03.08.2017).
7. Мир удэхе глазами Арсеньева [Электронный ресурс]. URL: <http://ouac.pfu/news/2014-09-01> (дата обращения 03.08.2017).
8. Сзевны. Каталог культовой скульптуры из собрания ХКМ им. Н. И. Гродекова. — Хабаровск, 2012. — 206 с.
9. Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. — М., 1985. — 342 с.

Список сокращений:

РГБ НИОР — Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей.
РЭМ — Российский этнографический музей.

И. А. Головнев,
 Институт Истории и Археологии УрО РАН,
 Некоммерческое Партнерство
 «Этнографическое Бюро»,
 г. Екатеринбург

ПЕРВОЕ ЭТНОКИНО И В. К. АРСЕНЬЕВ¹

*«Как в грандиозном кинематографе
 сменяются картины одни другими:
 охота, инородцы, приключения,
 новости и открытия...»*

В. К. Арсеньев, из письма
 П. К. Козлову от 23.09.1911

Биографы, изучавшие жизнь и деятельность В. К. Арсеньева, метко подчеркивают особое свойство в его творчестве — кроссжанровость [6, 8, 21, 22]. Действительно, арсеньевские тексты — достаточно многослойны — они не только интересны исследователю и образны с точки зрения литературы, они также и кинематографичны. В. К. Арсеньев был исследователем, писавшим с визуальным акцентом. Его полевые тетради — синтетические коллажи из текста и изобразительных элементов: вырезок из бересты, рисунков, карт, фотографий. В каждую экспедицию, педантично оптимизируя вес снаряжения, он непременно брал фотокамеру с запасом пластин и слыл умелым «съемщиком» [4, с. 10; 13, с. 38]. В фотографии В. К. Арсеньев фокусировался не только на исследовательских деталях. Он снимал портреты людей, сцены из их быта, природные фоны, словно делал пробы персонажей и натуры для своих литературных произведений — в арсеньевских архивах осталось множество «кадров» будущих романов (АОИАК. Ф. 14 Оп. 2, Д. 56; АРГО, Ф. 86, Оп. 1, Д. 75; АХКМ. Ф. 52, Оп. 165-а, д. 64, ПГОМ им. В. К. Арсеньева. Ф. 61, Оп. 2, Д. 1 – 24).

В. К. Арсеньев стремился популяризировать природные и культурные богатства Дальнего Востока всеми средствами, в том числе и через кино. И основным «кинематографическим» периодом в творческой биографии исследователя был конец 1920-х годов — именно в это время В. К. Арсеньев тесно сотрудничал с режиссером А. А. Литвиновым, закладывая основы направления этнографического кино в СССР². Из серии киноработ о народностях Дальнего Востока, созданных А. А. Литвиновым и В. К. Арсеньевым, наиболее известным является фильм «Лесные люди» (1928). По воспоминаниям режиссера А. А. Литвинова, на создание данного фильма его сподвигла случайность — небольшая газетная статья на страницах «Вечерней Москвы» с экзотическим названием «Племя, заблудившееся в веках» [12, с. 3]. Вдохновленный романтикой кинопутешествий режиссер сумел добиться одобрения идеи создания подобного фильм сначала сообществом ученых, а после — и руководством кинофабрики «Совкино». И в феврале 1928 года съемочная литвиновская киногруппа прибыла из Москвы во Владивосток, где по рекомендации столичных деятелей

академии наук они обратились за консультационной поддержкой к В.К. Арсеньеву. В.К. Арсеньев и сам давно вынашивал идею создать кинофильм о природе, быте и нравах этнических сообществ Дальнего Востока. В частности, еще летом 1914 года он консультировал приехавшего из Москвы в Хабаровск оператора Ф.К. Бремера — корреспондента кинофабрики А.А. Ханжонкова, а позже просил «Совкино» прислать кинооператора в его экспедицию для съемок действующего Авачинского вулкана на Камчатке [22, с. 268]. И при встрече с литвиновской киногоруппой В.К. Арсеньев прежде всего сделал акцент на необходимости проведения экспедиции для съемок фильма: «Придется прибегнуть к самым невообразимым способам передвижения. В районе есть места, где не проедешь, не пройдешь. К тому же не забудьте о зверях, да и с людьми надо быть настороже в этих краях безвластья...» [18, с. 156]. От руководства «Совкино» на имя В.К. Арсеньева были присланы официальные запросы с просьбой об участии в кинопроизводстве, и В.К. Арсеньев дал согласие помогать киноэкспедиции А.А. Литвинова в качестве научного консультанта и редактора (АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56. Л. 16, 112). В 1926 году вышла книга «Лесные люди — удэгейцы» В.К. Арсеньева, которая дала название и сценарную канву будущему фильму А.А. Литвинова.

К началу марта 1928 года сценарий «Лесных людей» был написан. В.К. Арсеньев напутствовал киногоруппу: «Если вам удастся из того, что мы с вами написали, снять только пятьдесят процентов, то это уже можно считать победой» [11, с. 123]. Сам он, связанный неотложными административными обязательствами, поехать в киноэкспедицию не смог, однако он участвовал в снаряжении группы А.А. Литвинова как своей собственной: им лично был проработан весь маршрут кинопохода, составлен список предметов экипировки и даже продуктов, даны необходимые рекомендации, письма и телеграммы к «связным» на местах, а гидом киноэкспедиции стал арсеньевский проводник Сунцай Геонка.

Поскольку книга В.К. Арсеньева «Лесные люди — удэгейцы» стала основой сценария и фильма А.А. Литвинова «Лесные люди», особый исследовательский интерес представляет сопоставление этих двух источников — научной книги и этнографического фильма. Книга В.К. Арсеньева «Лесные люди — удэгейцы», изданная во Владивостоке в 1926 году, состоит из трех глав — «Внешний быт удэгейцев», «Общественный строй», «Мирозозерцание» [2].

«Лесные люди» режиссера А.А. Литвинова — полнометражный (60 минут), черно-белый, немой этнографический фильм, снятый в 1928 году и сохранившийся до наших дней в фондах Российского Государственного Архива Кинофотодокументов (г. Красногорск). Первая часть литвиновского фильма в полной мере сопоставима по содержанию с первой главой книги В.К. Арсеньева. В частности, из главы «Внешний быт удэгейцев» в фильм перенесены следующие эпизоды: выделывание шкур и приготовление пищи женщинами, поэтапное изготовление лодки из цельного дерева и управление этой лодкой мужчинами, игры детей под присмотром старейшины стойбища. Само поселение, собранное из природных материалов, показано гармонично встроенным в окружающую среду. Жизнь людей, бурлящая на стойбище, выглядит четко расписанной по ролям и по времени; а сами лесные люди смотрятся уверенными в совершаемых действиях, демонстрируя приспособленность к окружающей среде. Вторая часть фильма Литвинова, в свою очередь, сопоставляема со второй главой книги Арсеньева — «Общественный строй». При этом важной особенностью трансляции текста книги в фильм стал отбор материалов, дающих возможность образовывать сюжетные сцены в кино. В частности, в данной главе есть параграф о разделении ролей мужчины и женщины в традиционной культуре удэгейцев, где роль мужчины — до-

бытчик, а женщины — хозяйка. В книге приведено конкретное воспоминание автора: «Один раз я был свидетелем такой сцены. Мужчина возвратился с охоты и сообщил жене, что убил изюбря и что зверя надо перенести к дому, а сам ушел снова на охоту. Когда женщина отправилась в горы, я пошел с нею. Скоро по следам она нашла убитого оленя и принялась за работу. В несколько минут она вырубил сошки, быстро наладила их для носки на спине и в три приема перенесла все мясо к своей юрте» [2, с. 20]. Эта сцена и стала объектом внимания кинематографистов — буквально кадровой киноцитатой текстового фрагмента книги. Следующая по порядку сцена в книге и в фильме посвящена удэгейскому обычаю, связанному с рождением ребенка, для чего будущий отец строит отдельный шалаш, в котором изолируется роженица за несколько дней до момента появления ребенка. В этот период женщине никто не помогает, только старшая родственница приносит ей еду и питье. Лишь спустя десять суток после родов мать с новорожденным ребенком возвращается в общую юрту, и младенец, помещенный в традиционную люльку, занимает свое место в семье.

Фокусировка на конкретных сюжетных сценах дополняется вниманием кинематографистов к экзотичности удэгейских культурных ситуаций, очередной пример чего мы находим при сопоставлении арсеньевской книги и литвиновского фильма. «Все удэгейцы: и мужчины, и женщины, и взрослые, и малые курят табак. Иногда случается видеть мальчика, которого мать только что отогнала от груди. Он чувствует себя обиженным, из глаз его текут слезы, он садится к огню, достает свою трубку и, всхлипывая, раскуривает ее угольком» [2, с. 22] — этот арсеньевский текст подробно экранизирован в фильме, включая слезы мальчика, случившиеся, вероятно, от попадания кострового дыма в глаза.

Охота на медведя — одна из наиболее запоминающихся сцен фильма. Она продолжает серию экзотических сюжетов, тоже отобранную для фильма из книги В.К. Арсеньева. Содержанием кинематографической охоты является поединок между человеком и медведем, в ходе которого охотник побеждает тотемное животное с помощью традиционного копья. Примечательно, что статистом в сцене, изображающим охотника, выступает Сунцай Геонка — проводник киногоруппы. Отличительными особенностями данной сцены являются многоаккурность и экспрессивный монтаж, увеличивающие эмоциональную температуру и без того напряженного экранного действия. Кинематографическим постскриптумом к сцене охоты является эпизод ритуального поедания головы медведя, имевший в удэгейской традиции характер праздника-похорон, также подробно описанный в книге В.К. Арсеньева [2, с. 36].

Таким образом, литвиновский фильм аккуратно следует первым двум главам арсеньевской книги и состоит из сюжетно законченных киноновелл, последовательно собирающихся в цельный образ традиционной удэгейской культуры. Однако в кульминационный момент повествования созвучие книги и фильма обрывается, и вместо рассказа о духовной культуре (как в книге) фильм завершается панорамой социалистических преобразований среди лесных людей (как в сценарии). Эта заключительная часть фильма имеет особый сюжет. Начало ее — сцена собрания социалистической ячейки удэгейцев: все участники предыдущих сцен фильма группируются в круг туземного совета, заседание которого посвящено вопросам взаимодействия туземцев с советской властью. Титры фильма сообщают, что тузсовет уполномочил Сунцай Геонка передать в Комитет Севера просьбу удэгейского сообщества о помощи в развитии новых видов хозяйствования: огородничества и животноводства. На этом действие фильма переносится со стойбища во Владивосток: по прибытии в город удэгеец Сунцай идет к исследователю Арсеньеву, который, внимательно выслушав

гостя, записывает с его слов содержание просьбы удэгейского туземного совета и отправляет официальное прошение в Комитет Севера. Затем Сунцай Геонка и В.К. Арсеньев отправляются в кинотеатр «Уссури», где посещают сеанс фильма режиссера А.А. Литвинова «По дебрям Уссурийского края». Кульминацией киноглавы является эпизод в морском порту: В.К. Арсеньев провожает Сунцай Геонка обратно в тайгу с положительным письменным ответом от Комитета Севера о готовности оказать удэгейцам посильную экономическую помощь.

В общей сложности шесть месяцев длилась киноэкспедиция по съемке фильма «Лесные люди», после чего группа А.А. Литвинова вернулась во Владивосток, чтобы проявить материал, отпечатать, смонтировать и показать его В.К. Арсеньеву. Первые показы материалов и черновиков «Лесных людей» состоялись в кинотеатре «Уссури» в узком кругу кинематографистов при участии В.К. Арсеньева [19, с. 3]. А.А. Литвинов в красках вспоминал этот показ-экзамен, на который по просьбе В.К. Арсеньева был приглашен также их проводник-удэгеец Сунцай Геонка: «Арсеньев внимательно следил за фильмом, реагируя лишь на возгласы Сунцай. В зале вспыхнул свет. Арсеньев подошел ко мне и, крепко пожав руку, сказал: «Честно скажу. Я не ожидал таких результатов. Так правдиво и масштабно показать Уссурийскую тайгу, так естественно, просто, а главное, тепло раскрыть жизнь маленького, но чудесного народа мог только опытный путешественник и зрелый художник» [11, с. 197].

Выпущенные студией «Совкино» в 1929 году этнофильм «Лесные люди» режиссера А.А. Литвинова и редактора В.К. Арсеньева заслуженно имел успех в кинопрокате СССР, на его просмотры в кинотеатры выстраивались длинные очереди, а благодаря широкому прокату фильма за границей, многомиллионная зрительская аудитория в разных странах мира познакомилась с киноисторией о малочисленном народе Дальнего Востока [7, с. 15].

В личном архиве А.А. Литвинова сохранился печатный отзыв В.К. Арсеньева на фильм «Лесные люди», в котором, в частности, написано: «Несмотря на ограниченность средств, крайне ненастную погоду, экспедиция сумела проникнуть в самую глубь горной области Сихоте-Алиня и там собрать весьма ценный и правдивый этнографический материал, который может сделать честь лучшим специалистам, как в области этнографии, так и киносъемки» (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 93. Л. 20). Примером оценки фильма среди профессионалов от советской науки может также служить заключение Уполномоченного Главнауки на Дальнем Востоке Н.Н. Билибина: «Ознакомившись с картиной «Лесные люди», я нахожу, что проделанная работа по научной ценности зафиксированного на пленке материала, большой художественности съемки и мастерству оформления отдельных сцен, составляющих картину, не оставляет желать ничего лучшего» (АГУК «СОКМ». Ф. 15. Оп. 2. Д. 37. Л. 2). Отзыв Музея Антропологии и Этнографии АН СССР характеризует фильм как «научный документ, зафиксировавший отдельные моменты быта с полнотой и точностью, недоступной никаким иным средствам регистрации этнографических фактов. В этом смысле фильм об удэ, как и всякая этнографическая картина, никогда не потеряет своего значения для науки, тем более что научным руководителем съемок был В.К. Арсеньев, наш лучший знаток быта удэ» (СПФ АРАН. Ф.142. Оп. 1 (1929). Д.13. Л.24). Фильм «Лесные люди» выполнил свою комплексную задачу. С одной стороны, зафиксировав этнографические материалы по традиционной культуре удэгейцев, он явился ценным научным источником. А.А. Литвинов вспоминал: «Мы прекрасно понимали, что подобные обычаи не сегодня-завтра исчезнут с лица земли. Сохранятся они только в нашем фильме, как материал, нужный для понима-

ния отдельных сторон первобытной культуры народа» [11, с. 158]. С другой стороны, благодаря заключительной части фильма, связанной с освещением советских нововведений в жизни удэгейцев, фильм прошел неминуемый идеологический фильтр со стороны принимавших его организаций и вышел в кинотеатральный прокат для широкого зрителя. Кинокартина получила широкую поддержку и со стороны прессы. В частности, газета «Правда», найдя в фильме актуальный в то время в академических и ведомственных кругах образ первобытного коммунизма, резюмировала, что кинокартина «знакомит зрителя с одним из любопытнейших уголков нашего Союза и смотрится с захватывающим, неослабеваемым интересом» [20, с. 4]. Газета «Известия» провозглашала, что «чрезвычайно важно, чтобы этот фильм о народе удэ увидел массовый рабоче-крестьянский зритель» [10, с. 5]. А газета «Вечерняя Москва» добавляла следующее: «Не может быть сомнений в том, что кино должно стать неотъемлемым спутником краеведения. Как никогда, нам именно сейчас, в эпоху социалистического строительства, нужно всесторонне и досконально знать нашу огромную страну, все населяющие ее национальности, их экономический и культурный быт» [15, с. 3].

После завершения Приморской киноэкспедиции А.А. Литвинов и В.К. Арсеньев продолжали активно сотрудничать в направлении производства этнографических фильмов. А во время своего очередного визита в Москву именно В.К. Арсеньев убедил кинематографическое начальство отправить следующую экспедицию на Дальний Восток, обещая всецело содействовать съемкам фильмов [16, с. 3]. Фильм «Лесные люди» стал первым из серии этнографических кинолент А.А. Литвинова и В.К. Арсеньева, созданных на Дальнем Востоке в конце 1920-х — начале 1930-х гг. [17, с. 4]. Влияние В.К. Арсеньева прослеживается во всех основных работах А.А. Литвинова: литвиновский кинематограф — последовательно этнографичен. В 1956 г. Приморским филиалом Географического Общества СССР А.А. Литвинову была присуждена премия им. Ф.Ф. Буссе — «за создание кинофильмов, содержащих ценные документальные материалы по этнографии народностей Дальнего Востока» [14, с. 136]. И в этом, безусловно, сказалось «участие» В.К. Арсеньева. Неслучайно, режиссер посвятил исследователю свою биографическую книгу — «По следам Арсеньева» [12]. Как известно, к текстам В.К. Арсеньева кинематографисты обращались и впоследствии. В частности, документально-художественная повесть «Дерсу Узала» не единожды экранизирована в кино. «Я очень уважаю Арсеньева как художника. Как и другие творцы русской литературы, он обладает способностью глубоко проникать в человеческие души», — вспоминал кинорежиссер Акира Кurosавы [5, с. 5]. Связь своего творчества с кинематографом, чувствовал и сам В.К. Арсеньев, прозорливо предвосхищая появление кинематографических пересказов о Дерсу: «Словно в кинематографе, передо мною вставали картины прошлого: первая встреча с Дерсу на реке Лефу, пурга на озере Ханка, встреча с тигром на Ли-Фудзине, лесной пожар на реке Сахнобе, наводнение на Билимбе, голодовка на Кулумбе, путь по Бикину...» [1, с. 639].

1. Арсеньев В.К. Дерсу Узала // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1 / под ред. ОИАК. — Владивосток: Рубеж, 2007. — 704 с.

2. Арсеньев В.К. Лесные люди удэгейцы. — Владивосток: Книжное дело, 1926.

3. Вертов, Дзига. Из наследия. Т. 2. — М.: Эйзенштейн-центр, 2008. — 648 с.

4. Владимир Владимирович Арсеньев. Биография в фотографиях, воспоминаниях друзей, свидетельствах эпохи / ред. Ю.К. Луганский. — Владивосток: Уссури, 1997. — 336 с.

5. Возвращение Дерсу Узала — Владивосток: Приморское краевое отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, 2005. — 132 с.

6. Егорчев И. Н. Неизвестный Арсеньев. — Владивосток: Изд. Дальневост. ун-та, 2016. — 164 с.
7. Зеуриди А. М. Экран. Наука. Жизнь. — М.: Искусство, 1983. — 166 с.
8. Кабанов Н. Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Путешественник и натуралист. 1872 — 1930. — М.: Изд-во Моск. общ-ва испытателей природы, 1948. — 95 с.
9. Каталог фонда В. К. Арсеньева в Приморском Государственном Объединенном Музее имени В. К. Арсеньева. ПГОМ им. В. К. Арсеньева. — Владивосток, 2002. — 100 с.
10. Лесные люди // Известия. 1929. 10 января. № 8. С. 5.
11. Литвинов А. А. В Уссурийской тайге. Записки кинорежиссера // Уральский современник. 1955. № 1 (29). С. 116—199.
12. Литвинов А. А. По следам Арсеньева. — Владивосток: Приморское книжное издательство, 1959 — 204 с.
13. Луганский Ю. К. Таежные снимки Арсеньева // Советское фото. 1986. Июнь. С. 38—39.
14. Нечаева М. Д. Из поколения первопроходцев // Искусство кино. 1968. № 11. С. 135—136.
15. Новая культура, фильм «Лесные люди» // Вечерняя Москва. 1929. 25 января. С. 3.
16. Поляновский М. Л. Всегда в пути. К 60-летию кинорежиссера А. А. Литвинова // Уральский рабочий. Свердловск. 1958. № 163, 13 августа. С. 3.
17. Поляновский М. Л. Краевед в кино. Памяти Владимира Клавдиевича Арсеньева // Тихоокеанская звезда. 4 сентября. 1930. С. 4.
18. Поляновский М. Л. На далекой окраине. М.: Молодая гвардия, 1930. — С. 156—157.
19. Поляновский М. Л. Приятное разочарование // Экран тихоокеанской звезды. 1928. 2 сентября. — С. 3.
20. Серпуховской В. Лесные люди — удэ // Правда. 1929. 1 февраля. № 26. С. 4.
21. Сумашедов Б. В. Распятый в дебрях. — М.: Известия, 2015. — 496 с.
22. Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. — Владивосток: Изд. дом Дальневост. федер. ун-та, 2012. — 412 с.

Список сокращений:

- АОИАК — Архив Общества Изучения Амурского Края, Ф. 14, Оп. 2, Д. 56
 («Докладные записки, отзывы, переписка и другие материалы по участию В. К. Арсеньева в работах Дальневосточной киноэкспедиции «Совкино» в 1928—1929 гг.»).
- АГУК «СОКМ» — Архив Государственного учреждения культуры «Свердловский Областной Краеведческий Музей». Ф. 15, Оп. 2, Д. 37 («Материалы творческой деятельности режиссера А. А. Литвинова»).
- АХКМ — Архив Хабаровского Краеведческого Музея. Ф. 52, Оп. 165-а, д. 64
 («Собрание документов личного происхождения В. К. Арсеньева»).
- АРГО — Архив Русского Географического Общества. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75
 («Документы по научной и экспедиционной деятельности В. К. Арсеньева»).
- ГАСО — Государственный Архив Свердловской Области. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 93
 («Документы к биографии А. А. Литвинова»).
- СПФ АРАН — Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1929). Д. 13
 («Материалы и документы Музея Антропологии и этнографии АН СССР»).
- ПГОМ им. В. К. Арсеньева — Приморский Государственный Объединенный Музей им. В. К. Арсеньева, Ф. 61.
 Оп. 2. Д. 1 — 24 («Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872—1930), исследователь Дальнего Востока, писатель»)

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-33-01038 // 16 «Образ региона в культурфильме (на примере творчества А. А. Литвинова)».

² Литвинов А. А. (1898—1977) — кинорежиссер, заслуженный деятель искусств, лауреат премии им. Ф. Ф. Буссе, основатель направления этнографического кино в России.

С. В. Гончарова,
Дальневосточный государственный
медицинский университет,
г. Хабаровск

КИТАЙЦЫ В УССУРИЙСКОМ КРАЕ: ПОСЛЕСЛОВИЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Книга Владимира Клавдиевича Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае» была опубликована в 1914 году в «Записках Приамурского отдела Императорского русского географического общества», с деятельностью которого был связан самый плодотворный период жизни исследователя. Это была вторая крупная работа ученого обозначенная им как историко-этнографический очерк, раскрывавший специфику природы, истории, культуры и населения российского Дальнего Востока. В этом издании Владимир Клавдиевич впервые публикует послесловие на французском языке, в котором раскрывает основное содержание работы*.

В первом разделе дана физико-географическая характеристика Уссурийского края. Арсеньев отмечал, что это «гористая местность, покрытая густыми лесами и орошаемая многочисленными реками, текущими во всех направлениях. Флора очень разнообразна. Натуралиста особенно поражает смешение субтропических форм и видов, происходящих с севера. Такое же смешение характеризует фауну, главными представителями которой среди млекопитающих являются тигр, леопард, рысь, медведь, волк, россомаха, куница, соболь, енот, кабан, косуля, архар, лось, олень, лань и кабарга. Во всем, что касается климата, также наблюдаются очень большие колебания в вариациях температуры, влажности и атмосферного давления. Летом наш край подвергается влиянию муссонов; зимой — влиянию полюса холода. Дороги и тропинки существуют только в южной части края. В других частях их совсем нет. Население — смесь русских, корейцев, гольдов, орочей и китайцев» [1, с. 205]. Особенности культуры последних в большей степени и посвящена работа «Китайцы в Уссурийском крае»

Второй раздел посвящен истории региона. Исторические данные, которые приводит Владимир Клавдиевич, выходят далеко за пределы территории Дальнего Востока России. Согласно собранным сведениям «более 1000 лет до нашей эры Уссурийский край был населен племенами тунгусов и сушэней. К середине VII столетия последние исчезли, и впервые появилось королевство Бохай. В XII и XIII веках на развалинах Бохай возникла империя Цзинь, потом до XIX столетия был почти полностью заброшен и опустошен. Китайцы появлялись здесь лишь незадолго до прихода русских» [1, с. 205]. Из приведенного отрывка видно, что значительное влияние на развитие народов, населявших данный регион, оказали крупные феодальные государства (Бохай, Цзинь), чьи границы охватывали современные северо-восточные и северные районы Китая, часть Кореи и Монголии.

* Перевод с французского выполнен Г. Г. Егошиной.

В третьей части послесловия Арсеньев дал пояснения о достаточно сложной ситуации с топонимикой на территории Уссурийского края. «Китайцы, проникнув в Уссурийский край, либо исказили названия, которые туземцы и маньчжуры дали рекам и горам, либо окрестили их на свой манер. Русские, в свою очередь, исказили китайские названия и окончательно запутали их» [1, с. 206].

Специфика деятельности китайцев-земледельцев раскрывается в четвертом разделе. Эти переселенцы, по мнению Арсеньева, «приходят из Китая одни, без своих семей... очень трудолюбивы, очень заботливы и очень привязаны к своим полям и огородам» [1, с. 206].

Пятый пункт посвящен такой характерной черте китайцев в освоении новых территорий, как жестокая эксплуатация туземного населения. «В южной части Уссурийского края китайцы полностью ассимилировали и поработили туземцев. Нередким является десятилетнее рабство у уссурийских китайцев» [1, с. 206]. Эта специфическая черта поведения отмечалась многими отечественными и зарубежными исследователями культуры китайцев, живших за пределами Китая.

В шестом разделе Арсеньев раскрыл особенности ведения такого традиционного для таёжной территории вида деятельности, как охота. «Вся южная часть Уссурийского края покрыта ловушками на кабана, установленными китайскими охотниками. Почти все жители тайги были вооружены карабинами. Охотничьи шалаши исчисляются тысячами, а количество ловушек на соболя достигает нескольких миллионов» [1, с. 206]. Сточки зрения ученого, основу промысла составляло хищническое отношение к природе и жесточайшая эксплуатация природных ресурсов.

Продолжая эти рассуждения, Владимир Клавдиевич в седьмом разделе уточняет, что главными занятиями китайцев в Уссурийском крае и «источниками обогащения всегда были ловля оленей и кабарги, сбор грибов и лишайников, добыча жемчуга, морской капусты, ловля крабов, голотурий* и т. д.» [1, с. 207].

Особенностям промысла китайцев-искателей женьшеня посвящен восьмой раздел. Женьшень был одним из богатств Уссурийского края, за сбором которого отправлялись многочисленные промысловики. Сборщики женьшеня преодолевали очень большие расстояния и терпели лишения, так как это растение встречалось редко, произрастало в удаленных и труднодоступных районах тайги. «У китайцев существует множество легенд, посвященных этому растению. Корень женьшеня применяют в форме пилуль или настоя» [1, с. 207].

В девятом пункте Арсеньев даёт анализ еще одной статьи дохода китайцев — изготовление ханшина (традиционный китайский алкогольный напиток). У каждого китайца-земледельца был аппарат, предназначенный для производства алкоголя как для личных нужд владельца, так и для продажи туземцам. После запрета введенного русской администрацией изготовление ханшины было перенесено в Маньчжурию, на левый берег Уссури.

Главным же рынком сбыта оставался Уссурийский край. Проблеме выращивания мака и потребления опиума посвящен десятый пункт послесловия. Арсеньев отмечал, что «опиум появился в Уссурийском крае недавно. Возделывание

* Морской огурец.

мака, не будучи запрещенным, возрастает с каждым годом. Использование опиума в слишком больших количествах оказывает губительное влияние на курильщиков» [1, с. 207].

Особенности традиционного вида развлечений китайцев — разнообразных видов азартных игр — раскрыты Владимиром Клавдиевичем в одиннадцатом разделе. В основном это такие игры, как карты, фараон и рулетка. «Китайцы — страстные игроки. Часто они проигрываются вплоть до своей свободы и даже ставят на карту свою жизнь в качестве ставки» [1, с. 207].

Двенадцатый раздел посвящен проблеме, связанной с деятельностью хунхузов (организованные банды, действовавшие в Северо-Восточном Китае). «Китайцы очень жестоки. Они совершают свои преступления без различия от пола или возраста. Мучения, причиняемые всякому живому существу, доставляют им огромное удовольствие, и сами они безразличны к смерти» [1, с. 207].

Организационную основу и структуру преступности Арсеньев рассматривает в тринадцатом разделе. «Жизнь китайцев в Уссурийском крае была совершенно независима от их жизни в Китае. Каждая долина представляла собой коммуну, управляемую особыми законами. Нарушение этих законов влекло суровые наказания. Преступники предавались остракизму, наказывались палками либо топили, замораживали или закапывали живьем в зависимости от тяжести преступления» [1, с. 207].

Четырнадцатый раздел посвящен китайским организациям в городах. Владимир Клавдиевич первым установил тесную связь китайских охотников с торговцами, проживавшими в селениях, «этих последних — а с городскими коммерсантами, а у тех — с крупными торговыми домами Чифу и Цзин-дао» [1, с. 207].

В заключение Арсеньев обращается к проблеме «желтого вопроса» — геополитической ситуации на дальневосточных территориях России. Наибольшую опасность с точки зрения автора, представляло не только культурное противостояние между различными народами, но и экономическая борьба между странами региона. Поэтому Владимир Клавдиевич считал, что «Уссурийский край должен играть роль буфера против атак китайцев и японцев» [1, с. 208].

1. Арсеньев В. К. *Китайцы в Уссурийском крае: Очерк ист. — этногр.* //

В. К. Арсеньев. — Хабаровск: тип. Канцелярии Приамур. ген.-губернатора, 1914.

Н. П. Гребенюкова

Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова,
г. Хабаровск

ОБРАЗ В. К. АРСЕНЬЕВА В ПОВЕСТИ Н. А. ТОЛПЕГИНА «В ДЕБРЯХ ДАДЯНЫШАНЯ»

2017 год объединил два юбилея: 145-летие выдающегося учёного и путешественника В. К. Арсеньева (1872–1930), список изданных произведений которого насчитывает более 120 названий и не считается исчерпывающим, и 120-летие поэта и прозаика Н. А. Толпегина (1897–?) — его литературное творчество связано с Владивостоком и представлено несколькими книгами, в том числе и о В. К. Арсеньеве, которого автор знал лично. Мы рассмотрим произведения Н. А. Толпегина, посвященные памяти великого путешественника и исследователя Дальнего Востока. Рассказать о судьбе и творчестве малоизвестного в настоящее время поэта представляется важным.

О Н. А. Толпегине известно совсем немного: он родился в Поволжье, с 1918 г. жил в Приморье, во время интервенции работал в подполье, встречался с С. Г. Лазо, М. И. Губельманом, братьями Всеволодом и Игорем Сибирцевыми. После Гражданской войны Толпегин работал секретарем профсоюзов, главным бухгалтером Дальторга, экстерном окончил среднюю школу и высшие курсы коммерческих наук. Был внештатным сотрудником газет «Красное знамя», «Приморский комсомолец», «Тихоокеанская звезда» и кроме очерков публиковал стихи. В это время как корреспондент он познакомился с В. К. Арсеньевым, сопровождая массовые экскурсии, которыми руководил учёный. С 1924 г. Н. А. Толпегин стал участником ЛХО, в 1926 г. — членом Сибирского Союза писателей. В 1931 г. уехал с Дальнего Востока в Москву, окончил трёхгодичный курс по истории и теории литературы [3].

По инициативе Рюрика Ивнева (1891–1981), занимавшего с 1921 г. пост ответственного секретаря Всероссийского Союза поэтов, во Владивостоке было создано Приморское отделение сибирских писателей, и руководителем этого творческого Союза стал с его основания, с 1926 г., П. Л. Далецкий (1898–1963). При Государственном Дальневосточном университете (ГДУ), в котором с 1922 по 1924 г. преподавал В. К. Арсеньев, работала литературная студия. Ею руководил выпускник Санкт-Петербургского университета, филолог, лингвист, автор работ по сравнительному языкознанию, диалектологии, славяноведению, Александр Петрович Георгиевский (1888–1955). Среди других начинающих поэтов в этой студии был и Н. А. Толпегин, испытывший на своём творчестве сильное влияние поэзии П. Л. Далецкого, на литературные предпочтения которого в своё время повлиял В. К. Арсеньев, и Рюрика Ивнева (1891–1981).

В 1920-е — в начале 1930-х гг. Толпегин издал во Владивостоке сборники стихов: «В повиликах» (1927), «К стальным журавлям» (1927), «Атава» (1928), «Сихотэ-Алинь» (в соавторстве с Всеволодом Козловским, 1931). В предисловии к книге «В повиликах» Рюрик Ивнев так отзывался о стихах поэта: «Читатель не найдёт в них ни

ловкого версификаторства, ни пышных «рифм», ни «утончённого» размера; они просты и даже слегка наивны, как полевые цветы, но [...] в них есть свой запах, своя особенная, какая-то застенчивая теплота» [7].

При богатстве впечатлений окружающего мира стихи молодых и талантливых поэтов часто бывали небогаты словарным запасом, грешили наличием литературных штампов, подражательностью, недостатком знаний по теории стихосложения, но при серьёзной работе эти изъяны устранились. В Государственном архиве Хабаровского края хранится письмо Н.А. Толпегина от 18 ноября 1940 г., адресованное в редакцию журнала «На рубеже» (в это время автор проживал в Москве). Редакция журнала отказала в публикации присланных стихов «Рассказ охотника» и «Песня о Лазо» как слабых [5]. Поэт продолжал работать над стилем, и художественная проза Толпегина приобрела простоту и звуковую согласованность речи.

Н.А. Толпегин воевал на фронтах Великой Отечественной войны, был краснофлотцем, сначала помощником шофёра, потом литературным сотрудником многотиражной газеты Бригады Эскадренных миноносцев Северного Флота, награждён медалью «За оборону Сталинграда» (1943), «За боевые заслуги» (1944) [4]. После войны, в 1945 г., был осуждён Военным трибуналом и приговорён к 10 годам ИТЛ (срок был снижен до восьми лет) [1]. В фондовом собрании Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова представлены письма и творческие материалы Н.А. Толпегина, в том числе рукописи его повестей. Они сосредоточены в двух архивах — литератора и общественного деятеля Н.Н. Матвеева-Бодрого (Ф. 10) и исследователя дальневосточной литературы и поэзии восточной ветви русского зарубежья А.В. Ревоненко (Ф. 52). Среди них — машинописная рукопись приключенческой повести с авторскими правками «В дебрях Дадяньшаня, или По следам Арсеньева» (194 л.) [8]. Есть и рукопись-протограф, которая легла в основу более поздней редакции, — «Тайна Сихотэ-Алиня» (92 л.) [9].

В словаре «местных, туземных и малопонятных слов» топоним Дадянь-Шань толкуется как «центральный горный узел Сихотэ-Алиня» [2 с. 11]. Интересно, что на форзаце экземпляра книги «Сихотэ-Алинь» (в соавторстве с Всеволодом Козловским, 1931) сделана карандашная дарственная надпись Н.А. Толпегина: «Первому из первых моих друзей П.Л. Далецкому. (Подпись). 23/I-31. Владивосток». Книга, изданная к годовщине смерти В.К. Арсеньева, посвящена ему; в ней опубликовано предисловие профессора А. Георгиевского «Памяти В.К. Арсеньева», которое заканчивается словами: «В.К. Арсеньев с полнейшей готовностью и исключительной преданностью отдал Советскому Союзу и здоровье, и знания, и силы, и жизнь!» [2, с. 17].

Когда к прозе обращается поэт, он привносит в произведение образность, подвижность ассоциаций, стремление к передаче эмоций, впечатлений от меняющейся природы и многое другое, что роднит прозу с лирикой. Для звуковой выразительности речи Н.А. Толпегин применяет фоностилистические приёмы, использует интонационную самостоятельность слов: «Откуда ни возьмись, сорвался тайфун, безжалостно нарушив заласканную солнцем тишину. Поднявшаяся пурга, точно песком, засыпала нас колючим снегом. Всё вокруг закипело, как в огромном котле. Порывы ветра сбивали с ног — разглядеть ничего нельзя (...) рассвирепевший ураган беспрерывно хлестал по глазам, обжигал лицо (...)» [9. Л. 53]. Автор прибегает к аллитерации (повторению свистящих), решая при этом более сложную стилистическую задачу: усиливая звуковую выразительность речи, он передаёт слуховые впечатления изображаемого урагана; звуковое сближение слов подкрепляет лексическое содержание фразы. Н.А. Толпегин использует стилистическую фигуру градацию: «В глубине его между

перевалами зияет **узкий, мрачный** и даже **страшный** проход в какое-то фантастическое царство» [9. Л. 45] и нанизывание глаголов, деепричастий, причастий, усиливающих напряжённость действия и напоминающих эффект сжатой пружины: «Снова **воцарились** торжественная тишина. Тайга **преобразилась, сделалась** мягче, приветливей (...) До налетевшего тайфуна деревья **красовались** в белом наряде, поблёскивая на солнце кристаллическим инеем, **висевшим** на ветках. Каждое дерево похоже было на огромную люстру, **игравшую** в электрическом свете своими алмазными подвесками» [9. Л. 60]. Автор использует и цветопись: доминирующие цвета в повести — оттенки зелёного, белый, серебристый, сиреневый.

Художественной прозе Н. А. Толпегина свойственно ритмическое единство при многообразии вариаций речи. Надо не забывать о том, что предмет нашего рассмотрения — рукопись, а не изданная книга, поэтому в повести есть и недостатки, которые автор или его редактор могли бы устранить.

В настоящее время накоплен большой фактический материал о В. К. Арсеньеве — учёном, писателе и личности. Но в начале 1950-х гг. опубликованных материалов об учёном и писателе было недостаточно много. Чтобы сказать об Арсеньеве нечто своё, неповторимое, надо отделить прижизненные воспоминания о нём от мифов, за давностью лет неизбежных в изображении великого человека. Чтобы воссоздать целостный образ Арсеньева в рамках стройной авторской концепции, надо понять своеобразную, непростую для восприятия его современников, полифоническую манеру В. К. Арсеньева, которая состоит, в том числе, в разнообразии тем, научных сведений, особенностей типизации в изображении национального характера. Произведения Арсеньева отличаются крепкой внутренней структурой, строгой архитектурной и образным языком, над которым он много и тщательно работал. Стиль Арсеньева следует рассматривать в нескольких аспектах — научном, философском и художественном. Он старался дать научное описание мира, доведя его при этом до высокого образца произведения искусства. М. М. Пришвин кратко и точно определил его особенность: «Арсеньев... был ярким представителем той новой дисциплины, которую я называю поэзией знаний... Это поэзия».

Художественные образы в книгах Арсеньева, простые и редкие по красоте, транслируют глубокий смысл. Многие современники учёного, писателя и путешественника оставили о нём воспоминания, посвятили ему стихи, но личность В. К. Арсеньева столь многогранна, что его образ передавал только личные впечатления и носил черты самого автора. Удалось ли Н. А. Толпегину воссоздать творчески осмысленный и динамичный портрет Арсеньева, судить читателю, а мы, обратившись к тексту повести, хотим вместе с ним поразмышлять об этом.

Эпиграфом повести служат, в частности, слова В. К. Арсеньева, произнесённые им во время одной из его лекций: «Туризм — самый умный и здоровый отдых каждого культурного человека. Чтобы любить свою страну, нужно знать её так, как родное село или город... Дальний Восток очень мало изведан, несмотря на его колоссальные природные богатства и ценнейшие исторические памятники» [8. Л. 8].

Повествовательный хронотоп прозаического произведения «В дебрях Дадяньшаня», по закону жанра, сконцентрирован на узком промежутке времени и пространства: автор описывает путешествие на Сихотэ-Алинь с эпилогом. По хроникальному сюжету литературного произведения, предполагающему целый ряд связанных по времени конфликтных эпизодов, В. К. Арсеньев рекомендует путешественникам пойти

в направлении Сихотэ-Алиня: «Возьмите любой маршрут по Сихотэ-Алиню и вы обнаружите множество редких явлений... Уссурийский край велик и сложен. Чтобы его по-настоящему распознать, нужно потратить несколько жизней, и не одного человека, а сотен людей» [8. Л. 6]. Образ В.К. Арсеньева, созданный Н.А. Толпегиным штрихами, мозаично, воплотил писательскую идею отражения цельности личности учёного и путешественника. На протяжении повести главный герой, персонификация автора, от которого идёт речь, вспоминает свои встречи с В.К. Арсеньевым. В том числе в его рабочем кабинете: «Кабинет Арсеньева был заполнен различными растениями и чучелами... Со стен смотрели головы: великана изюбра и изящного пятнистого оленя (...) На полу, во весь кабинет, красовалась тигриная шкура...» [8. Л. 9].

Незабываемое впечатление на героя повести произвело чтение лекций учёного в Государственном дальневосточном университете (ГДУ): «Любил посещать я и его лекции. Обычно каждый лектор читает лекцию по конспекту, лежащему перед ним. Арсеньев этого не делал. На первой лекции я был немало озадачен. Он к трибуне подошёл с колодой карт, держащих в левой руке. «Для чего они ему?» — удивлённо подумал я. Оказалось, что «карты» — это его конспект. Взглянет на карту и продолжает беседу. После каждого вопроса он переключал карту за картой в низ колоды. Переложив таким образом все карты, он кончал свою беседу» [8. Л. 7]. Часто автор писал о нездоровье В.К. Арсеньева: «Изнурённые болезнью глаза вдруг вспыхнули, заблестели, стали такими же, как в молодости: острыми, пронизательными. Худощавое загорелое лицо покрылось румянцем» [8. Л. 9]. «...Сильная слабость заставила его снова опуститься в глубокое кресло, отделанное мехом леопарда» [8. Л. 9].

Образ В.К. Арсеньева в повести Н.А. Толпегина стержневой, доминантный и присутствует с первых до последних страниц рукописи повести. «Время от времени в воображении невольно возникал образ Владимира Клавдиевича Арсеньева, который некогда, так же как и я, отдыхал здесь. Вот я вижу его, точно живого, стоящего среди тайги в широкополой шляпе, в простой рубаше с закрученными выше локтей рукавами» [8. Л. 174].

Если в начале 1930-х гг. современники В.К. Арсеньева отдавали дань уважения его таланту и патриотизму, то в 1937 г. труды учёного, его личность стали предметом острой критики. В июле 1937 г. на краевом собрании членов и кандидатов Дальневосточного отделения Союза советских писателей (ССП) по вопросу ликвидации Дальневосточного Правления ССП чуть позже репрессированный писатель Е.И. Титов сказал: «В 1925 году я вместе с В.К. Арсеньевым написал статью «Население как производительный фактор», оценённую совершенно правильно, как шовинистическую, дававшую такие характеристики народам Дальнего Востока, что эти характеристики отрицали у этих народностей всякую возможность к развитию» [6. Л. 35].

В 1950-е гг., после освобождения из ИТЛ Нижегородской области, проживая в городе Львов, Н.А. Толпегин обратился к повести о В.К. Арсеньеве, которая внесла свой скромный вклад в воссоздание образа учёного, писателя и путешественника.

1. Книга памяти Нижегородской обл. [Электронный ресурс]. URL: <http://lists.memo.ru/d32/f401.htm>
2. Козловский В., Толпегин Н. Сихотэ-Алинь. Стихи. Владивосток: Издание Владивостокского о-ва Пролетарского туризма, 1931. — 118 с. // ХКМ КП; 12248/39.
3. Краткая биография и библиография Н. А. Толпегина // ХКМ. Ф. 10. О. 1. Д. 1539. Л. 32.

4. Память народа. [Электронный ресурс]. URL: http://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie1531670955/pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie7499351
5. Письмо из редакции журнала «На рубеже» Н. А. Толпегину // ГАХК. Ф. Р-1738. О. 2. Д. 10. Л. 28.
6. Стенограмма краевого собрания членов и кандидатов Дальневосточного отделения Союза советских писателей (ССП) // ГАХК. Ф. Р-1738. О. 1. Д. 25. Л. 224.
7. Толпегин Н. В повиликах. Стихи. С предисловием Р. Ивнева. Владивосток: Изд. Примор. Отд. Сиб. СП, 1927 — 32 с. // ХКМ КП: 12248/35.
8. Толпегин Н. Рукопись «В дебрях Дадынышаня, или По следам Арсеньева» // ХКМ. Ф. 10. О. 1. Д. 1537.
9. Толпегин Н. Рукопись «Тайна Сихотэ-Алиня» // ХКМ. Ф. 10. О. 1. Д. 1538.

Список сокращений:

ХКМ — Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова.
 ГАХК — Государственный архив Хабаровского края.

И. Н. Егорчев

Приморское краевое отделение Русского географического общества — Общество изучения Амурского края,
г. Владивосток.

В. К. АРСЕНЬЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ОБИТАТЕЛЕЙ ПРЕСНОВОДНЫХ И МОРСКИХ ВОДОЁМОВ

Тема эта не новая — впервые её затронул Владимир Александрович Раков, доктор биологических наук, в сообщении «Гидробиологические исследования В.К. Арсеньева», представленном на «Арсеньевских чтениях» 2005 года. Он тогда констатировал: «В.К. Арсеньев был одним из первых специалистов, обративших внимание на водную фауну и флору Уссурийского края. Некоторым, главным образом промысловым водорослям, моллюскам, рыбам, морским млекопитающим он посвятил специальные исследования» [4, с. 54].

Действительно, одной из первых работ В.К. Арсеньева была относительно небольшая, но содержательная статья «Наблюдения над лососевыми Зауссурийского края» (1908). Судя по всему, автор написал её по результатам полевых наблюдений первых лет своего пребывания на Дальнем Востоке. Так, из Сихотэ-Алиньской экспедиции 1906 года, вернувшись в конце ноября, В.К. Арсеньев привёз коллекцию из примерно 400 экземпляров рыб, отправленную в Петербург, в Зоологический музей Императорской Академии наук [10, с. 140].

Действительно, в отчёте Зоологического музея за 1907 год в разделе II «Прирост коллекций» пункте 3 «Отделение герпетологическое и ихтиологическое» сообщается: «Сборы шт.-кап. Арсеньева в Зауссурийском крае (13 змей, 1 ящерица, 13 Batrachia)» и далее «от шт.-кап. Арсеньева 54 экз. Teleostei из Приморской области и 19 экз. миног из Хабаровска» [7, с. 14, 15]. Batrachia — это земноводные, Teleostei — костистые рыбы; итого всего 100 экземпляров представителей фауны. Утверждение о 400 экземплярах рыб имеется в известной работе Тарасовой А.И. В аналогичном отчёте 1908 года зафиксировано поступление «112 экз. рыб и несколько рыбных шкур из Зауссурийского края от шт.-кап. В.К. Арсеньева» [8, с. 20]. В отчёте за 1909 год образцов ихтиофауны от В.К. Арсеньева не числится, но в Приложении II «Перечень книг, поступивших в Зоологический Музей И.А.Н. в дар за 1909 г.» имеется упоминание о его статье «Наблюдения над лососевыми Зауссурийского края» [9, с. 125]. С 1904 по 1913 год заведующим отделом рыб Зоологического музея был известный учёный-ихтиолог Лев Семёнович Берг.

Что касается статьи «Наблюдения над лососевыми...», то, отослав текст в столицу, исследователь, судя по всему, не увидел публикации и не был уведомлен о ней. По край-

ней мере, в прижизненных списках печатных работ В.К. Арсеньева она не числится. Между тем статья появилась в «Ежегоднике Зоологического музея Академии наук», т. XIII, изданном в Санкт-Петербурге в 1908 году. Это была хронологически вторая работа В.К. Арсеньева после «Отчёта о деятельности Владивостокского общества любителей охоты...» (1906 год).

В «Наблюдениях над лососевыми...» были впервые обобщены данные по отдельным видам проходных рыб, описаны особенности их поведения и сезонной миграции в увязке с факторами окружающей среды, в том числе с температурой воды и кормовой базой, приведено большое количество практических наблюдений. Однако изданная в 1909 году в Санкт-Петербурге 270-страничная работа Л.С. Берга «Рыбы бассейна Амура» не содержала сведения, ранее сообщённые В.К. Арсеньевым. Сам Л.С. Берг указывал: «Для составления своей работы автор пользовался обширными коллекциями Зоологического Музея по рыбам бассейна Амура, составившимися из сборов Шренка, Маака, Плессе и других... В последнее время Зоологический Музей обогатился обширными коллекциями из бассейна Амура, собранными, главным образом, Н.А. Пальчевским на Уссури и В.К. Бражниковым в низовьях Амура» [5, с. 2]. По приведённому списку понятно, что Л.С. Берг использовал сборы и сообщения более ранних, чем В.К. Арсеньев, исследователей. Причина может крыться в том, что указанная работа Л.С. Берга имеет подзаголовок: «Доложено в заседании Физ.-мат. отд. 16 мая 1907 г.». То есть в данный труд учёного вошли данные, полученные и обработанные до мая 1907 года, а ещё два года ушло на издание. В таком случае сборы и наблюдения В.К. Арсеньева по объективным причинам не могли попасть в труд Л.С. Берга, но, видимо, были им замечены и использованы в дальнейшем. Об этом свидетельствует следующий документ, полученный автором данного доклада из фондов филиала Государственного архива Хабаровского края в г. Николаевске-на-Амуре. Это письмо «Рыбы реки Амур», предположительно 1910 года, атрибутированное архивистами как написанное В.К. Арсеньевым и адресованное Л.С. Бергу. Документ при невыясненных обстоятельствах попал к Василию Евгеньевичу Розову в Тугуре — селе Хабаровского края на берегу Тугурского залива Охотского моря. В.Е. Розов в 1920–1930 годах был ихтиологом Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ТОНС — ТИРХ — ТИНРО) и был лично знаком с В.К. Арсеньевым. Оба они проводили исследования на озере Ханка и в бассейне Амура [6, с. 116]. С 1938 года В.Е. Розов работал заведующим музеем при Тугурской культбазе; материалы и экспонаты, собранные им, позже легли в основу коллекций Николаевского-на-Амуре краеведческого музея. В.Е. Розов умер в 1943 году, не дождавшись переезда музея из Тугура в Николаевск. Письмо поступило в Николаевск-на-Амуре в 1945 году. Документ не датирован, плохо сохранился, не имеет начальной части (верхний край листа оборван), текст — машинопись с большим количеством ошибок, есть поправки и вставки, сделанные неизвестной рукой, имеются пометки (названия рыб), явно принадлежащие В.К. Арсеньеву. Предположительно это текст, надиктованный В.К. Арсеньевым и представляющий собой черновик обстоятельного письма, описывающего ихтиофауну реки Амур и частично — прибрежной морской акватории. Заглавие дано при архивной обработке. В целом работа состоит из 26 страниц, включая 10 таблиц с обмерами разных видов рыб, указанием даты и места вылова, а также осреднёнными показателями.

Отнесение письма к 1910 году, видимо, вызвано фразой «в прошлом 1909 году». Судя по обращению «Лев Семёнович», письмо адресовано Л.С. Бергу; надо сказать, что к тому времени была издана его работа «Рыбы бассейна Амура». Возможно, именно

знакомство с ней В. К. Арсеньева послужило поводом для написания письма с подробным обзором некоторых вопросов практической ихтиологии.

По тексту понятно, что подобное письмо Л. С. Бергу не первое, поскольку автор ссылается на свой предыдущий опыт: «Я не занимался специальными исследованиями по ихтиофауне наших рек, но зная, что Вы интересуетесь местными рыбами, счел необходимым собрать всяческие сведения по этому вопросу. Если у меня есть ошибки (а таковые есть наверное), очень прошу Вас, Лев Семенович, указать мне их, дабы в будущем они не повторялись и самое коллектирование было бы более полезным. Снятие шкурок с рыб было вызвано тем обстоятельством, что в том месте, где я их поймал, я шел с котомкой за плечами и потому не имел много при себе формалину. Поэтому я старался снять шкурки возможно тщательнее, чтобы не поломать плавников и хвоста. Насколько я успел в этом и насколько интересны эти рыбы в научном отношении — судите сами...» [2, с. 1].

В. К. Арсеньев приводит много сведений по отдельным видам рыб, указывает их местные русские и аборигенные названия, места обитания, детали морфологии и окраски, сезонные особенности, способы лова и другие сведения. Вот что, например, он пишет о калуге: «Чаще всего ловится калуга от 10 до 15 пудов, изредка же счастье улыбается рыбаку и на снастях застревает 30–40 пудовая рыба; больше этих размеров и ранее эти рыбы представляли исключительную редкость... Как и раньше, так и теперь на Амуре много мелкой калуги. Местные крестьяне называют ее кастеркой. Эти рыбы достигают размеров не более одного пуда...» [2, с. 2].

В целом В. К. Арсеньев с разной степенью подробности описал в данной работе следующие 25 видов рыб: речные — калуга, осётр, сом, касатка, щука, муксун, карась, сазан, сиг, ленок; рыбы прибрежного района — морской таймень, кунжа, краснопёрка, корюшка и колюшка, сельдь, треска, горбуша, кета, форель, навага, бычки, камбала, палтус и «чумо» — лососевая рыба, пурпурового цвета, плавники нежно-фиолетовые с тёмными продолговатыми пятнышками.

Описание рыбы «чумо», приведённое в письме В. К. Арсеньева к Л. С. Бергу, — самое раннее упоминание о хорошо знакомой нам симе. В отечественной литературе первые сведения о ней появились в монографии ихтиолога В. К. Солдатова 1912 года, посвящённой биологии лососевых Амура [6, с. 116]. Он описал несколько экземпляров молодой лососей по сборам В. К. Арсеньева 1906–1907 годов, доставленных в Зоологический музей в 1910 году [там же]. По мнению авторов статьи в журнале «Записки ОИАК», учёных-ихтиологов В. Н. Иванкова и С. Е. Кульбачного, они составляли одну из посылок, отправленных Л. С. Бергу В. К. Арсеньевым, о которых он упоминает в письме.

Имеются подробности лова наваги у Владивостока: «Особенность ловли наваги (Вахни) корейским способом заключается в следующем. Во льду вырубается небольшая прорубь, в которую опускают длинную бечеву с острым крючком на конце. Около крючка прикреплен какой-нибудь блестящий предмет (жест, стекло, серебро, зеркало, медь). Когда крючок коснется дна, его поднимают вверх на 1–2 фута. Рыболов, держа в руке удочку, дергает ее кверху коротко с небольшой силой и с небольшими промежутками. Навага в массе толпится около крючка и потому легко попадает на удочку. Интересно видеть, как рыбу эту вынимают за бок, за хвост, за глаз, за брюхо, одним словом, как попадает. Такой способ ловли особенно развит около Владивостока. По всему Амурскому заливу, как только он покроется льдом, насколько хватает силы зрения, всюду виднеются рыболовы, китайцы и корейцы главным образом.

Успех ловли такой: один человек в один час вынимает от 30 до 50 штук наваги» [2, с. 24]. Уделено особое внимание морским блохам-бокоплавам и различным видам паразитов рыб, образцы которых В.К. Арсеньев отправляет отдельно. Кроме того, описаны особенности добычи и переработки рыбы японцами. В письме имеются ссылки на фотографии и рисунки (не приложены), а также оставлено место для изображений (рисунков и снимков). Возможно, оригинал этого письма находится в архиве Зоологического института РАН (фонд 804) или в фонде Л.С. Берга (фонд 50) архива Русского географического общества.

Несколько страниц текста В.К. Арсеньев посвятил ихтиофауне, в том числе морским видам рыб (камбале, краснопёрке и сельди), в работе «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901–1911 гг.», изданной в Хабаровске в 1912 году. Некоторые сведения о лососевых были повторены автором в сообщении «Краткий физико-географический очерк бассейна р. Амура» на заседании Общества русских ориенталистов в июне 1916 года в городе Харбине.

В.К. Арсеньев уделял внимание речным и морским обитателям, а также частично — водорослям. Работая в Управлении рыбными и звериными промыслами Дальнего Востока в 1918–1923 годах, он непосредственно занимался охраной природных морских ресурсов. В.К. Арсеньев высказывал мнение, что острова Охотского и Берингова морей (в первую очередь как места обитания морских котиков) являлись особо ценными для России, поэтому было нежелательно сдавать их в аренду иностранцам. С личным участием В.К. Арсеньева в 1919 году был изменён порядок охраны промыслов морских бобров (каланов) на мысе Лопатка Камчатского полуострова, введён запрет на убой бобров и промышленный лов камчатского краба.

12 декабря 1922 года, после установления Советской власти, В.К. Арсеньев выступал во Владивостоке на совещании подотдела рыболовства и охоты отдела народного хозяйства Приамурской губернии с докладом «Морские звериные промыслы, принципы ведения пушного хозяйства на Командорских островах и сушевая охота на Дальнем Востоке». В 1923 году им был подготовлен план работ по охране морских бобров в районе мыса Лопатка, а в 1924 году там был организован заповедник. Отдельные статьи В.К. Арсеньева касались частных вопросов морского промысла рыб и ластоногих: «Командорские острова в 1923 году. Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока» (1923), «Дельфиний промысел» (1925), «Гижи́нский промысловый район» (1925), «Тихоокеанский морж» (1927) и другие. В письме профессору-зоологу Борису Михайловичу Житкову от 22 марта 1924 года В.К. Арсеньев повторяет, что у него есть много сведений о нерпах и наблюдения над морскими блохами-бокоплавами [3, с. 245]. В данном сообщении показано, что на протяжении практически всего периода активной исследовательской работы на востоке России В.К. Арсеньев собирал сведения об ихтиофауне местных пресных и морских вод, а также препарировал и коллектировал образцы, отсылая их специалистам — в основном в Зоологический музей. Таким образом, не будучи биологом, он смог внести заметный вклад в некоторые области ихтиологии применительно к Дальнему Востоку.

2. Арсеньев В. К. Рыбы реки Амур. 1910 // Филиал ГАХК в г. Николаевске-на-Амуре. Ф. Р-527. Оп. 1. Д. 142. Л. 1–13.
3. Арсеньев В. К. Соб. соч.: в VI т. Владивосток, 1948. — Т. VI.
4. Арсеньевские чтения: материалы научно-практической конференции, посвящённой 115-летию ПГОМ им. В. К. Арсеньева 28–29 сентября 2005 г. — Владивосток, 2005.
5. Берг Л. С. Рыбы бассейна Амура. — СПб., 1909.
6. Иванков В. Н., Кульбачный С. Е. В. К. Арсеньев — исследователь живой природы Дальнего Востока // Записки ОИАК. — Владивосток, 2013. Т. ХLI — Л. 116–119.
7. Отчет по Зоологическому Музею Императорской Академии наук за 1907 г. — СПб., 1908.
8. Отчет по Зоологическому Музею Императорской Академии Наук за 1908 г. — СПб., 1909.
9. Отчет по Зоологическому Музею Императорской Академии Наук за 1909 г. — СПб., 1910.
10. Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. — Владивосток, 2012.

Н. С. Иванцова,
Приморская краевая публичная библиотека
им. А. М. Горького
г. Владивосток

НАУЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ «В. К. АРСЕНЬЕВ. 1872–1930 гг.». ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПКПБ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

Подготовка библиографических указателей о жизни и деятельности В. К. Арсеньева волновала умы его исследователей и биографов в центре страны в разные годы. Этой же мечтой были увлечены и библиографы Дальнего Востока. На протяжении многих лет подвижническая деятельность выдающегося исследователя, путешественника и писателя В. К. Арсеньева была объектом тщательного библиографирования в краевых и областных библиотеках Дальнего Востока.

При имени Арсеньева постоянно возникало чувство, что недостаточно воздано ему по заслугам за вклад в историю, географию и литературу, что не сопровождается его обширная и многогранная деятельность на Дальнем Востоке наиболее полной научно-вспомогательной библиографией. Такую библиографию очень хотелось составить...

Что же вселяло в нас такую уверенность, на чем мы могли бы базироваться? Нам представлялось, что эту работу можно организовать в рамках Зонального объединения научных и специальных библиотек зоны Дальнего Востока (Магаданской, Камчатской, Сахалинской, Амурской областных библиотек, Дальневосточной государственной научной и Приморской краевой библиотек) под патронажем Арсеньевского центра. Мы знали, что в г. Владивостоке в музее им. В. К. Арсеньева хранится архив А. И. Тарасовой, ведущего биографа В. К. Арсеньева. В нем, среди других материалов, находится рукопись ее незаконченного указателя, над которым она много лет работала.

Библиографы-краеведы вышеперечисленных библиотек могли бы выявить литературу о В. К. Арсеньеве по своим краеведческим каталогам и, что особенно важно, местные издания, а затем, соединив с карточным массивом библиографических записей А. И. Тарасовой, подготовить и издать достойный имени В. К. Арсеньева персональный библиографический указатель. Другими словами, первоначально была мысль продолжить работу Тарасовой. И как ни манила такая перспектива, все-таки мы пошли своим путем и начали накапливать свой собственный массив библиографических записей, изучать различные издания текущей государственной и региональной библиографии. Большую помощь в отработке записей *de visu* и пополнении отсутствующей в фонде ПКПБ им. А. М. Горького литературой о жизни и творчестве В. К. Арсеньева оказали сотрудники отдела краеведческой литературы ДВГНБ (г. Хабаровск). К работе по выявлению литературы приступили в 2008 г. Организационно работа была построена

таким образом:

- отбор записей по каталогам и картотекам ПКПБ им. А. М. Горького;
- просмотр текущей государственной и региональной библиографии;
- просмотр прикнижной библиографии;
- сверка de visu с оригиналами (первоисточниками), хранящимися в фондах ПКПБ им. А. М. Горького, библиотеки ОИАК, ЦНБ ДВО РАН, библиотеки ИИАЭ, ПГОМ им. В. К. Арсеньева, ДВГНБ (г. Хабаровск);
- запросы в Амурскую, Сахалинскую, Магаданскую и Камчатскую областные библиотеки на предмет аналитической росписи из местной печати, имеющей отношение к В. К. Арсеневу;
- запрос в библиотеку Гавайского университета (штат Гавайи, США) по вопросу издания книг В. К. Арсеньева на иностранных языках.

Для осуществления всего комплекса работы над указателем была создана рабочая группа в количестве 7 человек. Составители указателя даже не могли себе представить, какие трудности ожидают их впереди, когда настало время сверки выявленных записей с первоисточниками с целью достижения достоверности отображаемой в указателе информации, чтобы избежать ошибок и неточностей. Оказалось, что не только в ПКПБ им. А. М. Горького, но и в библиотеке ОИАК и ДВГНБ многие книги и периодические издания оказались законсервированными и доступа к ним нет.

Удаленность Приморского края от центра страны, где находятся ведущие книгохранилища страны — Российская государственная библиотека (г. Москва) и Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург), финансовая несостоятельность не позволили составителям провести уточнения по их фондам. Эти обстоятельства в совокупности привели к тому, что определенная часть библиографических записей отмечена составителями знаком «*» (означающим, что данное издание не проверено de visu).

Всего в биобиблиографический указатель «В. К. Арсеньев». 1872–1930 гг.» входит 2036 записей, в которых содержатся сведения о публикациях произведений В. К. Арсеньева и литературе о его жизни и деятельности включительно по 2012 год. Отдельным приложением после основной части приведен список литературы (книг и статей из сборников и периодики), поступившей в фонды ПКПБ им. А. М. Горького и ДВГНБ (г. Хабаровск) после 2012 года.

Указатель включает отдельные издания, сборники, публикации в периодических и продолжающихся изданиях. Материал расположен в систематическом порядке, внутри рубрик в хронологическом. Разделы указателя: Издания произведений; Литература об Арсеньеве (подрубрики: Биография; Личность и мировоззрение; Экспедиции В. К. Арсеньева (с подразделами: Проводники и спутники; В. К. Арсеньев — военный разведчик; О путевых дневниках; В. К. Арсеньев — фотохудожник); Арсеньев и Географическое общество; Арсеньев и Музейное дело; Научные интересы; Арсеньев-педагог и Арсеньев-писатель; Сохранение наследия и исследование творчества; Увековечение памяти об Арсеньеве; Ретроспективное библиографическое освещение личности и трудов Арсеньева. Научно-вспомогательный аппарат представлен Указателем имен и работ, описанных под заглавием. В Приложении отражены полнотекстовые статьи, касающиеся разных сторон изучения личности В. К. Арсеньева и его наследия:

- История издания собраний сочинений В. К. Арсеньева;
- Из истории библиографирования трудов и деятельности В. К. Арсеньева;

- Дом-музей В. К. Арсеньева (Дом путешественника);
- Медаль имени В. К. Арсеньева;
- Премия имени В. К. Арсеньева;
- История создания каталога личной библиотеки В. К. Арсеньева.

Список сокращений:

ПКПБ — Приморская краевая публичная библиотека им. А. М. Горького.

ОИАК — Общество изучения Амурского края.

ЦНБ ДВО РАН — Центральная научная библиотека Дальневосточного отделения Российской Академии наук.

ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока.

ПГОМ — Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева.

ДВГНБ — Дальневосточная государственная научная библиотека (г. Хабаровск).

В. В. Кавецкая,
Приморский государственный объединенный
музей имени В. К. Арсеньева,
г. Владивосток

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО В. К. АРСЕНЬЕВА

Многогранность научной деятельности Владимира Клавдиевича Арсеньева вместила в себя целый ряд исследовательских направлений, как естественно-научного, так и гуманитарного плана, что было определено не только задачами, которые ставила перед ним жизнь, но и теми компетенциями, которые он наращивал в себе с самого детства. Однако судить об основном исследовательском направлении мы можем не только со слов самого ученого-практика, но и рассматривая результаты его исследований в разных областях знания. Все вместе взятое свидетельствует о том, что судьба готовила ему стезю этнографа.

Несмотря на то, что об Арсеньеве как этнографе в той или иной мере пишут практически все исследователи жизни и деятельности путешественника, работ, посвященных исключительно данной теме, немного. Первыми к ней обратились А. М. Решетов и Б. П. Полевой [1, с. 74–87], затем подробно раскрывала эту ипостась Владимира Клавдиевича в своей монографии А. И. Тарасова [2, с. 247–320], большую статью археологу-этнологу Арсеньеву посвятил Д. Л. Бродянский [3, с. 48–78], дискуссионные вопросы по поводу этнографических работ В. К. Арсеньева рассматривали Е. В. Иванова [4, с. 316–323] и другие ученые. В центре внимания авторы ставят фигуру Владимира Клавдиевича и путь в науку, ставшую для него главной. Причем каждый указывает на необходимость дальнейшего изучения данной темы, отмечая огромное значение прочитанных им книг и качественного самообразования. На наш взгляд, в образовательной среде, создаваемой Владимиром Клавдиевичем на протяжении жизни, большой интерес представляет человеческое окружение, в котором Арсеньев формировался как профессиональный этнолог. Следуя логике постулата «короля делает свита» или «скажи мне, кто твой друг...», можно констатировать, что этнографа Арсеньева создавали научные и околонучные сообщества, в которые он входил и которые сам формировал. Опираясь на определение толкового словаря, будем трактовать сообщество как «объединение некоторого числа людей, связанных общими интересами, целями» [5]. Применительно к этнографическим сообществам основной интерес, объединяющий людей в группу, — это этнография. «Этнография, этнология, народоведение — наука, изучающая бытовые и культурные особенности народов мира, проблемы происхождения (этногенез), расселение (этнография) и культурно-исторические взаимоотношения народов» [6, с. 1574]. Выделение этой отрасли в спектре отечественной науки в конце XIX — начале XX века совпало по времени с формированием Арсеньева как народоведа и определило специфику его научного поиска.

Пробуждение своего интереса к этнографии сам Владимир Клавдиевич датирует 1888 годом, отмечая впечатление от посещения Музея этнографии и антропологии. Затем идет период самостоятельного накопления знаний в этой сфере, в основном

посредством чтения книг. С приездом во Владивосток в 1900 году он попадает в среду ученых-краеведов и обретает товарищей-наставников из числа членов первого научного общества в Тихоокеанском регионе России — Общества изучения Амурского края (ОИАК). Многие из них наряду с другими направлениями изучения края обращались и к этнографии. По степени специальной научной подготовки эти исследователи зачастую мало превосходили Арсеньева, но обладали опытом этнографических исследований, которого у него еще не было. Кроме того, вступление в ОИАК дополнило книжный контур самообразования живым общением, дискуссиями и советами экспертов. Однако выбор этнографии, которая в то время развивалась в тесной связи с музейной деятельностью, в качестве научной специализации произошел только в 1910 году. Это решение он принял уже на посту директора Хабаровского музея после знакомства с Л. Я. Штернбергом — одним из ведущих ученых России и впоследствии основателем ленинградской школы этнографии. На протяжении всей жизни самым важным фактором профессионального роста Арсеньева было общение с людьми, имеющими общий с ним интерес к изучению народов Сибири и Дальнего Востока.

Можно отметить, что сообщества Арсеньева включали исследователей двух категорий:

- краеведов-универсалов, у которых интерес к этнографии был лишь одним из комплекса направлений в изучении территории,
- этнографов-полевиков, которые уже сочетали в себе опыт полевой и кабинетной народоведческой работы и приступили к теоретическому оформлению складывающейся в России этнологической науки.

Первые, как правило, окружали его в реальной повседневной жизни и давали возможность вживую обмениваться опытом, открытиями и размышлениями. Среди них особо выделяется Николай Александрович Пальчевский — войсковой лесничий Южно-Уссурийского края, коллектор флоры и фауны, корреспондент Зоологического музея Академии наук. В письмах своему первому биографу Ф. Ф. Аристову Владимир Клавдиевич отмечал: «Я не могу вычеркнуть из своей жизни Н. А. Пальчевского, который взял на себя заботу о моем краеведческом образовании и который свел меня с целым рядом интереснейших людей. Общение с ними дало мне много научных знаний и указало истинные пути в дальнейшей научно-исследовательской деятельности» [7]. В рамках данной темы существенно важно то, что Пальчевский занимался и этнографией: изучал жизнь удэгейцев на р. Имане и даже составил орочский словарь [2, с. 234]. Именно он инициировал дальнейшее специальное изучение этого народа краеведами Владивостока С. Н. Браиловским и Д. И. Дюковым [8] и, полагая, повлиял на возникновение интереса к нему у Арсеньева. Представителем первой категории ученого сообщества Арсеньева был и врач Николай Васильевич Кирилов. К моменту знакомства с Арсеньевым он уже имел многолетний опыт этнографических исследований и целый ряд научных публикаций, был одним из активных членов Общества изучения Амурского края, куда и ввел в 1903 году Арсеньева. Владимир Клавдиевич ценил Кирилова как «человека умного, знающего, честного, благородного» и считал своим учителем. В фондах Приморского государственного объединенного музея имени В. К. Арсеньева и по сей день хранятся предметы из этнографических коллекций, собранных Н. В. Кириловым [9]. Помимо названных сподвижников ОИАК в целом подарило Арсеньеву мир единомышленников, увлеченных поисками и открытиями, где он был принят и искренне ценим.

Еще одного человека стоит причислить к этнографическому сообществу Арсеньева, несмотря на то, что в жизни Владимира Клавдиевича он сыграл неоднозначную

роль. Это Николай Львович Гондатти — первый и последний гражданский губернатор Приамурского края (1911–1917), который инициировал так называемые «секретные экспедиции» Арсеньева [10]. Гондатти начинал свою профессиональную карьеру как этнограф, успешно окончив естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета, и даже был отмечен на этом поприще Академией наук большой золотой медалью имени академика Бера за научные труды по антропологии, статистике и этнографии Чукотки, а также золотой медалью Русского географического общества [11]. Думается, что общение Арсеньева с этим человеком не только происходило на административной почве, но и затрагивало этнологические проблемы Дальнего Востока. Но, поскольку пока нет фактических оснований считать Гондатти научным консультантом и наставником Арсеньева, несмотря на специализированное высшее образование и опыт полевой этнографической работы, скорее всего его стоит отнести к первой категории ученых из окружения Арсеньева.

С другой категорией рассматриваемого сообщества — этнографами из академических научных центров (музеев, университетов и пр.), Владимиром Клавдиевичем осуществлялась преимущественно письменная коммуникация, по большей мере консультационного характера. Переход на уровень обобщения и задачи практической науки ставили этих ученых перед необходимостью организации сбора материалов сетью корреспондентов, живущих в разных регионах страны. Арсеньев был одним из таких поставщиков сведений об Уссурийском крае. Ключевой фигурой в данной категории ученых для Арсеньева выступает Лев Яковлевич Штернберг. В своем докладе, посвященном памяти Л.Я. Штернберга, Арсеньев писал: «...Л.Я. Штернберг не закрылся в стенах музея. Он самым энергичным образом развивает переписку с работниками на местах, входит с ними в теснейшую связь и таким образом всю Россию, Кавказ, Туркестан и Сибирь с Дальним Востоком покрывает сетью своих агентов. Эта переписка и личное знакомство с работниками на местах дает ему возможность познакомиться с их удельным весом. Выделив из числа их людей с научным складом ума, он старается войти с ними в более тесный контакт и помогает их работам морально, советом и даже материально. К числу таких счастливых попал и ваш покорный слуга» [12, Л.3]. И далее: «Оглядываясь назад в прошлое, могу сказать, что в своих работах от этапа к этапу, от ерунды к положительным результатам я прошел по указаниям Льва Яковлевича. Могу сказать, что своей научной подготовкой я всецело обязан покойному» [12, Л.4].

Л.Я. Штернберг приступил к работе в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (далее по тексту — МАЭ) в 1901 году, уже обладая значительным опытом полевой деятельности и известностью в качестве исследователя народов Дальнего Востока [13, С.81]. На базе складывающейся академической науки он вместе с В.Г. Богоразом методологически оснащал полевые исследования в различных регионах страны, аккумулировал и теоретически обобщал полученные сведения, подготовил целую плеяду ученых-народоведов, которая позднее оформилась в ленинградскую школу этнографии. Знакомство и совместная экспедиция со Штернбергом значительно обогатили сферу этнологического самообразования Арсеньева не только фундаментальным руководством и консультированием, но и расширением сферы научных коммуникаций. По рекомендациям Штернберга в музей Хабаровска наносили визиты многие приезжавшие в регион российские и зарубежные ученые, а некоторые ехали туда специально, как С. Понятовский [14]. Такие встречи не только становились отправной точкой многолетних плодотворных профессиональных связей, но и давали возможность получить практический опыт в освоении профессии этнографа. Затем выстраивались многочисленные письменные

форматы взаимоотношений, определялись грани совместных проектов, о чем свидетельствуют письма, сохранившиеся в различных архивах страны. О широте письменной коммуникации Арсеньева можно судить даже по небольшому срезу писем от корреспондентов — этнологов и антропологов, которые хранятся в архиве ОИАК [15].

**Этнологи и антропологи–корреспонденты
В. К. Арсеньева, чьи письма хранятся в архиве ОИАК [15]**

ФИО ученого	Научная специальность	Место отправки письма	Время отправки письма
Б. Ф. Адлер	этнограф	г. Казань	1911–1916
Д. Н. Анучин	антрополог	г. Москва	1911–1916
В. В. Богданов	антрополог, этнограф	г. Москва	1911–1929
Г. С. Виноградов	фольклорист	г. Иркутск	1926–1928
Ф. К. Волков	антрополог	г. Петербург	1913
Д. Котора	этнолог	Япония	1917
И. И. Зарубин	этнограф, археолог	г. Ош Термез	1916–1917
С. В. Иванов	этнограф	г. Ленинград	1928
Е. Г. Кагаров	этнограф	г. Ленинград	1927
Н. К. Картер	этнограф	г. Ленинград	1928
П. К. Козлов	путешественник, этнограф	Галиция, действующая армия	1915
Н. Н. Козьмин	этнограф	г. Иркутск	1927
С. А. Макарьев	секретарь проф. Богораза — этнографа	г. Ленинград	1928
Е. П. Орлова	этнограф	г. Владивосток	1925
Г. Н. Потанин	этнограф	г. Томск	1916–1917
С. И. Руденко	этнограф, археолог	г. Петербург	1911–1916
Е. И. Титов	этнограф	г. Чита	1925–1928

Многие из этих людей были так или иначе связаны между собой, и со многими из них Владимир Клавдиевич познакомился при посредничестве Л.Я. Штернберга. Можно сказать, что именно этот ученый ввел Арсеньева в академическое сообщество этнографов, причем не только Петербурга, но и других музейных и университетских центров. Уже в 1911 году после участия Владимира Клавдиевича в подготовке выставки в Этнографическом отделе Музея Александра III, куда затем были переданы привезенные коллекции [16] и докладов в этнографическом Отделении Русского географического общества в Петербурге, у него завязалась переписка с представителями московской этнографической школы — Дмитрием Николаевичем Анучиным и Владимиром Владимировичем Богдановым. Д. Н. Анучин — один из основоположников антропологии в России, которая, в свою очередь, включала в себя этнографию. Как отмечал в тексте своей публичной лекции В.К. Арсеньев: «Мы можем констатировать возрастающий интерес к антропологическим, этнографическим, историческим и археологическим исследованиям. Четыре упомянутых науки делятся на два отдела: Антропология и этнография; История и археология. И как вторая (этнография) является частью первой (антропологии), так и четвертая (археология) является частью третьей (истории)» [17]. Именно такое бытовавшее соподчинение наук определяло место этнографии в системе университетского образования. Она была отнесена к числу естественно-научных дисциплин и числилась как специальность Естественного факультета. Следует отметить, что Арсеньев тщательно изучил учебную программу этой специальности, куда вошли наименования 19 курсов с указанием авторов фундаментальных работ в каждой области, о чем свидетельствует запись в экспедиционном дневнике 1917–1923 годов. В число этих курсов входили, согласно записи: «...16) Этнография — Ратцель, Ранке, Харузинъ, Шурцъ 17) Антропология — Ранке, Бушинъ, Петри» [18]. Примечательно, что на обороте листа с перечнем курсов помещен список под названием «Пройденные мною предметы и прочитанные книги», где 29 наименований относятся к этнографии [19]. В процессе такого целенаправленного, соотношенного с канонами осваиваемой научной дисциплины изучения этнографии Владимира Клавдиевича поддерживало и направляло общение не только с представителями стольных научных музейных центров, но и университетской науки. Впрочем, зачастую это были люди, представлявшие и университет, и музей, поскольку музеи служили научным целям и создавались при университетах или Академии наук.

Взаимодействия с Казанским университетом, его музеем и этнографической школой связаны, прежде всего, с именем Бруно Фридриховича Адлера, ученика Д. Н. Анучина и Ф. Ратцеля, с которым Арсеньев познакомился еще в его бытность хранителем этнографического музея (отдела) Русского музея. В 1910 году Адлер, совершая поездку по главнейшим музейным центрам Сибири и Дальнего Востока, посетил музей Хабаровска и встретился с его директором. В следующем году он занял должность профессора кафедры географии и этнографии Казанского университета, на базе которой в 1913 году создал лучший в России университетский музей археологии и этнографии, объединив разрозненные до того коллекции [20, с. 233–239]. В 1915 году этому музею В.К. Арсеньев передал в дар коллекцию бытовых вещей китайцев-звероловов Уссурийского края, опись которой имеется в ПГОМ имени В.К. Арсеньева [21]. С этого же года Арсеньев стал почетным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Плодотворное сотрудничество сложилось у него и с выпускником данного университета — Иваном Алексеевичем Лопатыным, известным исследователем нанайцев (гольдов), участником этнографического кружка Арсеньева в Хабаровске, впоследствии защитившим сначала магистерскую (1929 г. в Канаде), а затем докторскую (1935г. в США) диссертации [22, с. 72].

В этнографическое сообщество Арсеньева входили и представители другого регионального научного центра — Иркутского университета, открывшегося в 1918 году. Владимир Клавдиевич сотрудничал с сыном выдающегося антрополога и географа Эдуарда Юльевича Петри, лекции которого в Петербургском университете посещал как вольнослушатель еще во время учебы в пехотно-юнкерском училище. Бернгард Эдуардович Петри, работавший в 1910–1917 годах в МАЭ младшим этнографом, с 1918 года возглавил кафедру истории первобытной культуры, специализируясь в области традиционной сибирской этнографии, создал и руководил студенческим научным кружком «Народоведение» («Краеведение»). Среди членов этнографического сообщества Арсеньева из числа преподавателей этого университета были также этнограф и фольклорист Г. С. Виноградов, фольклорист М. К. Азадовский [23, с. 10–11], который ранее состоял в этнографическом кружке Арсеньева в г. Хабаровске.

Уже находясь на посту директора Хабаровского музея, в период достаточно интенсивного общения с представителями академической науки Владимир Клавдиевич сам создает этнографический кружок, который впоследствии преобразуется в отделение археологии, истории и этнографии Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, объединив 30 исследователей. Заседания кружка, куда входили К. А. Гамаюнов (географ гидролог, преподаватель Кадетского корпуса), И. А. Лопатин (этнограф, преподаватель реального училища), А. Н. Свиринов (служащий канцелярии генерал-губернатора, впоследствии известный знаток древнерусского искусства) и М. К. Азадовский (фольклорист и этнограф), проходили по субботам, преимущественно у В. К. Арсеньева. В своем письме Л. Я. Штернбергу, датированном началом 1914 года, Арсеньев сообщает: «Спешу Вас уведомить, что я организовал здесь кружок этнографии (нас шесть человек, среди которых есть и М. К. Азадовский). Мы читаем и ведем собеседования. Прошли весь курс Харузина и Шурца» [24]. Соотнесем эту информацию со списком курсов специальности «Этнография», описанном выше. Под пунктом 16) Этнография указаны четыре фамилии, среди которых Харузин и Шурц. Следовательно, кружковцы совместно осваивали университетскую программу по избранной специальности. Поэтому неудивительно, что, по словам Ф. Ф. Аристова, В. К. Арсеньев с величайшим удовольствием вспоминает эти субботники, давшие ему много знаний [24].

Особой фигурой в этнографическом сообществе стоит Елпифидор Иннокентьевич Титов — единственный соавтор Арсеньева, с которым они опубликовали три работы. Разделяемые ценности, совместный труд над рукописью, необходимость отстаивать написанное, отвечая на обвинения в шовинизме по отношению к инородцам, сблизил этих непохожих по характеру и возрасту людей и взаимно обогатили новым профессиональным опытом. Справедливости ради следует отметить, что среди этнографов, окружавших Арсеньева, не все и не всегда поддерживали его исследования и разделяли его взгляды. Среди таковых, прежде всего, следует назвать Альберта Николаевича Куренкова-Липского, достаточно известного этнографа, последователя и ученика Д. Н. Анучина, который еще студентом участвовал в Олгон-Горинской экспедиции Арсеньева. Не вдаваясь в подробности, отметим его как постоянного оппонента и недоброжелателя Арсеньева [25, с. 15].

Непросто было Владимиру Клавдиевичу и в Государственном Дальневосточном Университете, куда его пригласили читать курс этнографии, учебная программа которого впервые была разработана им. Это было связано с формальным отсутствием у него не только ученой степени, но и высшего образования. Тем не менее, ему удалось и в таких условиях сложить в академических кругах Владивостока объединение

людей, увлеченных народоведением и активно вовлекать в эту сферу исследований молодежь. Его деятельность по созиданию этнографических сообществ, а также, по завету Штернберга, включение их в активную работу по сохранению культуры и улучшению жизни коренных этносов вышли и на академический уровень. 29 января 1930 года состоялось первое заседание Туземного бюро культурно-экономической секции Дальневосточного краевого научно-исследовательского института под председательством В. К. Арсеньева, о чем свидетельствует машинописное уведомление, подписанное рукой Арсеньева [26, Л.2], и рукопись протокола, составленная им [26, Л.6].

Резюмируя далеко не полный обзор участников этнографического сообщества Арсеньева в рамках данной статьи, основанной только на источниках, находящихся в пространстве Владивостока, можно с уверенностью утверждать, что Владимир Клавдиевич Арсеньев сумел создать вокруг себя серьезное научное окружение и осуществлял исследования коренных этносов Уссурийского края, ориентируясь на передовые тенденции развития фундаментальной этнографической науки своего времени и опираясь на практический опыт ближайшего окружения исследователей.

1. Полевой Б. П. В. К. Арсеньев как этнограф А. М. Решетов // *Советская этнография*. 1972. № 4. С. 74-87.
2. Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. — 2-е изд., испр. и доп. — Владивосток: Изд. дом Дальневост. федер. ун-та, 2012. — 412 с.
3. Бродянский Д. Л. Очерки истории дальневосточной археологии (С публикацией лекции В. К. Арсеньева). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. — 160 с.
4. Иванова Е. В. Л. Я. Штернберг и В. К. Арсеньев (воспоминания участника странной дискуссии 1970-х годов) // *Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения*. — СПб. МАЭ РАН, 2012. — С. 316-323.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://efremova.info/word/soobshchestvo.html#_WhV8WIVl-Uk
6. Советский энциклопедический словарь, под ред. А. М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1981. — 1600 с.
7. Красноштанов С. Мне сопутствовала счастливая звезда // *Словесница искусств*, 2004. №2 (14) [Электронный ресурс]. URL: <http://slovoart.ru/node/1970>
8. Браиловский С. Н. Тазы или угуиэ : Опыт этногр. исслед / — СПб.: Тип. кн. В. П. Мещерского, 1902. — 223 с.
9. ПГОМ им. В. К. Арсеньева, Фонд Дерево // МПК 1649; 2137-2; 3287-1-7; 2272-1,2; 2221-4; 2310.
10. Егорчев И. Н. «Согласно личного приказа Вашего Высочеством...» Секретные экспедиции В. К. Арсеньева. 1911-1913 гг. — Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2014. — 288 с.
11. Дубинина Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. — Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1997. — 208 с.
12. Архив ОИАК. Ф. 14. Оп. 1., Д. 112. Л.3.
13. Станюкович Т. В. Л. Я. Штернберг и Музей антропологии и этнографии (К 125-летию со дня рождения ученого) // *Советская этнография*. 1986. № 5. С. 81—91.
14. Гончарова С. В., Экспедиция в край гольдов и орочен // *Словесница искусств*. 2004. №2 (14) [Электронный ресурс]. URL: <http://slovoart.ru/node/1971>
15. Архив ОИАК Ф. 14. Оп.3.
16. Описи коллекций № 1928, 1930 Государственного музея этнографии народов СССР, подаренных В. К. Арсеньевым в апреле 1911 года. ПГОМ им. В. К. Арсеньева. Документальный фонд. МПК 14029-2.
17. Рукопись «Археология как наука и роль ее в изучении памятников старины Дальневосточного края». Арсеньев В. Владивосток, 1929 г. Архив ОИАК. Ф. 14. Оп.1. Д. 85. Л. 11.

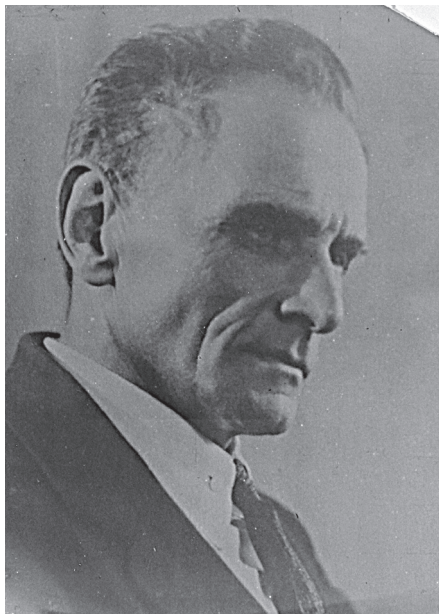
18. Архив ОИАК Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 6.
19. Архив ОИАК Ф. 14. Оп. 1. Д. 27, Л. 6 (оборот).
20. Гущина Е. Г. Этнографическое собрание Казанского университета в первой четверти XX века // Ученые записки Казанского университета. Т. 153. Кн. 3: Гуманитарные науки, 2011. — С. 233-239.
21. Описание коллекций по быту китайцев-звероловов Уссурийского края этнографического музея Казанского университета, собранной и подаренной В. К. Арсеньевым 25.04.1915 г. — ПГОМ им. В. К. Арсеньева. Документальный фонд. МПК 14029-6
22. Хисамутдинов А. А. Русские этнографы-эмигранты, их труды и судьбы // Этнографическое обозрение. 2014. №2. С. 62-75.
23. Сирина А. А. Бернгард Эдуардович Петри // Известия Лаборатории древних технологий ИргТУ. 2004. Вып. 2. С. 10-13.
24. Арсеньев В. К. Жизнь и приключения в тайге. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. Приложения. Письма к Л. Я. Штернбергу [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.su/read/374792-zhizn-i-priklyuchenie-v-tayge.html>
25. Коровашко А. В. По следам Дерсу Узала. Тропами Уссурийского края. — М.: Вече, 2016. — 264 с.
26. Архив ОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 114.

М. Р. Каменева

Морской государственный университет имени адмирала
Г. И. Невельского, Музей морского образования,
г. Владивосток

ВЛАДИМИР КЛАВДИЕВИЧ АРСЕНЬЕВ — ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ВЛАДИВОСТОКСКОГО ТЕХНИКУМА ВОДНЫХ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Впервые архивные данные о деятельности В.К. Арсеньева в Водном техникуме, хранящиеся в архиве Приморского отделения Русского географического общества —

*В. К. Арсеньев. Последние годы жизни.
Фото из архива ОИАК (Ф. 14, О. 4., Д. 23)*

Общества изучения Амурского края (далее — ОИАК), ввел в научный оборот историограф морского образования на Дальнем Востоке В.П. Королук. В.К. Арсеньеву посвящена отдельная глава в его монографии «История ДВГМА» [1, с. 143-149].

Любопытно, что в своей автобиографии, составленной в 1929 году, Владимир Клавдиевич не упоминает о работе в Водном техникуме. Очевидно, для него, сотрудничающего в этот период с многими организациями, эта деятельность была второстепенной. Впервые Владимир Клавдиевич, будучи сокращенным из ГДУ вследствие ликвидации факультета общественных наук, вел занятия в техникуме в 1923–1924 годах, преподавая русский язык на механическом и радиотелеграфном отделениях. Это подтверждает удостоверение, выданное ему начальником техникума Шаманаевым [2, с. 33].

В том учебном году техникум занимал старое здание Владивостокского Александровского училища дальнего плавания по ул. Светланской.

Вернувшись во Владивосток из Хабаровска в 1926 году, В.К. Арсеньев, наряду с работой в нескольких организациях и учреждениях и большой общественной деятельностью, берется за ведение курса «естествоведение» для учащихся Владивостокского техникума водных путей сообщения. Этот период в истории техникума нашел отражение в воспоминаниях таких его выпускников, как А.И. Щетинина, П.П. Куянцев, К.Н. Васюкевич. В 1926 году техникум перевели в Госпитальную слободу, в бывшее здание крепостного госпиталя. Разграбленное в годы войны здание было отремонтировано силами самих учащихся. В воспоминаниях Анны Щетининой [3] много теплых слов о преподавателях.

Здание Владивостокского Александровского
училища дальнего плавания по ул.
Светланской с 1908 по 1923 г.

*Здание Водного техникума в 1926-33 гг.
в «Гнилом углу»*

В этом славном перечне нет имени В. К. Арсеньева — Anne Щетининой, поступившей в техникум в 1925 году, не довелось слушать его лекции на первом курсе. Поступивший чуть позже Павел Куянцев вспоминал Арсеньева как талантливого педагога: *«живые глаза, глубоко сидящие, притягивали к себе внимание, и мы, восемнадцать юношей, слушали его, как завороженные: рассказчик он был изумительный. Его уроки обычно были последними, и мы, кто жил в городе, выходили с ним и стайкой шли до трамвая, и он по дороге еще что-нибудь нам рассказывал»* [4, с. 98].

В архиве ОИАК сохранился классный журнал Арсеньева 1928–1929 гг., уникальный документ, свидетельствующий о системе обучения в Водном техникуме [5, с. 28–32]. Темы занятий учебного года, разделенного на триместры расписаны в классном журнале рукой Владимира Клавдиевича. В соответствии с морской спецификой учебного заведения в курс естествоведения входили темы:

- Цвет и состав морской воды
- Осадки морей мелких и глубоких
- Острова, моря и перешейки, классификация животных
- Бентос и планктон, литоральная и пеллагическая фауна, коралловые полипы и коралловые острова
- Морские водоросли
- Промысел морской капусты
- Ракушечный промысел
- Трепанговый промысел
- Крабовый промысел
- Рыбный промысел

Лекции сопровождался демонстрационным показом и практическими занятиями — экскурсиями на берег моря. Образовательный ценз учащихся техникума был невысоким — от 6 до 9 лет школы (об этом в списке преподавателя пометки). На рабочем листке Арсеньев пометает для себя: *«Установить степень подготовки. Пополнить пробелы учащихся. Выделить слабых по географии и физике»* [6, л. 35]. Анализ дошедших до нас документов показывает, что Владимир Клавдиевич не был удовлетворен курсом естествоведения, преподаваемым им в Водном техникуме. С присущей ему ответственностью он критично оценивает свою преподавательскую деятельность: «основу я комкаю и основы нет» [7, л. 37]. Он делает наброски будущей расширенной программы курса, предлагая или удвоить его, или ввести предваряющий его курс океанографии, чтобы дать учащимся основу, на которой легче усваивается курс естествоведения: соленость и температура воды, течения, дно мелководья и дно больших глубин, среда, окружающая животных и растения [8, л. 34 об.]. И, судя по последней приписке, он намеревается подать об этом служебную записку руководству. Однако осенью 1929 года из-за очередной реформы образования курс естествоведения сокращают и в ноябре В. К. Арсеньев получает расчет и справку о том, что он *«действительно состоял преподавателем ЕСТЕСТВОВЕДЕНИЯ Владивостокского техникума В.П.С. с 1-го ноября 1926 до 1-го ноября 1929-го года, когда уволен за невключением в новые учебные планы Техникума «Естествоведения»* [9, л. 41]. Отдадим должное руководству техникума — оно пыталось удержать Арсеньева как преподавателя, до лучших времен. Сохранилась выписка из протокола заседания Совета техникума от 5 ноября 1929 года, на котором заведующий учебной частью А. Н. Пельз докладывал, что *«такой ценный преподаватель, как Арсеньев, остался без уроков»*, и предлагал *«сообщить Центру, что... естествоведение необходимо в техникуме оставить, а пока считать т.*

Арсеньева в числе преподавателей, без поручений, первому же курсу предложить заняться естествоведением кружковым образом. Кружком этим соглашается руководить Владимир Клавдиевич, а также прочесть ряд лекций по естествоведению бесплатно. Совет постановил согласиться с мнением зав. учебной частью и считать т. Арсеньеву в числе преподавателей Техникума, без поручений» [10, л. 44].

Можем предположить, что кружковые занятия состоялись. Но 4 сентября 1930 года Владимира Клавдиевича не стало. А в 1931 году в Морском техникуме прошли аресты. По доносу были арестованы заведующий учебной частью А. Н. Пелль, заведующий канцелярией Станиславский, заведующий механическим отделением Величковский, преподаватели Коблов, Ивлев, Величковский, Грундман, Путятин, Страдзе, несколько учеников. Сфабриковано дело. Своих учителей встретит на прогулке заключенных по палубе второй помощник капитана П. Куянцев по пути к Магадану. История не терпит сослагательного наклонения. Но как знать? Арсеньев мог разделить их участь, если бы был жив ко времени репрессий. Обязательно вспомнили бы и заступничество А. Н. Пелля (расстрелянного в 1933 году в ГУЛАГе) во время увольнения «ценного преподавателя» естествоведения В. К. Арсеньева. Очевидно одно — с уходом Владимира Клавдиевича Арсеньева учебное заведение утратило блестящего преподавателя, сочетавшего в себе большого ученого, исследователя-практика и педагога.

Из неопубликованных воспоминаний Н. И. Фролова, заведующего кафедрой начертательной геометрии и графики ДВПИ, встречавшегося с Арсеньевым в 1925–26 гг. на ученых советах института и во Владивостокском охотничьем обществе: *«Арсеньев был не просто книжным ученым, слагавшим свою эрудицию кабинетным образом, он был ученым-природоведом, ученым-художником, живописующим видимую лично природу, изучившим в мельчайших подробностях быт и нравы туземных людей, доступ к которым Владимир Клавдиевич, благодаря своим качествам имел самый тесный, самый близкий и гуманистический, не как холодный аналитик, а как культурнейший человек. Поэтому и лекции его были исключительно содержательны, доходчивы и запоминались прочно...»* [11, л. 2-3].

1. Королук В. П. История ДВГМА (морское образование на Дальнем Востоке в очерках и документах). — Владивосток: МГУ им. адм. Г. И. Невельского, 2001. — 384 с.

2. Архив ОИАК Ф. 14. Оп. 4. Д. 23.

3. Шетинина А. И. На морях и за морями. — Владивосток: Дальневост. книж. изд-во, 1988. — 422 с.

4. Куянцев П. П. Я бы снова выбрал море. Очерки. Путевые заметки. Воспоминания.

Интервью. Серия «Капитаны». — Владивосток, 1998. — 131 с.

5. Архив ОИАК Ф. 14. Оп. 4. Д. 23.

6. Архив ОИАК Ф. 14. Оп. 4. Д. 23.

7. Архив ОИАК Ф. 14. Оп. 4. Д. 23.

8. Архив ОИАК Ф. 14. Оп. 4. Д. 23.

9. Архив ОИАК Ф. 14. Оп. 4. Д. 23.

10. Архив ОИАК Ф. 14. Оп. 4. Д. 23.

11. Архив ОИАК Ф. 14. Оп. 2. Д. 14.

Л. И. Коровник,
МБУ «Музейно-выставочный центр»,
г. Дальнегорск

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ, ОПИСАННЫЕ В.К. АРСЕНЬЕВЫМ В ДОЛИНАХ РЕК ТЕТЮХЕ, ГОРБУША, АХОБЭ, МУТУХЭ В РАМКАХ ЭКСПЕДИЦИИ 1906 ГОДА «ОТ СТАНЦИИ ШМАКОВКА УССУРИЙСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ...»

29 августа 2017 года мы отметили 145 лет со дня рождения Владимира Клавдиевича Арсеньева, знаменитого путешественника, ученого-этнографа, исследователя Дальнего Востока, писателя, автора замечательных книг о своих путешествиях — «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала». Своего рода это отчеты о том, что он видел, что внимательно изучил, классифицировал все окружающее как научные объекты. Поражаешься знаниям В.К. Арсеньева. Он мог дать названия на латыни каждому растению, определить породу камня, измерить расстояние русла реки... Не обладая современной измерительной техникой, он с невероятной точностью мог описать любой географический объект, который был у него на пути следования, подтверждением чему является данная работа, рассматривающая географические объекты, описанные В.К. Арсеньевым в долинах рек Тетюхе, Горбуша, Ахобэ и Мутухэ в 1906 году. «В Японское море между зал. Св. Ольги и бухтой Терней впадают следующие реки: Аввакумовка или Вай-Фудин (в зал. Св. Ольги), р. Хулуай, Тапоуза (в зал. Св. Владимира). Далее к северу — Тадушшу, Тютюхе, Аохобэ, три маленьких безымянных речки (Первая, Вторая, Третья Лангоу), потом — Мутухэ и Санхобэ, впадающие в бухту Терней» (сборник сочинений В.К. Арсеньева, том III, стр. 82).

Долину р. Тетюхе и окрестные места В.К. Арсеньев посетил первый раз в 1906 г. во время своей знаменитой экспедиции, которой дал название «От станции Шмаковка Уссурийской железной...». Одной из целей данной экспедиции было исследование территорий в долинах выше обозначенных рек. Он измерял ширину речных долин, скорость течения рек, определял тип дна. Места в долине р. Тетюхе в то время не были заселены, необходимо было также провести исследования на предмет их возможного заселения, выявить места, пригодные для проживания людей. Это тоже было одной из главных задач экспедиции. Арсеньевым река Тетюхе была исследована от ее верховьев до устья.

Из дневников В.К. Арсеньева:

«7 сентября 1906 г. Согласно составленного накануне плана я пошел на голую сопку, чтобы установить и определить направление Сихотэ-Алиня и зачертить его так, как

он представляется наблюдателю анфас... До самого верху я не подымался, потому что там сплошной лес и все равно я ничего не увидел бы. Поэтому, я добрался до россыпей, карабаясь по камням, хватаясь за деревья. Более грандиозной картины я никогда не видывал, более грозных недоступных гор я никогда не мог себе представить. Страшной высоты отвесные утесы, скалы. Голова кружится, глядя на эти расщелины и пропасти. Если, когда-либо на земле и был ад, то вероятно именно здесь, в верховьях Тютихе...» Действительно, в верховьях р. Рудной (так называется сегодня река Тетюхе) места оказались довольно непроходимые и для заселения людьми непригодные. Читаем дальше:

«8 сентября 1906 г. ...Слева от нас подымалась гряда камней... Огромные массы их выдвигаются в долину в виде трех больших отрогов или мысов... Справа высились страшно крутые горы, с совершенно отвесными скалистыми боками и вершиной наподобие петушьяго гребня. Она резко выделяется на общей массе гор. Чем ближе мы подвигались к руднику, тем горы все более и более принимали глыбный характер, все более становились утесистыми, скалистыми».

В настоящее время у подножия этих скал находится село Тайга. Всех, кто впервые приезжает в Дальнегорск, удивляет необычное расположение города среди высоких скалистых сопок, в долине, по дну которой бежит быстрая горная река Рудная. Как сказал один из местных поэтов: «Как в ладонях, между гор расположен Дальнегорск». Особенно впечатляет участок, который называется Тетюхинское ущелье. Он расположен от сужения долины р. Рудной в районе «Гореловского перешейка» и вниз по реке через основную часть города до «Горбушинского перешейка». На этом 6-километровом участке можно увидеть скалы причудливых форм: одни похожи на развалины замка и древние руины, другие — на петушинный гребень, есть скала в виде пальца, указывающего вверх, в небо, а рядом скала с профилем человеческого лица. В.К. Арсеньев отметил особенность этих скальных образований еще в 1906 году, в своем полевом дневнике он написал: «Вообще утесы здесь имеют крайне причудливый и фантастический характер...».

Одним из любимых мест отдыха дальнегорцев является пляж на берегу Горбушинского водохранилища, куда сегодня есть хорошая подъездная и пешеходная дорога. Отправляясь туда, многие делают остановку на невысоком перевале, чтобы полюбоваться окрестностями и водной гладью рукотворного озера. Это место называют «Белые скалы», поскольку здесь выходит скалистый массив известняка, в котором когда-то существовала пещера, разрушенная при строительстве водохранилища. Описание этой пещеры сохранилось благодаря В.К. Арсеньеву, который в полевом дневнике 1906 года не только описал пещеру, но и нарисовал ее план с разрезами. Вот что он писал: «При слиянии обеих речек Тютихи и Рыбной образуется громадная площадь сравнительно удобная для заселений. Мы пошли по Рыбной реке. Эту речку мы так назвали потому, что в ней нашли много крупной рыбы. Идти пришлось не долго, не более 2 верст, как справа мы увидели выступающую вперед высокую скалу, а, поравнявшись с ней, увидели и пещеры... На мягкой глинистой почве ея на полу много тигровых и медвежьих следов, а в глубине пещеры оказались кости оленей».

Первое описание в своей книге «По Уссурийской тайге» В.К. Арсеньев дал пещере Николаевская, посетив ее в 1906 году. Из дальнегорских пещер она самая доступная для посещения туристов, находится всего в сотне метров от дороги на Николаевский рудник. По правому берегу р. Рудной (напротив устья р. Горбуши, левый приток р. Рудной) тянется скалистый невысокий кряж, на котором стоят рядом две верти-

кальные фигуры, замеченные в 1906 г. В.К. Арсеньевым и описанные им в дневнике: «...справа еще кроме того утес один особенно резко бросался в глаза. Это каменная баба... Издали кажется, что как будто две человеческие фигуры стоят рядом и смотрят в разные стороны».

Из того же дневника В.К. Арсеньева:

«12 сентября 1906 г. Там, где живет одинокий китаец (рабочий с рудника), за его фанзой, выдвинувшись на долину, выдается длинный утесистый мыс, имеющий очень красивый вид». На маршрутной карте экспедиции 1906 года этот мыс обозначен под названием Мертвый утес. Длина скалистой части мыса около 200 м, высота до 50 м. Оконечность мыса была обитаема в первобытную эпоху, на поверхности сохранились котлованы от жилищ древних людей. На современной карте — это длинная терраса, расположенная между Кривым ключом (Пронинская падь), левым притоком р. Рудной и большим полем, примыкающим к дороге перед въездом в село Сержаново. Своеобразной визиткой Дальнегорского района являются скалы Два Брата. В морской лоции их именуют Два Пальца. А сто лет назад у них было другое имя, о чем писал В.К. Арсеньев в одной из своих книг: «К югу от мыса Бринера, в саженях ста от берега, из воды торчат еще две скалы, именуемые, как всегда, «Братом и Сестрою». Раньше это были береговые ворота. Свод их обрушился, и остались только одни столбы. Если смотреть на мыс Бринера с северного берега бухты Тетюхэ, то кажется, что столбы эти стоят на песчаном перешейке».

Откуда появились эти причудливые «братья», мы можем сказать, лишь заглянув в далекое прошлое. Около 60 миллионов лет назад, на окраине евразийской плиты в районе будущего Приморского края шли активные вулканические процессы, накапливались толщи рыхлого пирокластического материала кислых эффузивов. По центрам некоторых вулканических построек, по магмаподводящим каналам, внедрялась более вязкая лава и застывала в них. Таким образом формировались некки. Одним из представителей таких геологических образований являются скалы Два Брата. Современный этап активизации береговых процессов, определивших нынешний облик Двух Братьев, начался около 135 тыс. лет назад... Некк Двух Братьев отделился от материка и стал кекуром, соединённым со скалистым обрывом по началу нешироким каменистым пляжем. Грот в его юго-западной части превратился в сквозную арку. Постепенно кекур разрушался, своды арки становились всё выше, пока совсем не обрушились. Образовались кекуры, которые мы видим в настоящее время.

Таким более 110 лет назад увидел В.К. Арсеньев наш район, который за этот промежуток времени очень изменился. Возник крупный горняцкий город, поселки и села. Люди приспособились к жизни рядом с бурными горными реками, частично укротив их, освоили богатства недр диких скал, даже изменили их облик. И этот факт изменений предвидел великий путешественник, о чем писал в предисловии к своей книге «По Уссурийскому краю»: «Край, с приходом в него человека, начал утрачивать свою оригинальность и претерпевать то превращение, которое НЕИЗБЕЖНО несет за собой цивилизация». Хорошо это или плохо — рассудит время. Беспечно то, что благодаря работам В.К. Арсеньева мы знаем о нашем крае много интересного и полезного, до сих пор можем пользоваться плодами его исследований и открытий.

Е. А. Волковская-Курдюкова,
Приморский государственный объединенный
музей имени В. К. Арсеньева,
г. Владивосток

ОТОБРАЖЕНИЕ ФАУНЫ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. К. АРСЕНЬЕВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 1906–1927 гг.)

Присоединение Уссурийского края к составу Российской империи и последовавшее за этим активное заселение вновь обретённых областей русскоязычным населением потребовали всестороннего изучения его природно-географических особенностей, состава и численности местного населения. Военно-политическая ситуация, сложившаяся после окончания Русско-японской войны, послужила толчком к более тщательному исследованию этой территории, особенно внутренних, ранее не изученных областей, таких, как хребты горной страны Сихотэ-Алинь. С этой целью были организованы первые три большие экспедиции 1906, 1907–1908, 1908–1912 гг., начальником которых был назначен штабс-капитан В. К. Арсеньев.

Первая экспедиция, длившаяся шесть месяцев, началась 15 мая 1906 г. в с. Шмаковка, её маршрут проходил вверх по течению р. Уссури, через Сихотэ-Алинь до побережья Японского моря в районе поста Святой Ольги, затем к бухте Джигит, откуда по р. Иман до Дальнереченска. В ходе второй экспедиции, начавшейся 10 июля 1907 г. из бухты Джигит и завершившейся 5 января 1908 г., был исследован север Уссурийского края до побережья Татарского пролива, верхние течения рек системы Имана, бассейна р. Бикин и морское побережье. По результатам этих первых крупных экспедиций В. К. Арсеньевым были написаны два наиболее популярных его произведения — «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Материалы третьей, ещё более масштабной экспедиции, начавшейся в июне 1908 г. и продлившейся 19 месяцев, сначала публиковались им в 1908–1912 гг. в газете под общим заголовком «Из путевого дневника», затем легли в основу книги «В горах Сихотэ-Алиня». В этой экспедиции была обследована неизведанная прежде северная часть Уссурийского края и хребта Сихотэ-Алинь, от р. Ануй до Императорской гавани. Последняя, четвёртая, крупная экспедиция В. К. Арсеньева прошла по маршруту Советская Гавань — Хабаровск в 1927 г. и была описана в книге «Сквозь тайгу».

Методика и материалы

Для анализа были выбраны четыре наиболее известных произведения В. К. Арсеньева: «По Уссурийскому краю» и «Дерсу-Узала», изданные в 1969 г. «Хабаровским книжным издательством» [2], а также «В горах Сихотэ-Алиня» и «Сквозь тайгу», изданные в 1949 г. «Государственным издательством географической литературы» [1]. Был составлен полный список позвоночных животных, упомянутых в текстах этих

произведений. Сопоставление наименований позвоночных животных, приводимых автором, с описанием их внешнего облика, повадок, мест наблюдений позволили нам соотнести их с названиями таксонов, принятыми в современной научной литературе [4, 6, 8, 11, 12, 13, 14]. Во многих случаях такие интерпретации не вызывали сомнения, так как старые или вышедшие из употребления названия таксонов всё ещё используются, известны или созвучны современным. Но нередко возникали и трудности. Поскольку В.К. Арсеньев не имел специального биологического образования, а дальневосточная фауна для него, выходя из Европейской России, оставалась не вполне знакомой, нередко встречаются неточности в определении упоминаемых им животных. В ряде случаев представителям региональной фауны приписаны названия видов, распространённых в Европе, Сибири и Средней Азии. Например, дальневосточная полёвка *Microtus fortis* фигурирует в тексте под именами «водяная крыса» и «мышь-экономка»; соболь *Martes zibellina* в летнем наряде принят за куницу, не встречающуюся на Дальнем Востоке; колонок *Kolonocus sibirica* приводится как под собственным именем, так и под именем «хорёк»; чирок-трескунок *Anas querquedula* упоминается как «узконосый чирок», — одно из наименований, принятое для распространённого в Средней Азии мраморного чирка *Marmarionetta angustirostris*; восточный широкоорот *Eurystomus orientalis* — как «сизоворонка»; юрок *Fringilla montifringilla* упоминается под именем такого европейского вида, как «зяблик»; амурский сит *Coregonus ussuriensis* — под названием «моксун», принятым для одного из сибирских видов сигов; тихоокеанская минога *Lethenteron japonicum* фигурирует как «угорь». Встречаются и курьёзы, когда под одним и тем же наименованием описаны явно различные виды позвоночных животных. Так, дикуша *Falci pennis falci pennis* приводится как под названием «рябчик», употребляемым им также собственно для рябчика *Tetrastes bonasia*, так и под местным — «сапас». То же самое справедливо для обыкновенного *Bubo bubo* и рыбного *Ketupa blakistoni* филинов, в тексте часто фигурирующих под одним и тем же названием «филин»; изредка к наименованию рыбного филина прибавляется также «филин-рыболов». Одно и то же название — «восточносибирский погоньш» — приписывается как большому погоньшу *Porzana paykullii*, так и восточному пастушку *Rallus (aquaticus) indicus*, что следует из описаний облика и повадок птиц. Точно также под именем «зелёная овсянка» описываются как седоголовая овсянка *Ocyris spodocephalus*, так и дубровник *Ocyris aureolus*, причём для последнего используется ещё и наименование «черноголовая овсянка». Во всех этих случаях очень выручала наблюдательность В.К. Арсеньева, приводящего помимо прочего также и описания особенностей внешнего облика, голосовых сигналов, повадок, мест обитания и др. описываемых животных, что дало возможность разобраться в подобных запутанных вопросах.

Чтобы оценить частоту упоминаний и таксономическое разнообразие описываемых в текстах художественных произведений В.К. Арсеньева позвоночных животных, применялся такой показатель, как число упоминаний таксонов животных на стандартный объём текста, размером в один авторский печатный лист (автор. п. л.) — 40 000 печатных знаков.

Результаты и их обсуждение

Все проанализированные произведения В.К. Арсеньева были написаны в тот период, когда на географической карте мира ещё сохранялись настоящие «белые пятна». Они хорошо укладывались в тематику путевых заметок, крайне популярных в эти времена «Великих географических открытий». Традиционно в них давались подробные описания дат и маршрутов экспедиций, повседневного быта и различных, часто наполненных острыми перипетиями событий, а главное — обычаев и нравов местного населения и особенностей природных условий. Последние нередко сопровождалась

подробными очерками, касающимися образа жизни и повадок животных, общего характера растительности, облика и свойств отдельных её представителей, с обязательным включением латинских названий животных и растительных объектов. Эти описания нередко заменяли развёрнутые научные публикации и часто цитировались в научной печати. Интерес к произведениям подобного рода среди широкой общественности был огромным, они заменяли справочники и общегеографические гиды по особенностям природы и населения вновь открываемых областей.

Часто В.К. Арсеньева сравнивают со знаменитым первоисследователем русского Дальнего Востока Н.М. Пржевальским, авторитет которого для В.К. Арсеньева был неоспорим [19]. Однако цели, задачи и, следовательно, результаты экспедиций этих двух известных путешественников имеют существенные расхождения. Если маршруты экспедиций Н.М. Пржевальского охватывали, в основном, наиболее доступные и пригодные к заселению районы Уссурийского края, такие, как Приханкайская низменность, прибрежные территории залива Петра Великого, долины рек Усури, Суйфун, Сучан, Цумихе и др., то маршруты экспедиций В.К. Арсеньева были проложены через первобытные леса, тянущиеся на несколько сот километров, где «целыми неделями можно идти и нигде не встретить ни единой души человеческой!» [1]. «Чувство, похожее на робость, охватывающее всякий раз перед тем, как проникнуть в такой лес» [2], — было широко распространённым отношением пришедшего русскоязычного населения к обширным массивам старовозрастных лесов юга Дальнего Востока. Учитывая тот факт, что даже в современный период лесами покрыто более 80% площади Уссурийского края, говорить о каком-либо полноценном понимании природы этого региона без глубокого проникновения в эти слабозаселённые лесные земли невозможно.

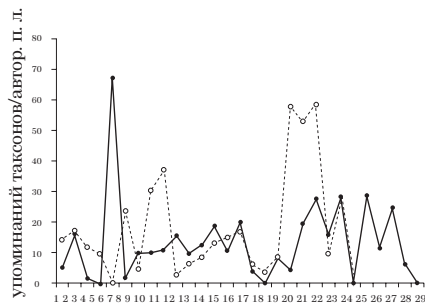
Общий перечень объектов фауны позвоночных животных юга Дальнего Востока, рассматриваемых в четырёх анализируемых произведениях В.К. Арсеньева, насчитывает 246 таксонов, представленных на их страницах в виде 783 упоминаний, разных по степени подробности (Приложение 1). Большая часть объектов — 91,5%, определено до ранга вида (79,2%), или рода (12,3%), меньше распространены наименования таксонов уровня семейства — 3,3%, отряда — 1,9% и класса — 3,2%. Характерно, что встречаемость наименований объектов животного мира постоянно высокая во всех произведениях независимо от их объёма (см. рис.). В первом произведении, «По Уссурийскому краю», упоминается 146 наименований представителей фауны позвоночных (встречаемость — 8,0 упоминаний/1 автор. п. л.), в последующем: 109 наименований (8,4 упоминаний / 1 автор. п. л.) — в «Дерсу Узала», 86 наименований (6,2 упоминаний / 1 автор. п. л.) — во «В горах Сихотэ-Алиня», 71 наименование (10 упоминаний / 1 автор. п. л.) — в «Сквозь тайгу».

Будучи заядлым охотником, В.К. Арсеньев наиболее часто в текстах своих произведений описывает млекопитающих — 44,9% от упоминаний всех позвоночных животных и птиц — 43,7%, достаточно большое внимание уделяется также рыбам — 8,7%. Остальные группы упоминаются лишь попутно. Так, на пресмыкающихся приходится 1,6% упоминаний, на земноводных — 0,3%, на морских беспозвоночных — 0,8%. Принимая во внимание то, что число видов в разных группах животных в фауне юга Дальнего Востока сильно различается, например, млекопитающих — 80 видов, а птиц — 485 видов, следует, что явными фаворитами автора являются млекопитающие Mammalia. Из 80 известных для этой территории их видов в произведениях В.К. Арсеньева упоминаются 52,5%. Из них основной упор делается на представителей отрядов хищные *Carnivora* — 80% из 20 видов, парнокопытные *Artiodactyla* — 100% из 7 видов, зайцеобразные *Lagomorpha* и белчицы *Sciuridae* — 71,4% из 7 видов. В то же

время наиболее многочисленные отряды насекомоядные *Insectivora* — 28,6% из 14 видов, рукокрылые *Chiroptera* — 6,7% из 15 видов и грызуны *Rodentia* — 23% из 13 видов, представленные мелкими и не имеющими промыслового значения животными, описываются не часто и/или лишь вскользь.

Разнообразие птиц *Aves*, наиболее крупной по числу видов группы наземных позвоночных, отображено в произведениях В.К. Арсеньева более равномерно. В их тексте содержатся упоминания о 132 видах, или 28,4% видового богатства этой группы для юга Дальнего Востока. Упор на охотничье-промысловые виды в описаниях птиц менее заметен, чем млекопитающих. Всего упомянуто 37 охотничье-промысловых видов птиц, что составляет около половины (47%) их общего для рассматриваемого региона перечня. Некоторое предпочтение отдаётся более крупным видам птиц — 91 вид (36% от их числа, известных для рассматриваемой территории), чем мелким — 31 вид (28%, соответственно), но всё же оно не настолько явное, как для млекопитающих. Несомненно, здесь сказывались личные интересы В.К. Арсеньева как страстного охотника, ранее занимавшегося этим профессионально, будучи на должности заведующего охотничьей команды полка. Кроме того, это диктовалось необходимостью исследования наиболее острых на тот момент вопросов — «военного и колонизационного» — и всего того, что могло быть полезным для их разрешения. Лесные районы края в соответствии с этими целями являлись основным источником охотничье-промысловых ресурсов, главным образом в виде млекопитающих (косуля, кабан, пятнистый олень, изюбрь, лось, кабарга), и в меньшей мере — птиц (утки, рябчик) и рыб (речные и проходные виды). Тем не менее, очевидно, что птицы как наиболее заметные и обращающие на себя внимание объекты живой природы, вне зависимости от их утилитарно-прикладного значения, составляли неизменный фон каждодневных событий на протяжении всех экспедиций В.К. Арсеньева, занимая видное место в его произведениях.

А

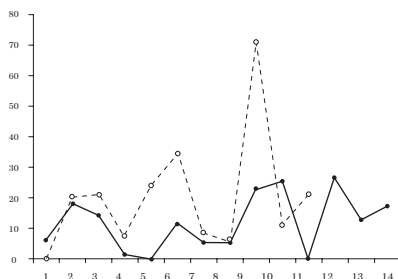

Главы

«По Уссурийскому краю»

«Дерсу Узала»

— — ○ — —

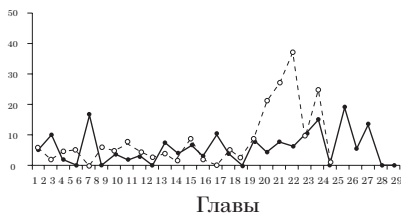
Главы

«В горах Сихоте-Алиня»

«Сквозь тайгу»

— — ○ — —

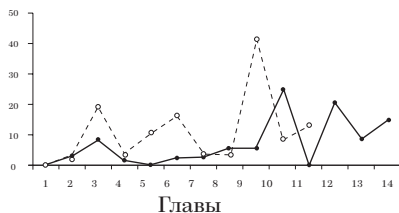
Б

«По Уссурийскому краю»

«Дерсу Узала»

— — ○ — —

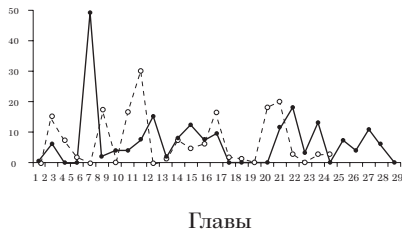

«В горах Сихоте-Алиня»

«Сквозь тайгу»

— — ○ — —

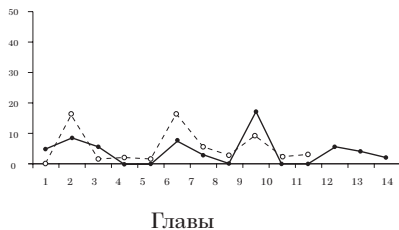
В

«По Уссурийскому краю»

«Дерсу Узала»

— — ○ — —

«В горах Сихоте-Алиня»

«Сквозь тайгу»

— — ○ — —

Рисунок. Распределение числа упоминаний таксонов позвоночных животных, в расчёте на один авторский печатный лист, по главам четырёх художественно-научных произведений В. К. Арсеньева: а) всех групп позвоночных животных; б) млекопитающих; в) птиц

Рыбам *Pisces*, составлявшим заметную часть рациона как аборигенного, так и русскоязычного населения, в книгах уделено заметное внимание. Однако это справедливо только в отношении пресноводных и проходных рыб. В текстах произведений упоминается 20 их видов, что составляет 24,7% от их числа на юге Дальнего Востока. Разнообразие морских рыб в произведениях почти не отображено: упоминается всего 5 видов, что составляет лишь 1,7% видового богатства этой группы на рассматриваемой территории. Оставшимся группам позвоночных животных уделяется намного меньше внимания: так земноводные *Amphibia* упоминаются лишь в самом общем виде, на уровне отряда — лягушки (Бесхвостые, *Anura*) и рода — жаба (*Bufo sp.*). Пресмыкающиеся *Reptilia* представлены 7 видами, что составляет 47% их видового списка на юге Дальнего Востока. Однако при этом точные названия нередко заменяются неопределёнными эпитетами — ящерица, уж, копьеголовая змея и др., под которыми угадать, какое именно животное имелось в виду, не так просто.

Среди млекопитающих в произведениях В.К. Арсеньева наиболее часто описываются встречи с амурским тигром *Panthera (Tigris) tigris* (10,9% упоминаний млекопитающих), кабаном *Suss scrufa* (10%), бурым медведем *Ursus (Ursus) arctos* (8,8%), изюбром *Cervus (Cervus) elaphus* (8,8%), лосем *Alces alces* (6,5%), косулей *Capreolus capreolus pygargus* (6,2%), кабаргой *Moschus moschiferus* (5,9%), росомахой *Gulo gulo* (4,4%), соболем *Martes zibellina* (3,8%). Всё это либо крупные эффектные животные, либо ценные и многочисленные охотничьи трофеи, либо животные достаточно необычные для жителя средней полосы Европейской России, с интересными и малоизученными поведением. Такой их набор позволяет в наиболее доступной для неспециалиста читателя форме отобразить богатство и экзотичный характер местной фауны, проявляющийся в широком смещении северных и южных форм — первое, на что обращает внимание подавляющее большинство работавших в крае исследователей-естествоиспытателей.

Из птиц наиболее часто описываются различные виды уток *Anatidae* (приводится 11 видов уток, на которые приходится 11,1% упоминаний птиц), дятлы *Piciformes* (всего 5 видов, составляющих 7,6%), вороны *Corvus sp.* (2 вида — 5,9%), чайки *Larus sp.* (4 вида — 4,7%), орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla* (4,4%), рыбный филин *Ketupa blakistoni* (4,4%), гуси *Anser sp.* (4,1%), различные виды куликов *Scolopacidae* (всего 17 видов — 8,5%), рябчик *Tetrastes bonasia* (2,4%); из мелких воробьиных птиц — обыкновенный поползень *Sitta europaea* (3,2%), трясогузка *Motacilla sp.* (3 вида — 2,6%), овсянки *Emberizidae* (6 видов — 2,4%), сойка *Garrulus glandarius* (2,1%), кедровка *Nucifraga caryocatactes* (1,8%).

Из рыб наиболее часто рассматриваются различные виды лососёвых пород *Salmonoidei* (9 видов, составляющих 62,3% упоминаний рыб), среди которых наиболее часто встречаются кета *Oncorhynchus keta*, сахалинский таймень *Parahucho perryi*, мальма *Salvelinus malma*, ленок *Brachymystax lenok*, горбуша *Oncorhynchus gorbuscha*.

Описания встреч с представителями фауны юга Дальнего Востока распределяются по главам произведений В.К. Арсеньева неравномерно. Есть главы буквально насыщенные ими, тогда как лишь 20-25% глав бедны или не содержат таких описаний вовсе. В книге «По Уссурийскому краю» наиболее богаты ими такие главы, как «Нижнее течение р. Лефу», «Через Сихотэ-Алинь к морю», «Приключение на реке», «Искатель женственности», «Возвращение к морю», «Охота на медведя», «Пожар в лесу», «К Иману», описывающие разные этапы экспедиции, например, посещение побережья оз. Ханка, прославленного ещё Н.М. Пржевальским [16] описаниями грандиозных птичьих перелётов, первый переход через хребет Сихотэ-Алинь, экскурсии в долинах рек Японо-морского побережья Уссурийского края и переход через Сихотэ-Алинь в бассейн р. Иман. В книге «Дерсу Узала» это главы «Пребывание в заливе», «Возвращение к морю», «Такема», «Ли Цун-Бин», «Возвращение Хей Ба-тоу», «Через Сихотэ-Алинь», описывающие вынужденную стоянку в зал. Рында в ожидании парохода со снаряжением для экспедиции, осенние походы по долинам рек восточных склонов Среднего Сихотэ-Алиня, зимний переход через Сихотэ-Алинь на Бикин. В книге «В горах Сихотэ-Алиня» больше всего описаний представителей животного мира содержится в главах «Вверх по Анюю», «Филин-рыболов», «Охота», «По горным речкам», описывающих переход по р. Анюй и события в период работы экспедиции в бассейне р. Самарга. В книге «Сквозь тайгу» это главы «Савушка Бизанка», «В отрогах Сихотэ-Алиня», «Девственный лес», относящиеся ко времени работы в долине р. Коппи, переходу через Сихотэ-Алинь в бассейн р. Анюй и путешествию в её долине. Богатый внутренний мир автора и неутолимое стремление к познанию и поискам нового нашли отражение в содержании произведений В.К. Арсеньева. Наблюдая

за происходящим вокруг, схватывая самые тонкие особенности природы края, В.К. Арсеньев воссоздаёт их в своих произведениях, обращая на них внимание читателей. Если отвлечься от увлекательной лирики путевых очерков, переданных автором в той неподражаемой манере, где эпизоды жизни экспедиционного отряда в пути и на биваках чередуются с описаниями ландшафтов и научными наблюдениями по географии, геологии, этнографии и биологии, и сосредоточиться на последних, то обнаружится, что благодаря развитой способности подмечать ускользающие от других частности, подробности явлений и фактов В.К. Арсеньевым были сделаны зоологические находки и открытия, часть которых теперь незаслуженно «забыта». И если залёты никем до этого не наблюдавшейся в Уссурийском крае [22] саджи *Syrhaptes paradoxus* в декабре 1907 г. ещё упомянуты в монографии К. А. Воробьёва «Птицы Уссурийского края» 1954 г. [3], то другие — «преданы забвению». Так случилось с находкой В.К. Арсеньевым гнезда обыкновенной пищухи *Certhia familiaris* за отставшей корой сухостойного дерева [2], что является первым прямым доказательством гнездования этого вида в Уссурийском крае [15, 17]. Описание гнезда этой птицы, попутно найденного им в 1906 г. в истоках р. Маргаритовка, приводится им в произведении «По Уссурийскому краю». Также получилось и с первой находкой на территории России гнезда такого редкого, включённого в различные Красные книги [9, 10, 20, 21] вида, как рыбный филин *Ketupa blakistoni*. Гнездо с пуховыми птенцами этого вида, найденное В.К. Арсеньевым в 1909 г. в долине реки у морского побережья немного севернее устья р. Тумнин, описывается в набросках последних глав книги «В горах Сихотэ-Алиня», незаконченной из-за смерти автора [1]. Представляют интерес также наблюдения за этим видом поздней осенью 1908 г. на р. Самарга. Считалось, что первые сведения о пребывании рыбного филина на восточных склонах Сихотэ-Алиня были получены В.К. Рахилиным лишь в 1956–1961 гг. [7]. Всё это наряду с известными заслугами в области биогеографии В.К. Арсеньева и его соратников, первыми установивших биогеографическую границу, разделяющую охотскую и маньчжурскую фауну и флору в пределах хребта Сихотэ-Алинь, названную линией Арсеньева, раскрывает новые грани богатого культурного и научного наследия, оставленного по результатам экспедиций этого одарённого путешественника.

1. Арсеньев В. К. Сквозь тайгу (В горах Сихотэ-Алиня. Сквозь тайгу. По материалам экспедиций 1908–1910 гг. и 1927 г.). — М.: Географиз, 1949. — 403 с.
2. Арсеньев В. К. Дерсу Узала // По Уссурийскому краю / худ. И. Бруни. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. — 638 с.: илл. — (Б-ка дальневост. романа).
3. Воробьёв К. А. Птицы Уссурийского края. — М.: АН СССР, 1954. — 360 с.
4. Глуценко Ю. Н., Нечаев В. А., Редькин Я. А. Птицы Приморского края: краткий фаунистический обзор. — М.: КМК, 2016. — 523 с.
5. Дементьев Г. П. Отряд совы // Птицы Советского союза — М.: Советская наука, 1951. Т. 1. — С. 342–429.
6. Дунаев Е. А., Орлова В. Ф. Змеи фауны России: атлас-определитель. — М.: Фитон XXI, 2014. — 120 с.: илл.
7. Елсуков С. В. Птицы Северо-Восточного Приморья. Неворобьиные. — Владивосток: Дальнаука, 2013. — 536 с.
8. Коблик Е. А., Редькин Я. А., Архипов В. Ю., Список птиц Российской Федерации. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. — 256 с.
9. Красная книга Приморского края. Животные. — Владивосток, 2005. — 408 с.
10. Красная книга Российской Федерации (животные). — М.: АСТ, Астрель, 2000. — 860 с.
11. Кузьмин С. Л., Маслова И. В. Земноводные Российского Дальнего Востока. — М.: КМК, 2005. — 434 с.: илл.

12. Литвинова Е. А., Литвинов М. Н. Наземные млекопитающие юга Дальнего Востока России: учебное пособие. — Уссурийск: ДВФУ Школа педагогики. 2012. — 94 с.
13. Нечаев В. А., Гамова Т. В. Птицы Дальнего Востока аннотированный каталог. — Владивосток: Дальнаука, 2009. — 564 с.
14. Рыбы Приморья. — Владивосток: Дальрыбвтуз, 2002. — 552 с.
15. Поливанов В. М. Экология птиц-дуплогнёзников Приморья — М.: Наука, 1981. — 171 с.
16. Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае в 1867–1869 гг. — СПб., 1870. — 298 с.
17. Пужинский Ю. Б. Гнездовая жизнь птиц бассейна реки Бикин // Труды С.-Петерб. общества естествоиспытателей. 2003. Сер. 4. Т. 86. — 267 с.
18. Спангенберг Е. П. Птицы бассейна реки Имана // Исследования по фауне Советского Союза (птицы): сб. тр. Зоологического музея МГУ. — М.: МГУ, 1965. Т. 9. — С. 98–202.
19. Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. — М.: Наука, 1985. — 344 с.
20. BirdLife International (2001) *Threatened birds of Asia: the BirdLife International Red Data Book* Cambridge, UK: BirdLife International.
21. IUCN 2017. *The IUCN Red List of Threatened Species. Version 2017-1.*
22. Taczanowski L. *Faune ornitologique de la Sibirie orientale. Memoirs Academie des Sciences de St. Petersbourg*, 1893. Serie VII. T. 39. — 1278 p.

Н. В. Лосева,
Тверской государственный университет,
г. Тверь

СВЯТИТЕЛЬ АРСЕНИЙ: ТВЕРСКИЕ ИСТОКИ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ

Небольшой экскурс в ономастику и народный фольклор не случайно сделан в этой статье. Разобраться в выборе крестного — духовного наставника — задача не простая. И тут надо вглядываться в тверские истоки духовного наследия.

Николай Алексеевич Забелин — известнейший краевед, один из основателей клуба тверских краеведов, Почетный гражданин города Твери (прошу не путать с уроженцем земли тверской однофамильцем Иваном Егоровичем тоже историком, археологом, членом-корреспондентом Императорской Академии наук) — утверждал, что в тверской губернии, начиная с XV века, многие называли своих сыновей Арсениями. Это имя давали в честь тверского святителя, чудотворца Арсения, первого архиепископа тверского, которого называли тверским Сергием Радонежским. Святитель Арсений был известен на всю Россию многими чудесами. Он воскрешал утопленников, спасал от удушения, даровал детей, исцелял больных, избавлял от пьянства. Писатель Валерий Годовицын в рассказе «Арсений Тверской» пишет: «Любовь тверичей к Арсению не исчезла со смертью его. На многие века имя Арсений сделалось одним из любимых мужских имен в тверской земле». Можно сказать больше: в других уголках нашей необъятной родины тверяков узнавали по имени Арсений.

Дату рождения святого никто не знает, но известно, что он родился в Твери, в богатой дворянской семье. Он имел склонность к монашеской жизни, рано остался без родителей. Когда молодой человек на пороге дома увидел вдову с толпой ребятишек, то превратил свой богатый дом в приют странствующих и бедных, чем навлек гнев своих родственников. Раздав нищим полученное от родителей наследство, он удалился в Киево-Печерский монастырь и принял монашеский постриг. Там он был замечен киевским митрополитом Киприяном, который сделал его своим архидиаконом и поручил заниматься внутренними делами митрополии. Когда Киприан получил сан митрополита всея Руси, то, отправляясь в Москву, взял с собой и Арсения. В Москве Арсений занимал пост протодьякона и заведовал письменными делами монархии.

В 1390 году великий князь тверской Михаил Александрович пригласил митрополита для рассмотрения дел епископа Евфимия, с которым была многолетняя вражда тверских бояр. Ознакомившись с делами, митрополит Киприан «оставил от епископства» Евфимия, назначив на его место Арсения. Но Арсений отказался от высокого чина. Причиной тому была не только большая ответственность, но и буйный нрав тверских бояр. Отказ Арсения нисколько не смутил Киприана: значит, будет хорошим правителем, — рассуждал он, — считая себя недостойным, будет трудиться не покладая рук. А тут и бояре с челобитной настаивали о посвящении именно своего земляка, кроткого Арсения, на тверскую кафедру. И только под угрозой соборного запрещения

Арсений дал согласие на хиротонию. Арсений с самого начала решил про себя, что не будет лезть в мирские дела, но оставить их без внимания не мог. Так, проехав по тверской земле, первое, что пожелал сделать Арсений, это открыть школы, где бы учились грамоте и малолетние ребятишки, и взрослые люди. Невольно приходилось оказывать влияние и на политические дела Твери. Святитель примирил Тверского князя Иоанна Михайловича с братом его Кашинским князем Василием Михайловичем и даже обвенчал их детей. Арсению чудом удалось утихомирить буйную Тверь. Князья прислушивались к советам епископа, называя его «батюшко-владыко». Слово епископа очень высоко ценилось. Чтобы решиться на какой-нибудь важный шаг, они шли к старцу за благословением. Благодаря Арсению князь Михаил Александрович так проникся молитвами, что даже под конец жизни решил уйти от мирских дел и принял монашеский постриг. Остается удивляться, как удавалось хрупкому на вид старцу справляться с многочисленными делами. День святителя Арсения начинался рано утром и проходил в мирских заботах: он правил службы, решал строительные дела, усмирал вражду, успокаивал обиженных, раздавал милостыню, а вечером и ночью предавался молитве, укоряя себя, что так мало сделал доброго для людей.

Для Арсения все люди были равны, ко всем он спешил на помощь. Особо внимателен он был к различным разбойникам, душегубам и прочим греховникам. Так, когда под Старицей был пойман отпетый бандит по прозвищу «Репа», «батюшко-владыко» настоял на встрече с ним. Старец жалел атамана и его дружков, что душу свою они загубили и уготовили себе на том свете муки вечные. Разбойников начали жалеть и жители города, принося им подаяние. Так, на Твери пошел обычай жалеть татей. Несмотря на кротость, Арсений был человеком очень деятельным. При нем на тверской земле было построено много храмов, а также Жолтиков монастырь, где он жил в пещерке. Несмотря на занятость, он находил время и на творчество. Им было возобновлено прерванное московско-тверской войной 1375 года летописание, он был автором древнейшей редакции Киево-Печорского патерика, именуемого Арсеньевской редакцией. Уже при жизни «батюшко-владыко» готовил себя к загробной жизни. Он не только очищал свою душу от грехов, но и сам высек из белого камня, избивая руки в кровь, себе усыпальницу. И спустя века, к гробнице его, как к живому человеку, приходили люди со своими бедами, прося совета и заступничества. У его мощей люди получали ценный совет, утешение, духовную силу.

В 1547 году чудотворец Арсений был канонизирован, а спустя два столетия возле его гробницы произошло чудо. Это было во времена Смуты в 1606 году. В храм, где были мощи Арсения, ворвались поляки. Один из них сорвал покров над ракой святителя и положил его на своего коня. Конь взвился на дыбы и упал вместе со всадником, обоих нашли мертвыми, а покров вместе с нетленными мощами чудотворца дивным образом поднялся на крышу Успенского собора. Святитель Арсений жил шесть веков назад, но и сейчас память о нём жива: почти в каждом тверском храме есть иконы с изображением его лика, а на Борихином поле остались руины Желтикова монастыря и пруд, где когда-то проходило крещение.

Жизнь и благие дела святителя Арсения были для многих примером для подражания. В душе святого необыкновенным образом соединялись кротость и бурная деятельность, миролюбие и умение воздействовать на умоностроения прихожан, творческое начало и огромная работоспособность. Чудотворец Арсений был гордостью земли тверской, своего рода культовой личностью. Многие стремились быть похожими на него, а назвать своих сыновей его именем считалось за честь.

Ознакомившись с жизнью святителя Арсения, понимаешь, насколько он был близок крепостной Грушеньке. Его милосердие, желание предоставить свой кров страждущим было очень значимо для матери-одиночки накануне отмены крепостного права. Куда пойти, где приклонить голову бедным мытарям, где найти пропитание и средства к существованию? Этими вопросами были озабочены многие, если не сказать все крепостные, стоявшие на пороге новой жизни. А женщине без мужа, с ребенком на руках было гораздо труднее найти свое место под солнцем. Также близко падшей Грушеньке было и миролюбие святого, о чудотворных силах которого ходили настоящие легенды. В душе крепостной, как в бурлящем котле, варились очень сложные и противоречивые чувства: от безумной любви к своему возлюбленному до испепеляющей ненависти к человеку, ославившему её на всю округу. Кому как не ей хотелось покоя и умиротворения?!

Надо отметить, что личные качества Арсения странным образом были переданы роду, начало которому положил Клавдий. Как тут не вспомнить Киево-Печорский патерик в редакции Арсения и известный на весь мир роман Владимира Клавдиевича «Дерсу Узала»!

В. Б. Малакшанова,
Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова,
г. Хабаровск

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСА САХА (ЯКУТЫ)

Богатейшее культурное наследие этносов Севера, Сибири и Дальнего Востока становится все более востребованным не только этнографами, историками, но и специалистами разных областей науки и практики. Выявление, исследование и ввод в научный оборот неизученного материала являются важнейшими направлениями сохранения этнокультурного наследия. В условиях возрастания роли использования уникального этнографического материала перед музеями — хранилищами исторической памяти — встает актуальная задача изучения и каталогизации своих коллекций, их публикации и широкой популяризации. К сожалению, на сегодняшний день в экспозиции музея представлены только 3% экспонатов из всего числа богатейшего историко-культурного наследия, хранящегося в фондах музея. В настоящее время существуют различные способы получения широкого доступа к музейным артефактам — временные выставки, акции, публикации. Однако форма каталога — научной публикации рассчитана на длительную перспективу использования и имеет потенциал дальнейшего развития (подготовка экспозиции и тематических выставок, издание рекламной продукции, научных статей и пр.). Издание каталога позволит обеспечить широкий доступ к памятникам традиционной культуры.

Хабаровским краевым музеем им. Н.И. Гродекова в 2017 г. был выпущен в свет очередной, из серии этнографических каталогов, каталог якутской коллекции, одной из самых старейших коллекций этнографических предметов в фондах музея. В настоящее время она насчитывает 149 единиц хранения: предметов — 132 ед. хр., фотографий — 17 ед. хр. Основной период формирования якутской коллекции датируется концом XIX — началом XX века. Представленные предметы позволяют охарактеризовать хозяйственную деятельность и домашний быт группы якутов, занимавшихся оленеводством и ведших кочевой образ жизни на приграничной территории современных Республики Саха (Якутия), Хабаровского и Приморского краев. Начало комплектования этой коллекции было положено П.П. Шимкевичем (1862–1920) в 1894 г. Во время своей служебной командировки по Амурской и Приморской областям Приамурского генерал-губернаторства Петр Поликарпович посетил «все стойбы бродячих инородцев» — всего около 400 семей якутов и эвенков. По поручению Приамурского отдела ИРГО он приобрел предметы этнографической и зоологической коллекции: в том числе 6 негидальских, 95 якутских и эвенкийских предметов быта и частей костюмов. Часть коллекции была приобретена благодаря средствам, выделенным якутами Егором Чудиновым (193 руб.) и Н. Катаевым (75 руб.). В данной коллекции присутствовали уникальные якутские предметы: костюмы (мужской и два женских) с металлическими украшениями; деревянный погребец для перевозки фарфоровых чашек; седла вьючные и верховые для взрослых и детей; кожаные сумки и прочие приспособления [3, с. 122–123]. К сожалению, часть документов по этим поступлениям отсутствует, и точное количество предметов нам неизвестно, поэтому время поступления многих предметов зафиксировано как «до 1914 г».

Вполне возможно, эти предметы относятся к сборам П. П. Шимкевича в экспедициях по Приамурью в 1894–1895 гг. В архиве музея сохранился только фрагмент списка из этих сборов, в котором указаны всего 68 предметов общей стоимостью 200 рублей. В документе перечислены следующие предметы: седла вьючные и для езды на олене (взрослый и детский), сумки для перевозки тяжестей на олене, различные атрибуты оленьей упряжи (узды, поводок, побрякушки, надеваемые на шею оленя-вожака), утварь (берестяные корзинки, котомка, сумка, чаша-поднос), орудия труда и промысла (ножи, ножны, топор, луки, стрела, кайла-мотыга, скребки для выделки кож, лыжи, колотушки для выделки кожи и крапивы), предметы домашнего быта (коврик из шкур с оленьих голов, сумки для кожи, нитки из жил оленя, шкуры, камусы, трут, якутский гребень, люлька ночная, хвост для отмахивания от гнуса). В силу ряда обстоятельств не все предметы из данного списка сохранились до нашего времени.

На сегодняшний день предметы из сборов П. П. Шимкевича являются одними из самых ценных и уникальных вещественных материалов в фондах Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова. Одним из интереснейших экспонатов является кафтан свадебный бруктаах сон XIX века, сшитый из выделанной шкуры (ровдуги) сохотого по традиционным лекалам с суконными красными и черными вставками. Особое место в коллекции занимают ювелирные украшения якутской невесты, датированные второй половиной XIX века: серебряный диск на макушке меховой шапки, гривна, длинные нагрудные украшения, уникальный начельник с наспинным украшением, пояс из кожи с посеребренными пластинами, браслеты, крест нагрудный. Все эти предметы выполняют защитную функцию от сил злых духов и дурных влияний. В экспедициях П. П. Шимкевича также были сделаны этнографические фотографии, часть была передана в Хабаровский краеведческий музей в 1897 г., в том числе 17 фотографий якутов бассейна р. Буреи [3, с. 124]. Несколько сохранившихся снимков вошли в данный каталог вместе с изображениями якутов с Охотского побережья. Последние были сделаны в ходе Охотско-Камчатской экспедиции в 1896–1898 гг., возглавляемой горным инженером, ученым-геологом К. И. Богдановичем (1864–1947). На них изображены различные стороны жизни якутского этноса: типы людей, предметы быта, моменты хозяйственной жизни, жилища, национальные костюмы. О других поступлениях предметов якутской культуры в фонды в конце XIX — начале XX века нет сведений.

В 1914 г. директором музея В. К. Арсеньевым (1872–1930) была проведена свертка и систематизация этнографических фондов музея и составлены списки по каждому народу в отдельности, в том числе и по якутской коллекции. Список сформирован по разделам: инструменты, конное снаряжение, кухонная утварь, охота и рыболовство, домашняя утварь и берестяные изделия, оленьее снаряжение, одежда. Общее количество единиц хранения — 184, 97 наименований предметов. Разделы сопровождаются небольшими замечаниями и справками. В частности, Владимир Клавдиевич обратил внимание на взаимовлияние разных культур: «Коренной тип якута, тюркского племени, с горбатым носом, напоминающим тип северных индейцев. Общение с тунгусами и русскими изменило их тип. Тунгусское влияние выразилось в низком росте, скуластом лице и косом прорезе глаз. Одет в костюм из лосиной замши: сверху охотничья принадлежность». Также о тесных взаимосвязях эвенков и якутов свидетельствует наличие предметов, характерных эвенкийской оленеводческой культуре в якутской коллекции. Например, использование колыбели тунгусского типа или бытование вьючных сум для перевозки посуды бюрюнчон (якут.) на берестяной основе, обтянутых ровдугой. Как отмечают исследователи (В. Н. Васильев, В. И. Дьяченко и др.), адаптация носителей традиционной якутской культуры к усло-

виям горной тайги привела к тому, что большинство якутов перешли к эвенкийскому типу хозяйствования. В свою очередь эвенки восприняли от якутов многие элементы культуры, такие, как езда на нартах, запахивающаяся одежда, приготовление молочных продуктов из оленьего молока и др. [2, с. 154]. Многие эвенки в конце XIX — начале XX века говорили на якутском языке и перенимали якутские верования [1, с. 13].

При систематизации коллекций В.К. Арсеньев записывал наименования большинства предметов на русском и якутском языках. С этой точки зрения, интересным представляется его описание традиционной одежды: «якутка поверх рубахи (холодная) носит «соно», зимой меховое, летом суконное или из другой материи. «Соно» украшается цветными вставками и металлическими пластинками. Иногда носят сангах (доху). На голове высокая меховая шапка с бляхой (тусахта). Якутка любит металлические украшения, состоящие из ошейника, креста (сюрах), серег, браслета (бегек), нагрудника, который опускается и на спину, пояса также с металлическими бляхами. Украшения преимущественно делаются из серебра». В представленном списке В.К. Арсеньев упоминает кубок чорон для кумыса, подаренный в 1894 г. инженером Красильниковым.

К 1926 г. вся якутская коллекция насчитывала 110 наименований общей численностью 131 единица хранения. В брошюре о Хабаровском музее 1928 г. указано о наличии в фондах 187 предметов якутской культуры. Дальнейшее комплектование этой коллекции носит эпизодический, случайный характер. В 1970 г. писателем, охотоведом В.П. Сысоевым был передан маленький сосуд чорон для кумыса. В 1980-е гг. в коллекцию попала якутская игрушка, переданная в фонды при содействии сотрудника Хабаровского отделения Художественного фонда Союза художников Российской Федерации К.П. Белобородовой, которая занималась выявлением лучших народных мастеров по национальным районам края, сбором изделий, с их дальнейшим экспонированием на выставках и передачей в музей.

В 2004 г. коллекция пополнилась предметами культа и домашней утвари, приобретенными на выставке научным сотрудником отдела этнографии Г.Т. Титоровой у авторов изделий С.Д. Борисовой, А.Ф. Оконецниковой. Музейные собрания содержат огромный информационный пласт материала по местной этнографии, истории. Коллекции каждого музея разнообразны и отражают особенности историко-этнографического развития региона, этническую и социальную специфику ее заселения. Создание каталога якутской коллекции из собраний Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова позволило ввести в научный оборот новый источник для последующей научной работы по исследованию быта и характерных черт отдельных этнических групп эвенков, якутов. В регионе сложилась особая этническая ситуация, когда обе группы — и якутская, и эвенкийская, — оказывая друг на друга сильное влияние, тем не менее, стойко сохраняли осознание своей национальной принадлежности, единство языка и самосознание [2, с. 154]. Кроме того, издание способствует сохранению и развитию этнической культуры, возрождению утраченных ее форм и позволит использовать музейный предмет в качестве образовательного ресурса.

1. Васильев В. Н. Предварительный отчет о работах среди алдано-майских и аяно-охотских тунгусов в 1926–1928 гг. — Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1930. Вып. 36. — 88 с.
2. Дьяченко В. И., Ермолова Н. В. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока XVII—XX вв. — СПб.: Наука, 1994. — 160 с.
3. Мельникова Т. В. Чиновник особых поручений // Записки Гродековского музея. Вып. 2: История России на дальневосточных рубежах. — Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2001. — С. 118–129.

**И. Г. Марков,
А. Л. Шепова,
ГБУК «Сахалинский областной
краеведческий музей»,
г. Южно-Сахалинск**

КЕРАМИКА САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ: ПОИСК И НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Первые упоминания о древней керамике Сахалина отражены в отчёте инженера-геолога Иннокентия Александровича Лопатина, проводившего в 1867–1868 годах геологические и географические исследования на острове по заданию Российской академии наук. В процессе своих изысканий И. А. Лопатин обнаружил следы древних жилищ, каменные орудия и фрагменты керамики в районе озера Тарайка (Невское), у айнского селения Найпучи и в устье реки Онеай (Найба). Керамика, по описанию исследователя, была грубой формы и слабо обожжена, поверхность черепков орнаментирована. Из бесед с айнами И. А. Лопатин выяснил, что обнаруженные предметы аборигены острова приписывали «тойзи», мифическим предшественникам айнов на Сахалине [23].

Керамику Курильских островов одним из первых описал японский географ Мураками Симанодзё. В 1797 году он по поручению японского правительства совершил поездку на Хоккайдо и Курильские острова с целью изучения обычаев и традиций коренного населения. Результаты исследований изложены в его труде «Записки об Эдзо», написанном в 1799 году. В работе представлены зарисовки каменных орудий и керамики с острова Кунашир, позднее отнесённые учёными к периоду Дзёмон [31, с. 5].

К концу XIX века интерес к древней истории островного региона стал обретать материальную форму. Усилиями интеллигенции, каторжан и ссыльнопоселенцев были собраны первые археологические коллекции, формировались фонды новых музеев, открывались выставки и экспозиции. В то же время из-за слабого развития российской археологической науки на Дальнем Востоке изучение керамики на этом этапе ограничивалось лишь сбором материала и его первичным описанием.

Одним из первых собирателей предметов древности на острове был доктор Пётр Иванович Супруненко, организовавший в 80-е годы XIX века первый сахалинский частный музей в селе Корсаковка. Среди экспонатов, представленных в музее, интерес вызывали «...два образца глиняной посуды, приписываемой туземцами вымершему народу, которому они дают название Тончи» [26, с. 146]. В 1890 году большинство предметов музея были вывезены на материк для экспонирования на IV Международном тюремном конгрессе, по окончании которого растворились в фондах музеев Санкт-Петербурга [29, с. 10]. В 1895 году был организован первый постоянный публичный музей в посту

Александровском. В одном из его отделов — естественно-историческом — хранились фрагменты керамики и «...сосуд каменного века из раскопок бывших хижин Тончей...», обнаруженные Л.Я. Штернбергом в 1894 году на северо-западном побережье Сахалина [25, с. 76, 88].

По итогам Русско-японской войны Россия уступила южный Сахалин Японии. Начался новый этап в изучении древнего прошлого Сахалина. На протяжении полувека японские исследователи Цубои Сёгоро, Коганэи Ёсикиё, Рюдзо Тории, Коно Хиромити, Ито Нобуо, Кимура Синроку, Баба Осаму, Ока Масао и многие другие тщательно изучали историю, культуру и традиции Сахалино-Курильского региона. На этом этапе широкое распространение получил типологический подход в описании памятников археологии, основанный на анализе керамического материала. Первые шаги в этом направлении сделал профессор Коно Хиромити, введя в научный оборот понятие «керамика охотского типа». Характерной чертой этой керамики являлось отсутствие в орнаментальных мотивах веревочного оттиска. Ученый выделил четыре группы охотской керамики: с гребенчатым и фигурным штампом; с резным орнаментом и насечками; с волнообразным лепным валиком; с лапшевидными лепными полосками [17, с. 58].

Особый интерес представляют труды талантливого археолога из университета Тохоку Ито Нобуо. За два года (1933 и 1934), проведённых в экспедициях на Сахалине, учёный собрал многочисленные археологические материалы и сведения из литературных и архивных источников. На их основе Ито Нобуо разработал типологическую схему археологической керамики Сахалина, выделив 9 последовательно сменяющих друг друга типов: сони, тобучи, сусуя, товада, эноура В, эноура А, минами кайдзука, хигаси тарайка и найдзи [27, с. 116]. В настоящее время классификация профессора Ито Нобуо, уточнённая и усовершенствованная современными исследователями, используется при культурной атрибуции керамического материала островного региона.

Исследования на Курильских островах продолжались параллельно с изучением древнего прошлого южной части острова Сахалин. Значительный вклад в изучение древней истории «тысячи островов» внёс один из выдающихся археологов Японии Баба Осаму. В период с 1930 по 1938 год под его руководством были проведены археологические разведки и раскопки на островах Шикотан, Итуруп, Парамушир и Шумшу. Обнаруженные в ходе исследований предметы древности Баба Осаму отнёс к кругу культур дзёмон, охотской культуры и айнской культуре найдзи [27, с. 44-51, 123-125]. При описании керамики охотской культуры северной части Курильских островов учёный использовал термин «керамика хоппо» («северная керамика») [17, с. 58].

Сведений об археологических исследованиях северного Сахалина с 1905 по 1945 год сохранилось крайне мало. Известно, что в 1930-е годы раскопки в долине реки Тымь проводили краеведы Аюян и Медведев. Результаты их исследований легли в основу статьи «Ногликовская неолитическая стоянка (Восточный Сахалин)», опубликованной в первом номере журнала «Советская археология» в 1936 году. Примечательным в данной работе является описание керамики, обнаруженной краеведами в районе села Ноглики. Они охарактеризовали ее так: «Сосуды изготовлены из глины с примесью мелкого щебня. Дно у сосудов плоское. По верхнему краю большинство сосудов орнаментировано. Диаметр сосудов различен — от 50 см и больше. Толщина краев — 4-25 мм. Орнамент вдавленный, шипковый, накладной. Вдавленный орнамент нанесен заостренной палочкой или специально обточенным камнем и состоит из пересекающихся линий и крутов. Налепной орнамент выполнен чрезвычайно тщательно. Сосуды с налепным орнаментом имеют слабый обжиг, на них редко встречаются следы

нагара» [21, с. 274]. Такой скрупулёзный подход в описании демонстрирует высокий для любителей уровень развития методики атрибуции археологического инвентаря в рассматриваемый период [3, с. 24].

Целенаправленные археологические исследования Сахалина и Курильских островов в советский период были организованы в 1950-е годы Ленинградским отделением Института археологии АН СССР. В период с 1954 по 1957 год экспедиционный отряд под руководством Риммы Васильевны Чубаровой (Козыревой) занимался археологическими разведками в северных и южных районах Сахалина, а также на островах Курильской гряды. Результаты проделанной работы легли в основу монографии Р.В. Козыревой «Древний Сахалин» [22], в которой морфология и орнаментация глиняных сосудов были использованы как один из критериев при сравнении археологических памятников севера и юга Сахалина. Результатом сопоставления стал вывод о существовании локального варианта неолитической культуры на севере острова, а также наличии гончарных традиций, происходящих с берегов Амура и северных островов Японского архипелага [22; 43].

Изучение древнего прошлого Сахалина и Курильских островов стало одним из основных направлений деятельности островных научных заведений, созданных в послевоенные годы. С конца 1950-х годов островной археологией активно занималась Валентина Васильевна Вязовская — сотрудница Сахалинского областного краеведческого музея. Будучи профессиональным археологом, она организовала ряд археологических экспедиций, одна из которых завершилась в 1965 году открытием микропластинчатого комплекса на стоянке Имчин I. Позднее это открытие позволило ученым сдвинуть хронологическую границу заселения острова к рубежу 10–12 тысяч лет назад [6]. Помимо научно-исследовательской работы В.В. Вязовская занималась поиском и постановкой на государственный учет археологических коллекций, собранных японскими исследователями в период с 1905 по 1930 год [42].

В 1960–80-е годы происходит становление выдающегося сахалинского археолога Валерия Александровича Голубева, преподавателя Южно-Сахалинского государственного педагогического института, автора многочисленных исследований по доисторическому прошлому островного края [8; 9; 10; 11 и др.]. Проведённые под его руководством изыскания на островах Курильской гряды в период с 1962 по 1976 год, в особенности археологические раскопки древних жилищ на поселениях Алёхино и Серноводск острова Кунашир, позволили ученому выделить южно-курильскую неолитическую культуру (конец II—I тыс. до н. э.) [8]. В ходе исследований были обнаружены многочисленные фрагменты керамической посуды, отнесённые В.А. Голубевым к таким древним культурам, как дзёмон, охотская и найдзи [12]. В 1976 году он совместно с Р.С. Васильевским опубликовал монографию «Древние поселения Сахалина. Сусуйская стоянка» [7] по материалам собственных археологических исследований. Достоинствами работы являются подробное описание керамики памятников охотской культуры, её систематизация и сопоставление с гончарными традициями Приморья, Приамурья и о. Хоккайдо. В это же время начинает свою научную карьеру археолог Валерий Орионович Шубин, автор научных публикаций по археологии Сахалина и Курильских островов [35; 38; 39 и др.], заведующий археологической лабораторией Сахалинского областного краеведческого музея. Под его руководством были изучены следующие археологические памятники острова Сахалин: Такое 2, Имчин 2, Имчин 12, Озерск 1, Садовники 2 и др., а также ряд памятников Курильских островов. На основе анализа керамического материала учёному удалось обосновать концепцию локального варианта охотской культуры и выделить три ее этапа: сусуйский, озерский и поздний. В.О. Шубин отмечал,

что «сахалинские сосуды сусуйского типа, найденные повсеместно в нижних горизонтах охотских памятников, оригинальны и, по-видимому, не связаны ни с каким-либо известным центром» [36, с. 32].

Помимо этого, автор использовал орнаментальные мотивы керамических изделий как один из маркеров при выделении хронологических и территориальных этапов охотской культуры [36; 37].

К концу XX века на Сахалине формируется команда из археологов и краеведов, связавших свою жизнь с изучением древней истории островного региона. В их числе: Александр Александрович Василевский, Ольга Алексеевна Шубина, Сергей Вячеславович Горбунов, Михаил Михайлович Прокофьев, Игорь Анатольевич Самарин, Владимир Дмитриевич Федорчук и многие другие. На счету этих специалистов не один десяток открытых и изученных памятников палеолита, неолита, палеометалла и Средневековья [1; 28; 30; 41 и др.]. Археологическая керамика на этом этапе рассматривается уже не только как вспомогательный исторический источник, её изучение формирует самостоятельное направление археологической науки.

Среди научных публикаций и трудов, вышедших за это время, примечательна брошюра «Керамика культуры сацумон и ее находки на Сахалине и Курильских островах» [28], обобщающая исследования японских и советских археологов. В работе представлены не опубликованные ранее материалы по керамике культуры сацумон, ее периодизации и происхождению. В 1998 году в свет вышла статья В.Д. Федорчука «Керамика поселений с раковинными кучами северного побережья залива Терпения». Автор, проанализировав материалы собственных разведок 1985–1995 годов, выделил 4 этапа гончарной традиции в районе залива Терпения, дифференцируя их по орнаменту и способу его нанесения [33]. Технологические аспекты древнего гончарства северного Сахалина отражены в исследованиях И.С. Жущиховской и О.А. Шубиной [18;19]. Анализ формовойной массы, морфологии и орнаментации керамики поселений Имчин 2 и Имчин 12 позволил учёным подтвердить гипотезу о материковом происхождении имчинской культуры и выделить два ее этапа. Стоит отметить, что акцент на керамический материал, как один из критериев выделения археологических культур, становится преобладающей тенденцией для большинства исследователей Сахалинской области в рассматриваемый период [13; 14; 32; 40].

Современный этап развития археологической науки островного региона, с одной стороны, связан с критическим подходом в оценке достижений и выводов археологов-предшественников, а с другой — характеризуется генерацией новых идей и концепций древнего прошлого Сахалина и Курильских островов. Так, в начале XXI века была окончательно развенчана концепция «охотской культуры» [2] и сформирована идея «подвижной контактной зоны» на островах [4], предложен новый подход в периодизации эпохи раннего неолита Сахалина [15], выделены керамические комплексы и археологические культуры: набильская, пильтунская и кашкалебагшская [5; 16].

Вопросам археологии Сахалино-Курильского региона посвящен ряд монографических работ, характеризующих опорные памятники палеолита, неолита, палеометалла и средневековья [3; 15; 31 и др.]. Достоинством большинства исследований является применение междисциплинарного подхода при изучении керамики. Данные, полученные естественно-научными методами, позволяют учёным определять возраст находок, тип глины, виды органических и минеральных примесей, температуру обжига и многое другое. Анализ аспектов гончарной традиции не только находит применение при

типологическом сравнении, но и позволяет рассматривать проблему системно, формируя общие представления об окружающей среде, уровне технологического развития, образе жизни и социальном устройстве первобытных обществ Сахалина и Курильских островов.

Системный подход к изучению археологической керамики отражен в монографии И.С. Жущиховской «Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России [20]. Автор рассматривает формирование и развитие древних гончарных традиций региона как механизм адаптации человеческого общества к условиям существования — природным и социальным. По мнению исследователя, решающими факторами для формирования керамических комплексов Сахалина являлись климат, сырьевые ресурсы и культурное взаимодействие. В своей работе И.С. Жущиховская, комплексно анализируя керамическое сырье, этапы производства и взаимодействие с другими отраслями деятельности, подводит нас к выводу о том, что движущей силой развития островного гончарства является взаимодействие первобытных коллективов путем ассимиляции, сосуществования или уничтожения одного другим.

К проблеме методики описания археологической керамики Сахалина обращается В.Д. Федорчук. В статье «Орнаментация керамики» исследователь предлагает схему наиболее распространенных типов орнамента в качестве пособия для научных сотрудников музеев, обрабатывающих археологические коллекции [32]. Основой для построения схемы послужили авторские сборы керамики типа Западное 10, Островное 2, эноура, хигаси тарайка и минами кайдзука. Достоинством работы является подробное описание и изображение каждого из выделенных автором типов орнамента.

Экспериментальный подход в изучении островной керамики отражён в исследовании П.А. Пашенцева, характеризующем гончарную традицию набильской культуры [24]. Используя метод визуальной идентификации в сочетании с экспериментом, исследователь воссоздаёт технологию формовки сосудов набильской культуры, определяет температуру и условия обжига керамики. Опытным путем им установлено, что формовка сосудов производилась по емкостной программе (от венчика ко дну), а обжиг — в условиях открытого огня при температуре 600–800 °С. Выводы, полученные в ходе экспериментов, подтвердили перспективность экспериментального подхода в исследовании керамики.

История изучения керамики Сахалина и Курильских островов насчитывает более двухсот лет и движется в русле развития сахалинской археологической науки в целом. На протяжении столетий подход к изучению керамического материала менялся неоднократно, и историография дает возможность проследить основные его этапы. А.А. Василевский в своей работе «Каменный век острова Сахалин» выделяет три таких этапа: ознакомительный (этап сбора и накопления фактического материала), концептуальный и этап информационной археологии. Применительно к изучению керамики можно определить ознакомительный этап (1850–1920-е гг.) как период, характеризующийся бессистемным сбором керамики и ее первичным описанием; классификационный (типологический) (1920–1970-е гг.) этап связать с накоплением керамического материала, его анализом и созданием типологических схем; на концептуальном этапе (1980–1990-е гг.) керамика только рассматривается уже не как вспомогательный исторический источник, а становится самостоятельным направлением исследования в археологической науке. На информационном этапе развития науки (с 1990 г. по настоящее время) в изучение керамики активно включаются естественно-научные методы, а также эксперимент.

Оценивая труды археологов-предшественников, необходимо отметить обширные объемы проделанной работы, огромное количество исследуемого материала и высокое качество его анализа. Однако ряд моментов, связанных с систематизацией и методикой атрибуции археологической керамики островного региона, остался без должного внимания со стороны исследователей. В частности, перспективным можно назвать развитие междисциплинарного подхода к изучению керамического материала, а также комплексный подход в рамках сугубо археологического исследования, который позволит реконструировать не только технологические, но и социальные аспекты производства в древности. Всё это — дело будущих исследователей.

1. Василевский А. А. Итоги третьего сезона раскопок поселения Стародубское-3 в 1990 году // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск. 1991. № 2. С. 62–68.
2. Василевский А. А. Парадокс Охотской культуры — прощание с великой легендой // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск. 2005. № 2. С. 3–17.
3. Василевский А. А., Каменный век острова Сахалин. — Южно-Сахалинск: Сахалинское книж. изд-во, 2008. — 412 с.
4. Василевский А. А. О средневековых Сахалина, Хоккайдо и Курильских островов (600–1600 гг. н. э.) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2013. Вып. 10. С. 118–133.
5. Василевский А. А., Грищенко В. А. Сахалин и Курильские острова в эпоху палеометалла (I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2012. Вып. 9. С. 29–41.
6. Васильевский П. С. Имчинский бескерамический комплекс на о. Сахалине // Известия СО АН СССР. Серия Общ. наук. 1973. Вып. 2. № 6. С. 127–133.
7. Васильевский П. С., Голубев В. А. Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка). — Новосибирск: Наука, 1976. — 272 с.
8. Голубев В. А. Археология Курильских островов: автореф. дис. ...канд. ист. наук. — Новосибирск, 1972. — 24 с.
9. Голубев В. А. К вопросу о первоначальном заселении острова Сахалин // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки отв. ред. П. С. Василевский — Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1983. — С. 41–49.
10. Голубев В. А. К вопросу о перспективах изучения Адо-тымовской стоянки // Исследования по археологии Сахалина и Курильских островов. — Южно-Сахалинск: Со ВООПИиК, 1989. С. 29–30
11. Голубев В. А. Совместные археологические исследования в Японии и на Сахалине (1990–1993 гг.) // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск. 1994. № 4. С. 190–199.
12. Голубев В. А. Зов усадебных очагов. — Нижний Новгород: Изд-во Автохтон, 2004. — 232 с.
13. Голубев В. А., Жутиховская И. С. Неолитическая культура южного Сахалина в свете анализа керамических комплексов // Вопросы Археологии Дальнего Востока СССР. — Владивосток, 1987. — С. 25–33.
14. Горбунов С. В. Горнозаводск-2 — памятник южносахалинской неолитической культуры: краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск: 1991. № 2. С. 111–116.
15. Грищенко В. А. Ранний неолит острова Сахалин. — Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011. — 184 с.
16. Грищенко В. А. Кашикабагская культура финального неолита острова Сахалин (К вопросу о существовании традиций эпох камня и палеометалла в I тыс. до н.э. в островном мире Дальнего Востока) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. — Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2014/2015. Вып. 11/12. С. 117–131.
17. Дерюгин В. А. К вопросу определения понятия «охотская культура» // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск. 2008. № 1(33). С. 58–66.
18. Жутиховская И. С. Неолитическая керамика с органической примесью на памятниках юга Дальнего Востока // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск. 1991. № 2. — С. 150–155.

19. Жутиховская И. С., Шубина О. А. К вопросу о периодизации имчинской неолитической культуры Северного Сахалина (по материалам керамики) // Проблемы краеведения: Арсеньевские чтения: научн.-практ. конф. 17–30.03.1989. Ч. 1: Историческое краеведение. Уссурийск: Изд-во Усс. ППИ. 1989. С. 21–23.
20. Жутиховская И. С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. — Владивосток: ДВО РАН, 2004. — 312 с.
21. Золотарев А. М. Ногликовская неолитическая стоянка (Восточный Сахалин) // Советская археология. — М., Л.: Изд-во АН СССР. 1936. № 1. С. 273–274.
22. Козырева Р. В. Древний Сахалин. — Л.: Наука, 1967. — 120 с.
23. Лопатин И. А. Некоторые сведения о 49 урочищах в Амурском крае // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск. 1994. № 1. С. 140–142.
24. Пашенцев П. А. Керамика набильского типа поселения Чайво-1 (по материалам археологических раскопок 2004 г.) // Сахалин и Курильские острова в истории России. — Южно-Сахалинск, 2012. С. 174–180.
25. Первый каталог сахалинского музея // Вестник сахалинского музея. — Южно-Сахалинск. 1996. № 3. С. 75–94.
26. Полевой Б. П. Сахалинская коллекция П. И. Супруненко // Вестник сахалинского музея. — Южно-Сахалинск. 1995. № 2. С. 144–155.
27. Прокофьев М. М. Японские ученые — исследователи Южного Сахалина и Курильских островов (конец XIX–первая половина XX вв.): библиографические очерки. — Южно-Сахалинск, 2006. — 144 с.
28. Прокофьев М. М., Дерюгин В. А., Горбунов С. В. Керамика культуры сацумон и её находки на Сахалине и Курильских островах. — Южно-Сахалинск, 1990. — 93 с.
29. Прокофьев М. М., Самарин И. А., Щеглов В. В. Сахалинский музей. 120 лет. От открытия до наших дней (1896–2016 гг.): фотоальбом. — Южно-Сахалинск, 2016. — 358 с.
30. Самарин И. А. Археологические разведки в Корсаковском районе в 1990 году // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск. 1991. № 2. С. 102–110.
31. Самарин И. А., Шубина О. А. Памятники истории и культуры Южно-Курильского района. — Южно-Сахалинск: Изд-во ГУП «Сахалинская областная типография», 2013. — 160 с.
32. Ткаченко С. В. Памятник охотской культуры у мыса Столбчатый на о. Кунашир // Вестник сахалинского музея. — Южно-Сахалинск. 1996. № 3. С. 244–247.
33. Федорчук В. Д. Керамика поселений с раковинными кучами северного побережья залива Терпения // Вестник сахалинского музея. — Южно-Сахалинск. 1998. № 5. С. 143–162.
34. Федорчук В. Д. Орнаментация керамики // Вестник сахалинского музея. — Южно-Сахалинск. 2002. № 9. С. 94–106.
35. Шубин В. О. Новые неолитические памятники на Северном Сахалине // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. — Новосибирск, 1975. С. 186–189.
36. Шубин В. О. Локальный вариант охотской культуры на о. Сахалине: автореф. дис. ...канд. ист. наук. — Новосибирск, 1977. — 21 с.
37. Шубин В. О. К вопросу о происхождении и развитии охотской культуры на Южном Сахалине // Исследования по археологии Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1977. С. 15–20.
38. Шубин В. О. Древнейшее прошлое Сахалинской области: путеводитель по передвижной выставке. — Южно-Сахалинск, 1984. — 4 с.
39. Шубин В. О. История поселения Российско-Американской компании: краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск. 1992. № 1. С. 142–144.
40. Шубина О. А. Археологические исследования поселения Большая речка 7 в Охинском районе Сахалинской области: Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск. 1991. № 2. С. 30–61.
41. Шубина О. А. Типология каменного инвентаря неолитического поселения Имчин 12 на Северном Сахалине: Препринт. — Южно-Сахалинск: СОКМ, 1986. — 44 с.
42. Черпакова К. Я. Будем помнить (К 70-летию В. В. Вязовской) // Вестник сахалинского музея. — Южно-Сахалинск. 1995. № 1. С. 24–30.
43. Чубарова Р. В. Археологические памятники на севере Сахалина (По материалам разведок 1957 г.) // Материалы и исследования по археологии СССР. — М.; Л. 1960. № 86. Т. 1. С. 162–182.

Е. В. Новомодный,
Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова,
г. Хабаровск

СОТРУДНИКИ И СПОДВИЖНИКИ В. К. АРСЕНЬЕВА В ПЕРИОД ЕГО РАБОТЫ ДИРЕКТОРОМ ГРОДЕКОВСКОГО (ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО) МУЗЕЯ (1910–1919, 1924–1926 гг.)

Замечательный дальневосточный путешественник-исследователь, самобытный учёный и писатель, Владимир Клавдиевич Арсеньев в течение почти одиннадцати лет жизни в Хабаровске занимал должность директора музея, личным участием решал производственные задачи этого учреждения, пополнял и систематизировал фондовые коллекции. Без сомнения, ему многое удалось на этом поприще, особенно что касается этнографии и археологии, но известно, что в других областях естествознания он всегда предпочитал опираться на знания людей более сведущих, узких специалистов. Первые представления о работе музейщиков: препараторов, консерваторов и экспозиционеров В. К. Арсеньев приобрёл во Владивостоке, в Музее Общества изучения Амурского края (ОИАК). Активные деятели этого общества — врач, этнограф, метеоролог Николай Васильевич Кирилов (1860–1921) и лесничий, ботаник Николай Александрович Пальчевский (1862–1909) были первыми наставниками В. К. Арсеньева в сборе естественно-научных коллекций. Безусловно также, что консерватор музея ОИАК Александр Иванович Черский (1879–1921) тоже оказал большое влияние, помог придать целенаправленность исследованиям, сведя его с лучшими в стране специалистами Зоологического музея Академии наук (СПб.). В этой статье мы вкратце обобщаем собранные нами данные о людях, которые рука об руку трудились с Владимиром Арсеньевым на благо музея.

Региональный по статусу, общественный по форме организации Гродековский музей Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (ПО ИРГО) изначально создавался по типу комплексного естественно-исторического (современным языком «естественно-научного»). В те времена губернский музей рассматривался как научно-исследовательский центр, направляющий деятельность входящих в Общество натуралистов. Выдающийся отечественный орнитолог М. А. Мензбир считал, что «в него должны стекаться коллекции, в нём должны определять эти коллекции, давать указания относительно того, на что следует обратить особенное внимание при изучении тех или других естественных произведений страны, устраивать объяснительные чтения и публичные лекции, учить, как собирать коллекции, сушить растения для гербария и пр. и пр.» [6]. А результаты этих научных занятий обязательно должны быть опубликованы, изданы.

Обобщая свой опыт, директор Зоологического музея, академик А.А. Штраух писал, что «средства, при помощи которых производилось и поныне производится пополнение и обогащение коллекций, следующие: во 1) покупка, во 2) обмен; в 3) экспедиции и путешествия, снаряженные Академией [наук] или поддерживаемые ею, и наконец в 4) пожертвования» [13]. При создании музея практически только последний вариант первоначального обзаведения был доступен членам ПО ИРГО, потому что на другие были бы нужны большие финансовые средства и время. Но в Хабаровске чудесным образом нужные материалы нашлись, и воодушевленные идеей люди всех сословий в короткий срок принесли и отдали множество разрозненных предметов и даже целые домашние коллекции, а первые лица губернии показали в этом деле личный пример. Правда, довольно скоро ручеек почти иссяк: на благотворительности долго не продержишься, нужны были целенаправленно работающие оплачиваемые сотрудники или же бесребреники-энтузиасты, ведь наряду с памятниками материальной культуры в подобных музеях всегда представлены также «изделия» самой природы. И если первые чаще всего поступают в более или менее кондиционном для хранения и экспонирования виде, то вторые, как правило, для этого сначала нужно подготовить: препарировать, научно обработать (определить название, законсервировать и т. п.) и даже воссоздать прижизненный облик — как, например, в таксидермической скульптуре (чучеле). Всё это составляет очень дорогой и длительный процесс, который невозможен без штатной должности препаратора [8]. К сожалению, в хабаровском музее, в отличие от владивостокского, где временами их было трое (финансы позволяли), эта должность до революции 1917 года чаще всего была занята случайными людьми, самоучками. Поэтому исторически сложилось, что «во Владивостоке основной ведущей специальностью была зоология, а в Хабаровске — этнография, в соответствии с чем при этих музеях были собраны значительные коллекции по данным разделам» [1]. В.К. Арсеньев был отличным охотником. Самостоятельно добыть материал, препарировать, законсервировать его он умел хорошо, но из-за пеших походов ему были недоступны массовые, систематические сборы. Бралась лишь пробы: зоологические, ботанические, минералогические. Зато этнографические уникамы собирались в первую очередь. До него директора в хабаровском Музее ПО ИРГО менялись каждый год, а то и чаще. Оставили добрую память о себе первый директор, медик-администратор Василий Николаевич Радаков (1836–1910) и полковник, инженер-артиллерист Симеон Николаевич Ванков (1858–1937). Как ни странно, никак не проявил себя знаменитый ихтиолог Владимир Константинович Бражников (1870–1921), от Министерства земледелия заведовавший рыбными промыслами на Дальнем Востоке. Консерваторы и препараторы мелькали как в калейдоскопе: служебная квартира при музее привлекала, но выплата жалованья постоянно задерживалась, — своевременный сбор членских взносов всегда превращался в проблему, а дотации шли на содержание здания и отопление. Поэтому большинство чучел были дурно поставлены, нужен был профессиональный художник-таксидермист. Буквально уставшие от поисков кандидатур на роль директора Гродековского музея, — общественного лица губернаторства, — П.Ф. Унтербергер и Н.Л. Гондатти сознательно фактически освободили по месту основной службы от рутинных задач штаб-офицера для особых поручений В.К. Арсеньева, при этом дав ему очень приличное жалованье. И действительно, тот начал поднимать музей всеми доступными ему методами, — экспедициями, созданием корреспондентской сети через письма к знакомым и незнакомым людям с просьбой о бесплатной добыче и доставке экспонатов. Писать, писать и писать... Именно так родилась его известность.

Самым преданным сотрудником В.К. Арсеньева по музею в первый, дореволюционный период его директорства был ботаник-любитель Нума Августович Десулави (Numa-

Augustin Dessoulavy) (1860, Нёвшатель, Швейцария — 1933, Мукден, Маньчжурия). По профессии преподаватель французского языка, в 1901 году он переехал в Хабаровск из Орла для усиления педагогического коллектива кадетского корпуса. За свой счёт совершая путешествия, в орловский период жизни Нума Августович десять лет посвятил изучению альпийской флоры Главного Кавказского хребта, нашёл несколько новых для науки видов, которые были обработаны выдающимися российскими ботаниками Д.И. Литвиновым, В.Л. Комаровым, И.П. Бородиным, Н.И. Кузнецовым, Г.Г. фон Эттингеном. Было собрано более 6000 гербарных листов. В 1925 году он писал: «На Дальнем Востоке мною было собрано 3350 номеров [видов и разновидностей растений], в количестве более 20 000 гербарных листов. И здесь, как и на Кавказе, я работал самостоятельно и без посторонней поддержки, исключая годы 1907, 1908 и 1911, когда был участником экспедиций В.К. Арсеньева» [цит. по: 10].

С 1902 года Н.А. Десулави становится действительным членом ПО ИРГО, а в следующем году, как писали «Приамурские ведомости», начинает «систематизировать ботанические коллекции, которые до сих пор обретались в кипах на чердаке» (цит. по: Новомодный, 2008). Гербарных листов было несколько тысяч, поэтому минуло два года, пока на заседании Совета ПО ИРГО 14 апреля 1906 года не прозвучало сообщение: «Представлены составленные членом отдела Н.А. Десулави каталоги Гербария музея: один хронологический и один систематический. Постановили: благодарить Н.А. Десулави за его ценный труд» [там же]. Оба каталога сохранились до наших дней в научном архиве музея. Один озаглавлен как «Систематический каталог гербария Маньч[ж]урской Флористической Области по [системе] Englera et Prantl'a» и представляет собой амбарную книгу большого формата. На её страницах каллиграфическим почерком представлен список видов по-латыни, сгруппированных по семействам и родам, с указанием номеров экземпляров и папок, где находится данный образец. Судя по дополнениям к первоначальным записям, Н.А. Десулави продолжал работать с ним и все последующие годы пребывания в Хабаровске. Аналогично выглядит второй «Хронологический каталог гербария Хабаровского Музея», где растения расписаны в алфавитном порядке. Самоотверженная и кропотливая работа по обработке гербария навела на мысль уезжавшего за пределы края, а потому снимавшего с себя полномочия директора музея, учёного агронома Ф.Р. Дульского рекомендовать кандидатуру Десулави на эту должность, но тот отказался. Тем не менее, он единственный специалист, который участвовал в трёх экспедициях В.К. Арсеньева. В общей сложности он безвозмездно передал в хабаровский музей более 2,5 тысячи гербарных листов собственноручных дальневосточных сборов (по современному учёту, но, возможно, до нас дошло не всё), а также уникальное издание Российской академии наук, — «Гербарий Русской Флоры» (тираж всего 50 экземпляров!). В своей коллекторской деятельности Н.А. Десулави опирался на дружбу с профессиональными ботаниками-флористами: Николаем Ивановичем Кузнецовым (1864–1932) и Владимиром Леонтьевичем Комаровым (1869–1945). Им он безоговорочно доверял, да и для них тоже квалифицированный, разбирающийся в материале сборщик — важнейший фактор открытия ботанических новинок! В 1912 г. В.К. Арсеньев, не ведая о подковерной борьбе между систематиками, вовлек в работу со своими и десулавинскими сборами растений своего ровесника, ботаника и палеоботаника Ивана Владимировича Палибина (1872–1949). Как оказалось, наш герой, уроженец «альпийской» республики и любитель альпийской флоры Кавказа нашел-таки свой, неизвестный вид эдельвейса: «13 июля 1911 г. на берегу бухты при устье р. Тетюхе» (ныне Рудная). Но Палибин схитрил, сам не стал его описывать (ведь называть новые виды в честь себя запрещают правила Кодекса ботанической номенклатуры), а послал своему другу в Женеву, и в результате «родился» новый вид, — его имени *Leontopodium palibinianum* Beauverd. Навсегда увековечивший его фамилию. По-видимому Н.А. Де-

сулави обиделся, потому что его дальневосточных сборов за 1912–1916 гг. в музейном собрании нет. Вновь сотрудничать с музеем он стал уже в советское время.

Старожил Хабаровска, чиновник и общественный деятель С.С. Бабиков рассматривал Десулави в качестве одного из тех «китов», на которых держался до революции хабаровский музей. Он писал: «Не имея возможности отдаться всецело служению на пользу музея, В.К. Арсеньев наметил своим помощником препаратора художника В.В. Домбровского... и музей, приобретя для себя таких работников, как Арсеньев, Домбровский и Десулави, сделал крупный шаг вперед» [2]. Так как о штатном работнике Домбровском сегодня нам почти ничего не известно, приведём характеристику на него, составленную перед мобилизацией на войну. «Удостоверение. Дано Валенту Викентьевичу Домбровскому в том, что с 1909 года по октябрь 1914 года он состоял консерватором Гродековского музея ПО ИРГО. Высокая честность, трудолюбие, энергия, правильное ведение отчетности и знакомство с бухгалтерией являются его отличительными чертами. За время его пребывания в музее последний принял, как и подобает научному заведению, благоустроенный вид. Директор В. Арсеньев» [3]. Как известно, во многом потому, что денег для закупки новых экспонатов взять было неоткуда, В.К. Арсеньев все годы своего директорства настойчиво просил приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти об организации новых экспедиций, всегда дававших обильные поступления. Тот прямо не отказывал, но почему-то средств не отпускал. А потом Октябрьская революция и Гражданская война сами собой отменили взаимные обязательства. Но всё-таки в 1917–1919 годах, когда Арсеньев хоть на короткий срок возвращался в Хабаровск из поездок на Нижний Амур по инородческим делам из Олгон-Горинской и Камчатской экспедиций он неизменно принимал на себя заботы директора Гродековского музея — ведь в этом звании при любой власти он имел высокий социальный статус!

Период возрождения научной и общественной роли национализированного при новом общественном строе Хабаровского краевого музея в 1924–1929 годах чаще всего соотносят с возвращением В.К. Арсеньева. Верно, однако, в этом случае его роль уже принципиально другая, руководящая. Идеи организации музейного дела на местах были им выстраданы, что нашло отражение в программном заявлении, помещённом в информационном проспекте, выпущенном в 1928 году. «Хабаровский государственный краевой музей является базой всестороннего научного исследования Дальнего Востока. Своими коллекциями музеев представляет край от Забайкалья до Чукотки и Командорских островов, где он имеет своих добровольных сотрудников и корреспондентов. Для научных учреждений центра и отдельных частей Союза ССР (Академии наук с её учреждениями, работников университетов: Ленинградского, Киевского и прочих, различных музеев и т. д.) хабаровский музей является одним из основных средств научной связи с Дальним Востоком» (Хабаровский музей, 1928). В соответствии с этим В.К. Арсеньев приложил немало сил и энергии для укомплектования штата грамотными научными сотрудниками и обеспечения их материально.

Интересно, что ещё до его назначения в музей пришёл замечательный специалист-музейщик Семён Яковлевич Сизых (1890, Иркутск — после 1940, Хабаровск). Он был сыном владельца типографии. Ботаник по специальности, выпускник естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета, он со времён ученичества в свободное время работал в музее Восточно-Сибирского отдела ИРГО в Иркутске под руководством консерватора музея А.М. Станиловского. В Хабаровском краевом музее с 1 сентября 1924 года. Был консерватором, потом учёным секретарём, заместителем директора по научной части. При длительных отлучках и частой смене директоров музея временно исполнял их обязанности (суммарно до 4-х лет). Был

автором многих выставок, плана кардинального переустройства всей экспозиции. Но с началом чисток он за отчёт, «составленный политически неграмотно», в 1932 году был уволен. С 1 марта 1934 по 4 марта 1938 года опять работал научным сотрудником, заведующим отделом природы, если не считать вынужденный месячный перерыв в 1937 году, когда снова увольняли за отказ от «марксистского освещения основных вопросов естествознания». Но вскоре он был оправдан и восстановлен в должности. Как офицер, служивший в армии Колчака, впоследствии подвергался арестам. Будучи в заключении, потерял здоровье, поэтому умер преждевременно. Сизых относился к разряду тех трудяг, которые нужны любому руководителю. Вне зависимости от характера и собственных представлений о работе он всегда был компетентен и работоспособен, какие бы задачи перед ним ни ставились [7].

Уезжая из Владивостока, В.К. Арсеньев пригласил в музей своего сослуживца из акционерного рыбопромышленного общества, треста «Дальрыба», Андрея Ивановича Кардакова (1891, Вятская губерния — 1938, Хабаровск). Тот происходил из семьи довольно известных и богатых вятских купцов-толоконников, носивших звание «Поставщик Двора Его Императорского Величества». Учился в Пермском университете, на родине в молодости интересовался ботаникой, собрал большой гербарий, но со временем увлёкся зоологией, стал профессиональным фотографом. В науке А.И. Кардаков специализировался по систематике и фауне хищных жуков — жужелиц, сохранились даже его коллекции. Во Владивосток попал вместе с братом, с каппелевцами. С 15 ноября 1924 по 15 марта 1928 года работал заведующим зоологическим отделом. Был первым заместителем Арсеньева в экспедиции Дальневосточного переселенческого управления по маршруту Советская Гавань — Хабаровск (1927 г.). С 6 марта 1935 года он научный сотрудник, а с 15 января 1936 — заведующий отделом природы, позднее работал заведующим фотоотделом Дальневосточного краевого художественного музея [9]. По постановлению тройки при УНКВД по ДВК 27 сентября 1938 г., обв.: по ст. 58-6 УК РСФСР [разг. — Трибунал в СССР] расстрелян 11 октября 1938 года в Хабаровске «за сбор разведанных для спецслужб иностранных государств». Реабилитирован 26 мая 1989 г. по заключению Военной прокуратуры КДВО по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г. (Книга памяти Хабаровского края).

Дворянка по происхождению, дочь высокопоставленного железнодорожника, Евгения Алексеевна Кардакова-Преженцова (1900, Льгов — 1970, Владивосток) тоже с волной беженцев по воле случая оказалась в Хабаровске. Здесь их семья задержалась, чтобы вылечить нетранспортабельную мать, но это не удалось, а когда она умерла, здесь уже «все-рьёз и надолго» установилась Советская власть. Как специалист, отец нашёл хорошую работу на железной дороге. Девушка редкой красоты привлекла внимание А.И. Кардакова, возникла взаимная симпатия, и они поженились. Естественно, что вслед за мужем она нашла для себя занятие в музее и связанной с ним библиотеке, так как она знала европейские языки — училась в столичном Смольном институте благородных девиц. Евгения Алексеевна в 1925–1926 годах работала под руководством Н.А. Десулави в ботаническом отделе Хабаровского музея в качестве внештатного сотрудника — практикантки, тогда же она написала брошюру «Ядовитые растения ДВК». С 1 мая 1927 года Е.А. Кардакова-Преженцова совмещала функции заведующего архивным отделом Дальневосточной книжной палаты (до 1 октября 1927 г.) и научного сотрудника естественно-исторических отделов музея, временно заведовала ботаническим отделом (с 1 апреля по 15 июля 1928 г.). Вместе с Н.А. Серк она совершила этнографическую экспедицию на реку Хор (1 июня — 31 июля 1927 г.), а с А.И. Кардаковым — на Командорские острова (сентябрь 1928 г. — август 1929 г.), где собрала немаленький гербарий, который доставила в музей. Впоследствии работала в Тихоокеанском НИИ рыбного хо-

зйства и океанографии (ТИНРО) во Владивостоке, стала известным дальневосточным специалистом по морским водорослям, кандидатом биологических наук. Евгения Алексеевна создала и двадцать один год заведовала Музеем морской фауны и флоры ТИНРО, преемником которого являлся владивостокский Морской музей — океанариум. Кстати, в ТИНРО её привёл В.К. Арсеньев [4].

Напомню, что более всего Гродековский музей страдал из-за отсутствия профессионального препаратора-таксидермиста. В.К. Арсеньев был неплохим стрелком, во время экспедиций охотился на зверей и птиц, умел изготовить из них достаточно просто оформленный объект для научной работы — тушку или шкурку. В небольшом числе его орнитологические сборы сохранились в музее [5]. Но чаще он поручал эту работу своим более сноровистым спутникам, ведь снимать шкуру с добычи умеют практически все охотники. Однако изготовить высококачественный экспонат, когда зрители восхищённо говорят: «Он как живой!» — настоящее искусство. Считается, что для этого таксидермист должен вполне овладеть навыками шести профессий, а мастером может стать не раньше, чем через пять лет работы. В Россию это ремесло привёз из Германии специально приглашённый Академией наук консерватор Георг Шрадер [13]. Для обучения к нему были приставлены ученики из числа русской незнатной молодёжи и создана специальная лаборатория в Зоологическом музее. Некоторые выдающиеся ученики сами стали учителями — так возникла знаменитая петербургская школа препараторского искусства. Вот как раз там в 1880-х годах обучался таксидермии Георгий Евграфович Сольский (1876, Кронштадт — 1951, Сердобск, Пензенская область), которого В.К. Арсеньев нашёл в Иркутске и пригласил в Хабаровский краевой музей. Оценивая прошлое, можно сказать, что это была его самая большая кадровая удача. Сольский работал со многими выдающимися биологами страны, ассистировал им. Так, в 1898 году он перешёл на работу препаратором в Петербургский университет, где одновременно слушал лекции по зоологии, практиковался на занятиях по зоотомии, обучался лепке, скульптурным работам и рисованию. Впоследствии он работал по специальности в вузах Саратова, Киева, Томска, Иркутска, вёл научные наблюдения, имел статьи по орнитологии. В Хабаровском музее работал препаратором, учёным препаратором, препаратором-инструктором чучельной мастерской с 17 апреля 1925 по 20 февраля 1938 года. За этот срок им было изготовлено и отреставрировано множество экспонатов, которые сохранились до наших дней, подготовлено трое учеников. Во времена репрессий Г.Е. Сольский уехал в г. Сердобск, где продолжал работать в том же качестве в местном краеведческом музее [11]. Нужно признать, что в «арсеньевский» период жизни Гродековского музея в нём поработало немало заинтересованных специалистов, большинство из которых были естествоведомы по образованию или по духу, считавшими собирание коллекций самым прямым путём изучения природы родного края, способом установления серьёзных научных контактов с профессионалами центральных научных учреждений России. Именно в такой роли представлял Гродековский музей Арсеньев. Владимир Клавдиевич Арсеньев был настолько многогранной личностью, что материалов для изучения хватило по меньшей мере на три-четыре поколения историков, и до сих пор не все стороны и грани её скрупулёзно изучены.

1. Воробьев Д. П. Горнотаяжная станция Дальневосточного филиала Академии наук СССР и заповедник уссурийской флоры и фауны // Труды Горнотаяжной станции ДВ филиала АН СССР. Хабаровск: Дальгиз. 1936. Т. 1. С. 9–13.

2. ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 63. Л. 113–114. 3. ГАХК. Ф. II-2. Оп. 1. Д. 4. Л. 53.

4. Князева М. Г. Деятельность Е. А. Кардаковой-Преженцовой в Хабаровском краевом музее // Шестые Гродековские чтения: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы исследования Российской цивилизации на Дальнем Востоке». 20-21 апреля 2009 г. Хабаровск. Т. 6: Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова. 2009. С. 126–129.
5. Купцова А. А. Орнитологические сборы В. К. Арсеньева в собрании Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова // Шестые Гродековские чтения: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы исследования Российской цивилизации на Дальнем Востоке». 20-21 апреля 2009 г. Хабаровск. Т. 6: Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова. 2009. С. 120–126.
6. Мензбир М. А. Научный обзор. Русские естественно-исторические общества и университеты // Русская мысль. 1892, год тринадцатый, август. С. 155–181.
7. Новомодный Е. В. С. Я. Сизых — ученый секретарь Хабаровского музея // Записки Гродековского музея. Вып. 4, посвященный 130-й годовщине со дня рождения В. К. Арсеньева. Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2002. С. 98–101.
8. Новомодный Е. В. Проблемы комплектования, учета и сохранности естественноисторических коллекций музеев // Четвертые Гродековские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. «Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России». Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова. 2004. Ч. 2. С. 316–321.
9. Новомодный Е. В. Исследователи Дальнего Востока зоологи братья Кардаковы // Записки Гродековского музея. — Хабаровск: Гос. Музей Дал. Востока им. Н. И. Гродекова, 2004. Вып. 9. С. 159–171.
10. Новомодный Е. В. Дела и дни ботаника и педагога Нумы Августовича Десулави (1860–1933) // Материалы к научной биографии друга и сподвижника В. К. Арсеньева. Хабаровск, ХККМ им. Н. И. Гродекова, 2008. — 92 с.
11. Новомодный Е. В., Гончарова С. В., Пономарева А. А. Георгий Евграфович Сольский — препаратор-таксидермист Хабаровского краевого музея // Записки Гродековского музея. сб. науч. тр. Вып. 24: Природа Дальнего Востока. Хабаровск: ХККМ им. Н. И. Гродекова, 2010. С. 5–12.
12. Хабаровский музей [Рекламный проспект]. Хабаровск, Книжное дело, 1928. — 31 с.
13. Штраух А. А. Зоологический музей Императорской академии наук: 50-летие его существования: Обзор основания, постепенного расширения и современного состояния музея: Читано 23 ноября 1882 г. Сост. директор музея Академик А. Штраух. — СПб., 1889. — [2], II, 372 с., 2 л. табл. — (Записки Императорской академии наук. Т. 61, Приложение № 3).

О. П. Островская,
Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса, филиал в г. Находке

ПОТОМКИ ВЛАДИМИРА КЛАВДИЕВИЧА АРСЕНЬЕВА В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

Когда въезжаешь в город Находка (особенно это хорошо видно зимой), с правой стороны от дороги, в сопках, виднеется темная зелень кедровой рощи. Там очень легко дышится, огромные кедры стоят в удивительной тишине. Эта роща более шестидесяти лет назад посажена в период работы сына Владимира Клавдиевича Арсеньева в Находкинском лесхозе. Сложилось так, что судьба потомков В.К. Арсеньева связана с Приморским краем, большей частью, с городом Находкой.

Долгое время тесную связь с членами этой замечательной семьи поддерживала Мария Антоновна Иванова, известный краевед, первый председатель клуба «Находкинский родовой». Основные сведения о потомках В.К. Арсеньева содержатся в ее издании «Предки и потомки Владимира Клавдиевича и Анны Константиновны Арсеньевых» [1]. В настоящее время М.А. Иванова передала в клуб свой архив, в связи с чем проводится систематизация данных о ныне живущих потомках В.К. Арсеньева. Итак, потомки В.К. Арсеньева по поколениям.

Дети. Первое поколение потомков.

В.К. Арсеньев от двух браков имел троих детей. В первом браке с Анной Константиновной Кодашевич родилось двое сыновей. Сын: Владимир Владимирович Арсеньев (1900–1987). Именно он является продолжателем рода В.К. Арсеньева. От него происходят все ветви потомков В.К. Арсеньева. Первенец В.К. Арсеньева родился еще в Петербурге, был назван в честь отца. Его рождение совпало с назначением В.К. Арсеньева во Владивосток, и в Приморье он был привезен в младенчестве. С тех пор вся его жизнь связана с Дальним Востоком. Отец оказал заметное влияние на его воспитание. С двенадцати лет Воля (как звали младшего Владимира в семье) бывал с отцом в поездках, а в пятнадцатилетнем возрасте в 1915 году с марта по ноябрь сопровождал его в полугодовой экспедиции по озеру Эворон. Кроме того, он принимал активное участие в создании книг отца, переписывал, делал выписки, чертил маршруты его путешествий, был знаком с Дерсу Узала. «Первое и, пожалуй, важное, чему я научился у отца — это ценить и любить природу», — говорит он об отце в своих воспоминаниях. И еще одна заслуживающая внимания оценка: «Отец учил меня добру» [2]. Владимир Клавдиевич, безусловно, хотел видеть сына своим последователем.

Однако начавшаяся революционная смута и последовавшие репрессии коренным образом меняют судьбу сына В.К. Арсеньева. В это же время происходит развод с матерью и новый брак отца, который Владимир тяжело переживал. В 1919 году из хабаровского реального училища сына Арсеньева мобилизуют в артиллерийский полк в Ни-

кольск-Уссурийске, где затем он воюет в рядах Народной армии и даже на несколько дней оказывается в японском плену. Получить соответствующее образование ему пока не удастся. Во Владивостоке он получает аттестат об окончании реального училища для взрослых. Три года, с 1925 по 1928, обучается в Дальневосточном горном институте, откуда, с началом чисток, отчисляется с третьего курса. Поводом для исключения послужила военная служба отца в царской армии.

К тому времени Владимир обзаводится семьей. В браке с Клавдией Григорьевной Козловой в 1928 году рождается сын Юрий, а затем, в 1936 и 1937 годах, еще два сына, Игорь и Вадим. Все это время он проживает с матерью, первой женой В.К. Арсеньева.

Трудовую деятельность сын В.К. Арсеньева начал в 1921 году в должности счетовода Владивостокского народного контроля, но тяга ко всему, что связано с природой, воспитанная отцом, круг людей, знавших и любивших его отца, не могли не привести его к соответствующей работе. С 1924 года В. В. Арсеньев работает в лесохозяйственных организациях объездчиком, топографом, таксатором, затем в лесхозах, леспромхозах начальником участка, старшим лесничим.

Смерть отца была для Владимира внезапной, в это время сын Арсеньева находился в командировке на Бикине. В августе 1930 года он «получил от отца письмо, не предвещавшее никакой беды». Находясь далеко от Владивостока, он не мог присутствовать на похоронах отца в сентябре 1930 года. Поворотным в жизни сына В.К. Арсеньева оказывается 1939 год, в котором Шкотовский леспромхоз, где он работал, направил В. В. Арсеньева на учебу в Лесную академию в Ленинград. Кто знает, как сложилась бы судьба потомков В.К. Арсеньева, если бы Владимир Владимирович начал там учиться. Но в разгар репрессий (вторая жена В.К. Арсеньева была расстреляна в 1938 году) на сына Арсеньева вновь обратили внимание. На основании директивы НКВД СССР 3291/5 от 04.08.39 г. он получил предписание в десятидневный срок покинуть с семьей (в состав которой входила и первая жена В.К. Арсеньева) пределы родного края. Ссылка проходила на Алтае, в таежном поселке Ширпотреб. Здесь росли и жили в школе внуки В.К. Арсеньева. В годы войны сын В.К. Арсеньева, «не желая сидеть в тылу, добровольцем» [3] уходит на фронт, защищать Родину. Домой возвращается, получив тяжелые ранения в июне 1943 года. Имеет медали «За победу над Германией» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». После войны, в 1949–1955 гг. он, работая в лесхозе, заочно окончил Бийский лесной техникум, получив квалификацию лесоведа. Здесь же, в ссылке, семья встретила оттепель.

В 1957 году по ходатайству Союза писателей СССР Владимир Владимирович получает гонорар за издания отца 1951–1953 годов и разрешение вернуться на Дальний Восток. Анне Константиновне назначается персональная пенсия. Владивосток для поселения семьи был закрыт, и сын Арсеньева принял решение о переезде в Находку. Так потомки В.К. Арсеньева вновь вернулись в Приморье. Возвращение в Приморье в своих воспоминаниях В. В. Арсеньев описывает как возвращение домой, к «любимой тайге». В сентябре 1957 года Владимир Владимирович приступил к работе старшим лесничим Находкинского лесхоза. Рядом с конторой лесхоза, на въезде в Находку, по ул. Лесной 40-А, на средства гонорара был построен небольшой дом (50 кв.м), который стал домом семьи Арсеньевых. За этим домом до сих пор смотрит семья правнучки В.К. Арсеньева Елены Игоревны. В Находкинском лесхозе Владимир Арсеньев работал до выхода на пенсию в должности главного лесничего. Он пользовался заслуженным уважением, избирался депутатом городского совета, председателем товарищеского суда, членом профсоюзного комитета, имел ряд наград и почетных грамот за долголетнюю и безу-

пречную службу в государственной лесной охране. В это время и посажена недалеко от Находки «арсеньевская» кедровая роща.

На рубеже 1962–1963 года у В. В. Арсеньева умирают жена (60 лет) и мать, Анна Константиновна Арсеньева (83 лет). Он заключает брак с дальней родственницей жены Елизаветой Николаевной Валеговой и в 1963 году уезжает к ней в Челябинск. В находкинском доме на улице Лесной остается жить его сын, внук В. К. Арсеньева, Игорь Владимирович с семьей. В Челябинске, по воспоминаниям и впечатлениям о работе в Уссурийской тайге, сын Арсеньева пишет рассказы и были, вышедшие отдельной книгой под названием: «Тропой, завещанной Дерсу» [4]. В. В. Арсеньев умер в Челябинске, в 1987 году, прожив там до 87 лет в спокойном, благополучном браке. В переписке с родными он писал о своем желании вернуться в Приморье, но в силу обстоятельств это не осуществилось. Несмотря на все выпавшие на его долю трудности, В. В. Арсеньев достойно носил имя своего знаменитого отца, продолжая во многом его дело. Особенно следует сказать о его отношении к матери, с которой у него были теплые, доверительные отношения. Анна Константиновна была неотделима от семьи сына и последние годы жизни также провела в Находке, в доме на Лесной улице. По приезде в Находку Анну Константиновну окружают вниманием. Ее приглашают на встречи, к ней приезжают пионеры, делегации из других городов. В семье она была очень уважаемым человеком. Владимир Владимирович и внуки окружали ее заботой. Сын и мать прожили долгую совместную жизнь во взаимном понимании, уважении и любви. Родившаяся и выросшая в Петербурге, прошедшая рядом с В. К. Арсеньевым первые, решающие годы его деятельности, перенесшая трудности ссылки Анна Константиновна покоится на городском кладбище в Находке. На нас лежит обязанность поддерживать об этом память.

К сожалению, жизнь второго сына: Олега Владимировича Арсеньева (1902–1904) прервалась в раннем возрасте. Олег Арсеньев родился во Владивостоке в 1902 году, через два года после переезда семьи. В 1904 году во время Русско-японской войны семья военных в обязательном порядке эвакуировалась из Владивостока. Простудившись во время дальней дороги в Санкт-Петербург, второй сын В. К. Арсеньева умер в возрасте двух лет, похоронен на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге.

Во втором браке с Маргаритой Николаевной Соловьевой у В. К. Арсеньева родилась дочь: Наталья Владимировна Арсеньева (1920–1970). Судьба Натальи Владимировны Арсеньевой сложилась трудно. Она родилась во Владивостоке в 1920 году. В год ее рождения В. К. Арсеньеву исполнилось 48 лет. Смерть отца наступила, когда Наташе было всего десять лет. Через четыре года арестовали мать. В семнадцатилетнем возрасте она перенесла расстрел матери. Получила образование 8 классов. В 1941 году была осуждена на 10 лет по ст. 58 (антисоветские высказывания). После освобождения ей не удалось поселиться в родном доме во Владивостоке. Н. В. Арсеньева проживала в городах Хабаровске и Благовещенске. Умерла в 1970 году в возрасте 50-ти лет, похоронена в Благовещенске. Обстоятельства ее жизни требуют особого исследования. Единственный сын Натальи Владимировны Арсеньевой умер в младенчестве. Таким образом, потомки Владимира Клавдиевича Арсеньева происходят только от его сына Владимира.

Внуки. Второе поколение потомков

Трое внуков В. К. Арсеньева родились на приморской земле. Детство и юность их прошли на Алтае, в ссылке, вызванной близким родством со своим знаменитым дедом.

При этом, в годы репрессий, в целях самосохранения, об этом было опасно упоминать. Внуки вспоминали, что бабушка и отец старались уберечь их от лишних разговоров.

Ранняя смерть В.К. Арсеньева лишила его возможности общения с внуками. Только старший внук Юрий родился при жизни В.К. Арсеньева. Видеть и знать Владимира Клавдиевича, как следует, внуки Арсеньева не могли, зато воспоминания о бабушке, которая в основном занималась их воспитанием, звучали у них с особой ноткой теплоты. Их детство и юность во время ссылки пришлось на военные и послевоенные годы. Жили очень трудно. Как вспоминает один из внуков, «больших трудов нам стоило выжить в то время. Мы, дети, были на грани истощения. Приезд отца с фронта ненадолго и бабушкина изобретательность в приготовлении пищи помогли выдержать это испытание» [1, с. 14]. Семья была стеснена с жильем, жили в доме на несколько хозяев в небольшой комнате и кухне. В поселке была только начальная школа, затем учиться приходилось за семь километров от дома. И хотя отец всегда хотел, чтобы они учились, всем внукам Арсеньева после окончания школы пришлось начинать работать на лесоповале. Местом службы всех троих внуков оказалось Приморье. Действительно, парней с этой фамилией не могли не направить служить в край, который прославил своими экспедициями и книгами их знаменитый дед.

Внук Юрий Владимирович Арсеньев (1928–1972). Родился во Владивостоке в 1928 году, там же пошел в школу. Заканчивать учебу пришлось уже в ссылке. После окончания 9 классов работал на лесоповале, в лесхозе. В 1947 году был призван в армию. Служил в родном Приморье в пос. Раздольном, затем в Порт-Артуре. Демобилизовавшись в звании старшего сержанта в 1953 году. Вопреки советам отца «работать на земле» стал шахтером-забойщиком в городе Горловке. Старший внук В.К. Арсеньева умер в возрасте 48 лет. Состоял в браке, но детей у него не было.

Внук Игорь Владимирович Арсеньев (1936–2012) родился во Владивостоке в 1936 году. В ссылке на Алтае оказался в трехлетнем возрасте, там же учился в школе. После окончания 7 классов с 15 лет работал на лесоповале. В 1955 году был призван в армию. Служил в Приморье в пос. Шкотово. Был комиссован из армии в 1957 году в связи с происшедшей автомобильной аварией. Семья как раз получила разрешение вернуться из ссылки в Приморье, и Игорь Владимирович вместе со всеми начал жить в Находке. Дом на Лесной стал его домом на всю жизнь. Работал на многих предприятиях Находки водителем, автомехаником. Большей частью работал в крупной строительной организации трест ДМГС и внес свой вклад в строительство молодого города. В 1964 году И.В. Арсеньев вступил в брак с Коломиец Екатериной Афанасьевной, создав крепкую и дружную семью. Игорь Владимирович и Екатерина Афанасьевна жили в согласии и уважении, были хорошими хозяевами, воспитали двоих детей: Владимира и Елену. После смерти матери, бабушки и отъезда отца в Челябинск Игорь Владимирович остался старшим в арсеньевской семье, проживавшей в доме на Лесной. Беспрецедентной являлась его отзывчивость откликаться на нужды города, общественности. Его часто приглашали в школы города и на различные краеведческие мероприятия, где он рассказывал об истории своей семьи.

Любовь к природе всегда жила в душе Игоря Владимировича. Он часто отправлялся в тайгу с друзьями или внуками. Вместе с женой заготавливал дары тайги и, будучи гостеприимным и щедрым человеком, всегда с любовью угощал ими гостей. Кроме того, Игорь Владимирович был замечательным рассказчиком. Слушать его речь, увлекательную и полную мягкого юмора, было очень интересно. Игорь Владимирович ушел из жизни в 2012 году на 76-м году жизни.

Внук Вадим Владимирович Арсеньев в настоящее время проживает в Находке, в этом году в июне он отметил свой 80-летний юбилей. Внешне Вадим Владимирович очень похож на своего отца, сына Арсеньева. Родился В.В. Арсеньев в 1937 году в селе Многоудобное, Шкотовского района, Приморского края, где тогда некоторое время жила семья сына Арсеньева. В ссылке на Алтае оказался в двухлетнем возрасте, там же учился в школе. Не закончив 10-й класс, ему также довелось работать на лесоповале. В армию был призван в 1955 году и служил на флоте. Сначала в «учебке» на острове Русском, затем на сторожевом корабле «Зубр» во Владивостоке. Во время службы совершил переход через Северный Ледовитый океан из Североморска в Совгавань. Демобилизовался в 1960 году и по комсомольской путевке уехал на стройку, в район Братска. В Братске женился, в 1961 году родился сын Юрий. Но брак не сложился, и Вадим Владимирович уехал на Украину к старшему брату Юрию. Там работал и заканчивал 10-й класс в вечерней школе. В 1963 году Вадим Владимирович принимает решение вернуться в Приморье, в Находку, к семье, к любимой природе. В Находке работал водителем автобуса, такси, честно трудился. По мере сил старается работать и до сих пор. Его увлечением стали поездки в приморскую тайгу. Здесь, в Находке, он находит свою половину и в 1965 году вступает в брак с Валентиной Алексеевной Скрышленко, усыновляет ее детей. Брак оказался дружным и крепким. Жена разделяла все его увлечения, они вместе прошли многие таежные тропы. Традицией в семье была дальняя экспедиция каждую осень в глубинку приморской тайги, в северные районы Приморья. После ухода из жизни супруги в 2005 году В.В. Арсеньев живет один, но дети и внуки обязательно его навещают. Все также Вадим Владимирович много читает, обязательно находит время для таежных путешествий и наделяет родных и друзей дарами тайги, собранными руками Арсеньева. Двое внуков Арсеньева большую часть жизни провели в Находке. От деда и отца передавалась им любовь к приморской тайге и природе. Особенное отношение к природе присутствует в характере Арсеньевых. Конечно, они стремились побывать там, где ходил с экспедициями их дед, в местах, описанных в дневниках и книгах В.К. Арсеньева. В 2006 году внуки В.К. Арсеньева получили справки о реабилитации.

На долю внуков Арсеньева выпали испытания, перенесенные всей семьей. Выросшим в трудностях, им было нелегко устраиваться в жизни. Основные их качества: честность и трудолюбие, любовь к природе, мягкий юмор, бескорыстность, скромность и простота. Весь архив отца был передан ими безвозмездно в фонд музея во Владивостоке. Они никогда не обращались с просьбами, не стремились к наградам и званиям, наоборот, в общении с людьми старались быть как можно проще и скромнее. О родстве с известным и всенародно любимым писателем напоминали только портреты Владимира Клавдиевича и Анны Константиновны, висящие на самом видном месте и у одного, и у другого внука.

Правнуки. Третье поколение потомков

В этом поколении потомки Арсеньева разделились на две ветви: находкинскую и братскую, происходящую от родившегося в г. Братске сына младшего внука Арсеньева. В Находке, в доме на Лесной, родились и выросли: правнук Владимир Игоревич Арсеньев (1965–2007). Родился в 1965 году, назван в честь прадеда и деда. Окончил школу № 16, затем Дальневосточное мореходное училище г. Находки. Ходил в море, работал на берегу. От двух браков имел двух сыновей, Александра и Виктора. В 2007 году Владимир Игоревич умер от инсульта в 41-летнем возрасте.

Правнучка Елена Игоревна Арсеньева (в замужестве Пикалова). Родилась в 1974 году, окончила школу № 16, в настоящее время проживает с семьей в Находке. Среди по-

томков В.К. Арсеньева, в основном, рождались мальчики, и Елена Игоревна — единственная правнучка писателя. Характер у Елены Игоревны — арсеньевский, она ответственная, трудолюбивая, гостеприимная. В 1990 году Елена Владимировна вступила в брак с Владимиром Владимировичем Пикаловым, они создали хорошую семью и вместе воспитали двоих сыновей, Михаила и Данила. Елена Игоревна работает на Находкинском хлебозаводе, и многие находкинцы приносят к своему столу хлеб, в приготовлении которого принимала участие правнучка В.К. Арсеньева.

Братская линия: правнук Юрий Вадимович Арсеньев. Родился в 1961 г. Окончил школу, техникум. Отслужил армию. Проживает в г. Братске. Имеет двух сыновей.

Фамилию Арсеньева также носят сыновья Вадима Владимировича — Валерий Вадимович Арсеньев и Юрий Вадимович Арсеньев, которых он усыновил во втором браке в г. Находке. Воспитанные внуком знаменитого исследователя, они неизбежно приобрели арсеньевский характер и являются членами арсеньевской семьи.

Праправнуки. Четвертое поколение потомков

Сейчас вступает в жизнь четвертое поколение потомков В.К. Арсеньева — праправнуки. Это шестеро молодых людей. Четверо из них родились и выросли в Находке. Два сына Владимира Игоревича от двух браков Александр и Виктор являются прямыми потомками Владимира Клавдиевича по мужской линии. Праправнук Александр Владимирович Арсеньев (32 года). Родился в 1985 году в г. Находка. Получил профессию юриста. Проживал во Владимир-Александровском, затем в Находке. Имеет сына Данила. Праправнук Виктор Владимирович Арсеньев (25 лет). Родился в 1992 году в г. Находка. Окончил школу, отслужил армию. В настоящее время живет и работает в Находке. Двое сыновей Елены Игоревны носят фамилию Пикаловых.

Праправнук Михаил Владимирович Пикалов (26 лет). Родился в 1991 году в г. Находка. Окончил школу, получил высшее образование. Проживает во Владивостоке, работает, снимает квартиру. Наконец, теперь есть потомок В.К. Арсеньева, проживающий во Владивостоке. Праправнук Данил Владимирович Пикалов (17 лет). Родился в 2000 году в г. Находке. Заканчивает школу. Также собирается учиться во Владивостоке. Два сына Юрия Вадимовича Арсеньева, родившиеся в Братске, также являются прямыми потомками Владимира Клавдиевича по мужской линии и носят его фамилию: праправнук Максим Юрьевич Арсеньев (33 года). Родился в 1984 году в г. Братске. Окончил школу и лицей по специальности техник-механик. Не женат. Проживает в г. Братске. Праправнук Евгений Юрьевич Арсеньев (29 лет). Родился в 1988 году в г. Братске. Окончил школу, лицей по технической специальности. В 2014 вступил в брак, детей не имеет. Проживает в г. Иркутске.

Прапраправнуки. Пятое поколение потомков

Поколение прапраправнуков представлено единственным потомком. На приморской земле проживает прапраправнук В.К. Арсеньева: Данил Александрович Арсеньев, который родился и проживает в Находке. Ему сейчас 7 лет, в этом году он пошел в первый класс. Он является прямым потомком В.К. Арсеньева по мужской линии пятого поколения. Данил проявляет интерес к своему знаменитому имени и даже присутствовал с бабушкой на Арсеньевских чтениях, прошедших в Находке в июне этого года. Там была сделана замечательная фотография двух Арсеньевых: Вадима Владимировича

и маленького Данила — представителей старшего и младшего поколений потомков В.К. Арсеньева. Необходимо отметить, что черты Арсеньева, высокого статного офицера, да и, бесспорно, черты его характера неизменно видны в каждом из Арсеньевых. В.К. Арсеньев оставил после себя не только результаты своей работы и всеми любимые произведения, но и замечательную семью своих потомков.

1. Иванова М. А. Предки и потомки Владимира Клавдиевича и Анны Константиновны Арсеньевых. — Находка, 2014. — 50 с.

2. Сердюк А. Отец учил меня добру // Тихоокеанская звезда, 22.08.1987.

3. Арсеньев В. В. Автобиография. Рукопись.

4. Арсеньев В. В. Тропой, завещанной Дерсу. — Владивосток, 2002. — 103 с.

С. С. Пай,
Тихоокеанский государственный
медицинский университет,
г. Владивосток

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. К. АРСЕНЬЕВА

Выдающийся исследователь Дальнего Востока, этнограф, писатель и краевед В. К. Арсеньев был незаурядным педагогом, прекрасным лектором и рассказчиком. Не имея педагогического и даже классического высшего образования, он проработал в учебных заведениях Владивостока и Хабаровска свыше 20 лет.

В учётной карточке личного дела В. К. Арсеньева указаны краткие сведения о прохождении им гражданской службы. В 1909–1918 годах В. К. Арсеньев работал директором Хабаровского краеведческого музея. Известна его педагогическая деятельность в этот период времени в Хабаровском городском реальном училище, где он работал преподавателем русского языка и краеведения. Причём он стал инициатором и разработчиком курса краеведения, с успехом осуществлённого на практике в училище. При изучении курса под его руководством проводились многодневные походы и экскурсии по интересным и сложным маршрутам, в том числе на хребет Хехпир. В 1917–1918 годах В. К. Арсеньев выступал с публичными лекциями в Народном университете, организованном по инициативе педагогов г. Хабаровска. После переезда в г. Владивосток с 1919 по 1924 г. как постоянный сотрудник Народного университета он читал курс «Первобытная культура». В 1920 г. В. К. Арсеньев выступал с лекциями перед рабочими в «Доме знаний и Свободы» на Первой Речке.

Владивостокский период его жизни (с 1919 по 1925 г. и с 1927 по 1930 г.) был насыщен не только интенсивной исследовательской работой, экспедициями, но и плодотворной педагогической деятельностью. Из личного дела преподавателя В. К. Арсеньева мы узнаем, что с 1919 по 1921 г. он служил лектором только что организованного Владивостокского учительского института, с 1921 по 1923 г. — профессором Государственного Дальневосточного педагогического института имени К. Д. Ушинского [1, (Дальневосточный государственный университет. Личное дело В. К. Арсеньева). Л. 38, 62(об.); 3, с. 245].

В 1921 г. известный путешественник и исследователь подал документы на соискание по совместительству должности преподавателя на кафедру географии и этнографии Восточной Азии Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета (ГДУ) с правом чтения отдельных курсов по краеведению. Он представил также авторскую программу курсов краеведения и теории и практики научных экспедиций, включавшую 83 пункта [4, с. 153, 155]. Многие преподаватели, в т. ч. профессора, поддержали кандидатуру известного исследователя-практика, в их числе были Н. В. Кюнер, И. А. Лопатин, А. В. Гребенщиков, К. К. Куртеев. Собрание Восточного факультета (протокол № 45/7 от 28 января 1922 г.) избрало В. К. Арсеньева 9-ю голосами преподавателем ГДУ сроком на три года для чтения курсов по географии Русского Дальнего Востока и по теории и практике научных поездок, а также намеченных в учебном плане курсов по краеведению [1, Л. 11-11(об)].

Согласно приказу ректора под №13 от 14 февраля 1922 г. В.К. Арсеньев был включён в список преподавательского состава университета с 1 февраля 1922 г. Через год он был назначен на факультет общественных наук преподавателем по кафедре земледелия и народоведения, однако 8 сентября 1923 г. был отчислен из университета в связи с ликвидацией факультета. 20 августа 1923 г. по представлению предметной комиссии естественных наук горного инженера В.К. Арсеньева избрали на должность преподавателя геологии только что переведенного из Читы во Владивосток Государственного Читинского университета. [1, Л. 13, 23, 24].

В 1923-1924 гг. и в 1927 г. Владимир Клавдиевич работал преподавателем Владивостокского техникума водного транспорта (ныне МГУ им. Г.И. Невельского). В течение 1923-1924 учебного года он преподавал русский язык на механическом и радиотелеграфном отделениях. В 1923 г. Дальневосточный отдел народного образования (Дально) предложил исследователю вернуться к заведованию Хабаровским музеем. Вернувшись в Хабаровск в 1925 г., он читает лекции учащимся педагогического техникума и техникума народов Севера. В.К. Арсеньев становится активным участником советского школьного строительства среди малочисленных народов Дальнего Востока, инициатором создания школ интернатного типа [3, с. 246]. Будучи увлечённым и знающим этнографом, он оказывал методическую помощь учителям национальных школ. Незаменимыми для них стали его литературные произведения. Это прежде всего книги «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала)», «Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь», изданная в 1921 г. и высоко оцененная М. Горьким, а также «Лесные люди — удэгейцы» (1926 г.) и «Быт и характер народностей Дальневосточного края», написанная в 1928 г. в соавторстве с этнографом и журналистом Е.И. Титовым.

В.К. Арсеньев был редактором первых документальных кинофильмов «Тумгу» о коряках и «Оленные всадники» об эвенах, использовавшихся как дидактический материал в «туземных» (коренные малочисленные народы Дальнего Востока) школах [3, с. 244]. Он являлся научным консультантом документальных фильмов «Лесные люди» (Удэ) и «В дебрях Уссурийского края», имевших огромный успех, снятых во время киноэкспедиции кинодокументалистов Владивостокского отделения Совкино летом 1928 г. для зрителей «разных возрастов, для рабочего и крестьянки, для русского, немца, американца и самоеда» [4, с. 226].

25 ноября 1927 г. В.К. Арсеньев был утверждён на должность сверхштатного доцента по кафедре краеведения на естественном отделении педагогического факультета ГДУ с поручением курса этнографии с нагрузкой 1 час в неделю. Несмотря на загруженность научной, экспедиционной и литературной деятельностью, в последние четыре года жизни после переезда из г. Хабаровска (с 1 ноября 1926 г. по 1 ноября 1929 г.) В.К. Арсеньев возвращается к преподаванию естествознания (ихтиологии, географии морей) в техникуме водного транспорта. Знаменитые дальневосточные капитаны К.Н. Васюкевич и П.П. Куянцев с восхищением и теплотой вспоминали о своём знаменитом преподавателе. «Он был прекрасным рассказчиком. ...Очень много интересного про наш край, про его природу, про случаи, которые были в его жизни». «В обращении он был прост, доброжелателен, приветлив. ...Мы, восемнадцать юношей, слушали его, как завороженные: рассказчик он был изумительный» [2, с. 24]. С 1 ноября 1929 г. в связи с пересмотром учебных планов в морском техникуме В.К. Арсеньева перевели в число преподавателей без поручений. Несмотря на отсутствие в учебном плане естествоведения, он продолжал читать лекции бесплатно и вёл соответствующий кружок [2, с. 27].

Удивляет широта интересов и квалификации преподавателя В. К. Арсеньева: от русского языка, краеведения до этнографии и естествоведения. А умение работать с любой аудиторией — от неграмотных рабочих до студентов вузов — характеризует его как незаурядного педагога. Сам исследователь писал: «Моей основной специальностью является музееведение и исследовательская работа в области этнографии и археологии Дальнего Востока, к которым я чувствую особую склонность и признание. Все мои труды касаются именно этих дисциплин» [4, с. 189].

Талантливый человек талантлив во всем. Педагогическая деятельность Владимира Клавдиевича подтвердила эту непреложную истину. Несмотря на огромную занятость, он имел внутреннюю насущную потребность поделиться с молодыми людьми опытом своей уникальной жизни и поэтому преподавал в различных учебных заведениях Владивостока и Хабаровска. Немаловажными были также материальные затруднения, которые испытывала его семья. Будучи увлеченным человеком, В. К. Арсеньев порой работал бесплатно или за символическую плату. Бывшие ученики отмечали его огромный педагогический и человеческий талант — талант рассказчика, умеющего увлечь и зажечь своих слушателей и учеников.

1. ГАПК. 1 Ф. 117. Оп. 5. Д. 7. (Дальневосточный государственный университет. Личное дело В. К. Арсеньева). Л. 11-11(об), 13, 23, 24, 38, 62 (об.).

2. Корольюк В. П. Владивостокский «Мортех». Водный техникум путей сообщения (Морской техникум) — Учебный комбинат (Институт инженеров водного транспорта) во Владивостоке. 1923–1944 гг. — Владивосток, 2001. С. 24, 27.

3. Севильгаев Г. Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России. XVII в. — 30-е гг. XX в. — Барнаул: ОАО Алтайский полиграфкомбинат, 2001. С. 244–246.

4. Хисамутдинов А. А. Мне сопутствовала счастливая звезда... Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930 гг.). — Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 153, 155, 189, 226.

Н. А. Панкратьева,
Приморский государственный объединённый
музей имени В.К. Арсеньева,
г. Владивосток

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ПРИМОРСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ ИМ. В.К. АРСЕНЬЕВА В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА

С момента основания Приморского краевого музея (музея Общества изучения Амурского края) этнография была одним из приоритетных направлений его исследований и комплектования. Среди первых поступлений в музейные фонды числятся подаренные ОИАК этнографические коллекции Ф.К. Гека, И.П. Надарова, Б.О. Пилсудского, и, конечно же, В.К. Арсеньева. История Приморского музея является отражением процессов, происходивших в стране на рубеже XIX — XX вв., когда музеи стали центрами этнографических исследований в регионах. Собранные в тот период коллекции сегодня приобрели ещё больший вес и ценность, в силу изменений произошедших в российском обществе в целом и в традиционных коренных сообществах в частности [3].

Расширяя свои границы, государство нацеливало научное сообщество на изучение новых земель и народов, их населявших. В.К. Арсеньев, работая в своих экспедициях, не мог не увлечься стремительно развивающейся отраслью науки — этнографией. Его вклад в изучение культуры, языка, быта народов населявших Приморскую область, не подлежит сомнению. Материалы, собранные В.К. Арсеньевым, хранятся в отечественных и зарубежных музеях, представляя собой вещественную память таких малочисленных народов Амура, как удэгейцы или орочи [9].

Увлечение «краеведением с этнографическим уклоном и археографией» [8, с. 13] региона привело В.К. Арсеньева в музеи региональных отделений Географического общества в городах Хабаровске и Владивостоке. Основные этнографические коллекции народов Амура, собранные исследователем, хранятся в Хабаровском краевом музее. В музее же ОИАК Владимир Клавдиевич работал с 1921 по 1924 год, где возглавлял отдел этнографии. За этот отрезок времени он пополнил коллекции археологии, этнографии народов Севера (эвенков, эскимосов, алеутов) и фондовое собрание по китайцам [8, с. 13]. Но объективные причины не позволили ему расширить коллекции Приморского музея по коренным народам юга Дальнего Востока.

Серьёзная работа, начатая В.К. Арсеньевым в музеях Географического общества, продолжилась поколениями музейных сотрудников, сохранявших, изучавших и популяризовавших наследие исследователей рубежа XIX — XX веков и комплектовавших новые поступления. Так совпало, что с уходом Владимира Клавдиевича закончилась целая эпоха и для музея ОИАК. В 1925 г. он получил статус государственного и стал

Владивостокским государственным областным музеем. Усиление государственного регулирования музейного дела, курс на превращение музеев в идеологические учреждения [12], пропагандирующие советский образ жизни, нарушение преемственности поколений в исследовательской деятельности, связанное с последствиями войн и репрессий, все это привело к смене парадигм в музееологии. От нового поколения сотрудников в первую очередь требовали не научного подхода, а умения пропагандировать советский строй. Весь комплекс вышеизложенных проблем привёл к тому, что к 40-м годам снизился уровень образования музейных кадров, на научные должности принимали сотрудников со средним образованием, фондовая и научно-исследовательская работа оказались в упадке [11, с.115].

Положение дел изменилось только к 50-м годам XX в., когда Советский Союз попытался присоединиться к международным процессам в области культуры и искусства. Государство обратило внимание на такие свои институты, как музеи. Были разработаны стандарты фондовой работы. Десталинизация советского общества привела к подъёму активности в искусстве и науке, в том числе и музеологии. Подросло поколение послевоенных выпускников вузов, что позволило повысить уровень образованности

Научные сотрудники музея им. В. К. Арсеньева (слева-направо) — М. Г. Ковтун, З. А. Набоко, В. Н. Мушкина, Ю. М. Дегтярёв, И. Л. Чуприна. Фото А. Т. Мандрика.

и значительно омолодить музейные штаты [11, с. 115].

Изменения коснулись и Приморского краевого музея: несмотря на все трудности, в середине XX века музей смог расширить экспозиционные и фондовые площади за счёт ликвидации служебного жилья в здании музея. Если судить по приказам, хранящимся в архиве музея, в середине XX века музей возобновил активную экспедиционную работу. Приток молодых сотрудников означал не только более частую смену кадров и недостаточный опыт работы, но и свежие идеи, энтузиазм, новый взгляд на музейное дело. Именно в этот период в коллектив пришли З. А. Набоко, В. Н. Мушкина, К. М. Сапезко, М. Г. Ковтун, В. Г. Соколова, А. Т. Мандрик, Ю. М. Дегтярёв — эти молодые творческие сотрудники внесли значительный вклад в обновление лица музея, ими была построена новая экспозиция, проведён анализ фондовых коллекций.

Одним из первых исследователей оставленного Арсеньевым наследия в музее стал А.Т. Мандрик. А вот продолжателем дела Арсеньева в области комплектования этнографической коллекции стал выпускник Дальневосточного университета Ю.М. Дегтярёв. Он пришёл в музей сразу после окончания университета на временную ставку, но уже через пару месяцев ему предложили место заведующего Отделом дореволюционного прошлого (Архив ПГОМ, Оп. 1. Д. 12. С. 21. Л.32). Это было связано с тем, что в связи с кадровыми перестановками в музее Анатолий Тимофеевич Мандрик был переведён на должность ученого секретаря с поста заведующего Отделом дореволюционного прошлого, и его место занял вчерашний выпускник университета Юрий Михайлович. (Архив ПГОМ имени В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 88. Л. 70). В музее Ю.М. Дегтярёв проработал в общей сложности всего четыре года: с 1 сентября 1958 г. (Оп. 1. Д. 12. Л. 21; Д. 15. Л. 2) по 4 сентября 1962 г. За это время он побывал в 15 командировках (Оп. 1. Д. 12. Л. 28- 67; Д. 14. Л. 1-44), по результатам которых в фонды поступило более 319 предметов: 145 — в этнографические коллекции, 159 — в археологическую и 15 прочие коллекции. (Оп. 1. Д. 88. Л. 50; Д. 97. Л. 30; Д. 103, Л. 21; Д. 111. Л.13).

Несмотря на молодой возраст и отсутствие опыта, Юрий Михайлович сразу же включился в работу по подготовке новой этнографической выставки и сумел собрать очень грамотную коллекцию, охватившую главные аспекты традиционного удэгейского быта. Во время экспедиций им велась фотосъёмка, запись наблюдений и фольклора (Оп. 1. Д. 90. Л. 27), большую часть своих экспедиций Ю.М. Дегтярёв совершил один, т.к. остальные сотрудники были заняты построением экспозиции по советскому периоду. Юрию Михайловичу принадлежат, пожалуй, единственные столь полные экспедиционные сборы по коренным этносам, выполненные после В.К. Арсеньева сотрудниками музея. Конечно, имели место интересные пожертвования, эпизодические подарки от жителей и гостей города, от сотрудников Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, но столь полных полевых исследований по традиционной этнографии сотрудниками больше не проводилось.

Этнографические экспедиции Ю.М. Дегтярёва проходили в Приморском и Хабаровском краях в селениях Гвасюги, Сиян, Олон, Красный Яр. Сборы 1958–1962 годов, несомненно, стали важной составляющей этнографической коллекции музея. Так, в музее появились удэгейский шаманский комплекс, полные комплекты одежды со всеми съёмными элементами и деталями. Были пополнены собрания культовой скульптуры, предметов охоты и рыболовства, инструментов и домашней утвари.

Украшением коллекции являются ювелирные изделия, дополняющие традиционный костюм. Последние заслуживают отдельного разговора: коллекция состоит из серебряных предметов, которые сохранялись как родовая или семейная ценность. С изменением парадигм и ценностных ориентиров в традиционном сообществе старшему поколению некому стало передавать не только обрядовость, но и предметы, хранившиеся в семьях. Это подтверждают и фотоматериалы, собранные Дегтярёвым параллельно с предметами в с. Олон.

Так, на фотографиях зафиксировано, что пожилая женщина снималась в традиционных серьгах (НВ 1547-2), и, в соответствии с модой её молодости, у неё в ушах по несколько отверстий, а молодая девушка национальные украшения уже не носит (НВ 1547-4), и тем более отсутствуют серги у юноши (НВ 1547-11). Фотографии, зафиксировавшие занятия жителей удэгейских сёл, наглядно показывают изменения, произошедшие в костюме. В быту удэгейцы используют европейский костюм (НВ 1735-13, 14) традиционная одежда осталась для музеев и национальных праздников.

В процессе изучения поступлений 1958–1962 годов видно, что если орудия охоты, рыболовства, культа, одежда и утварь сугубо местного изготовления (если не считать фабричные ткани, из которых выполнена одежда), то среди украшений представлены не только изделия удэгейских мастеров, но и предметы импортного производства. Все их можно датировать XIX — началом XX века. Все покупные украшения изготовлены на территории сопредельного Китая, что подтверждают клейма.

Старуха-удэгейка, удэгейка Евгения Суанка и юноша-удэгеец в национальной одежде из села Олон (река Бикин). Фото Ю. М. Дегтярёва

Гон рыбы из заливы реки Бикин. Кухонный двор. Село Красный Яр Пожарского района. Фото Ю. М. Дегтярёва

В работе «Китайцы в Уссурийском крае» В.К. Арсеньев подробно описывает китайские торговые транзиты. «В северной части Уссурийского края китайцы имеют три торговых дороги: 1) по р. Хору на р. Сурпай ли на р. Чуин или за водоразделом на р. Самарги ... 2) По р. Анюю... через Сихотэ-Алинь на р. Копи (бухта Андреева) и 3) по Хунгари на р. Мули и по этой последней выходят на р. Тупин и к Императорской гавани. Пути

по р.р. Иману, Бикину, Хору, Аною и Хунгари самые бойкие и живые. В такую далёкую дорогу китайские купцы везут только лёгкие товары, удобные в перевозке: кольца, серьги и бусы, металлические спичечницы и спички, трубки курительные и табакерки, кошельки, гарус, одеяла, цветные матери, шёлк для вышивания, синюю дабу и дрели, опий и спирт, порох и патроны, ножи, цепочки, пуговицы, иголки, нитки и напёрстки, мыло, чай, леденцы, пряники, сахар и консервированное молоко, свечи, перчатки, бубенчики и медяшки с конской сбруи, до которых так падки ороченки и гольдячки» [1, с. 123]. Населённые пункты Гвасюги, Олон и Красный Яр, где проводили экспедиции Ю. М. Дегтярёва, находятся на берегах рек Були (приток р. Хор), Хор и Бикин. Близость сел к важным торговыми транзитам между маньчжурским Китаем и удэгейскими племенами объясняет происхождение серебряных украшений из сборов 1958–1959 годов. Из экспедиции Приморского краевого музея в село Гвасюги Хабаровского края в 1958 г. была привезена коллекция из 40 предметов: одежды, орудий охоты, утвари, украшения, предметов культа и домашнего быта. Из предметов выделяется толи (МПК 4001-31, М 4096) явно китайского происхождения, о чём говорят иероглифы, украшающие реверс зеркала. А вот серебряные серьги выполнены из китайского серебра 900 пробы, которая была принята в Китае в XIX–XX веках (пробу определила ювелирная экспертиза от 30.10.2012 г.). Китайское происхождение имеют, скорее всего, и стеклянные бусины, украшающие изделие. Изготовлены же были носовые и ушные серьги удэгейскими мастерами в традиционной манере.

Серьга носовая (МПК 4001-37, М 3882) представляет собой серебряную проволоку, скрученную в форме восьмёрки. Верхняя часть серьги — это петля для надевания украшения, нижняя часть образует диск из скрученной плотной спиралью проволоки. Носовые серьги на российском Дальнем Востоке имели ограниченную область использования. Они встречались у отдельных групп нанайцев, самагиров, орочей, удэгейцев и тазов. [13, с. 188–189]. В трудах С.Н. Браиловского зафиксировано, что носовые серьги у удэгейцев были исключительно женским украшением и удэгейки носили носовые серьги в правой ноздре или реже — в носовой перегородке [4, с. 130]. Ушные серьги (МПК 4001-36а, б) выполнены из кованой проволоки в виде разомкнутого кольца с отогнутым вниз осно-

Серьга носовая (МПК 4001-37, М 3882)

ванием, на которое нанизаны две чёрных стеклянных бусины, зафиксированные проволоочной петлёй. Предметы очень распространённой формы, в частности, они аналогичны серьгам из экспедиционного сбора 1959 г. в с. Красный Яр (МПК 4002-25. М 144; МПК 4002-25а. М 145). Только серьги из Красного Яра отличаются более крупный размер, более нарядный декор — это явно праздничные, свадебные украшения. Изготовлены они также из проволоки китайского происхождения 900-й пробы, украшены стеклянными бусинами голубого, коричневого и желтого цветов. К левой серьге снизу подвешена монета Российской империи. Монета сильно затерта, но именно она позволяет датировать украшение не позднее, чем 1917 годом.

Ушная серьга
(МПК 4001-36а)

Ушная свадебная серьга
(МПК 4002-25)

Материалы экспедиции Приморского краевого музея им. В.К. Арсеньева 1959 г. в удэгейские селения Красный Яр, Олон и Сиян состоят из 41 единицы основного фонда и почти треть коллекции — это серебряные украшения. Кроме описанных выше серёг из Красного Яра были привезены пять браслетов и два кольца. В это же поступление вошли парные мужские браслеты (МПК 4002-1а, М 4027; МПК 4002-1б, М 4028) очень лаконичные по дизайну, в форме цельнометаллического разомкнутого обруча, изготовленного из прута, толщиной один сантиметр. Концы плотно притёрты друг к другу и утолщены. На концах отчеканены китайские клейма, что говорит об их профессиональном исполнении.

Вторая пара браслетов — женские украшения (МПК 4002-2а, М 4026; МПК 4002-2б, М 4025) конца XIX — начала XX вв., цельнометаллические, в форме разомкнутого двойного плоского кольца. Концы браслета украшены рельефными изображениями цветка сливы шэй-хуа. На внутренней поверхности отчеканено прямоугольное китайское клеймо. Это самые нарядные украшения комплекта. Изображение сливы является благопожелательным символом совершенной красоты [2, с. 248; 10]. В Китае предметы с изображением цветов было принято дарить на свадьбу, поэтому можно предположить, что парные браслеты из сборов М.Ю.Дегтярёва являлись свадебным украшением девушки из состоятельной удэгейской семьи. Браслеты явно долго носили, на них видны следы использования, потёртости, царапины и вмятины. Детский браслет (МПК 4002-3, М 4029) отличается от мужских парных браслетов только размером и толщиной, а также тем, что он не цельнолитой как взрослые, а полый внутри. Как и взрослые изделия, он покупной, что нельзя утверждать о кольцах из данного поступления. Они выполнены в таком же лаконичном дизайне как и мужские и детский браслеты, представляют собой гладкие, замкнутые серебряные обода, без декора, в разрезе полукруглой и подтрапециевидной формы (МПК 4002-23б, М 3881; МПК 4002-23в, М 3515). Поскольку украшения простые по форме и на них отсутствуют клейма, то они вполне могли быть изготовлены и удэгейскими ювелирами из завезённого серебра. Следую-

щие два браслета интересны тем, что один из них выполнен китайскими ювелирами, а второй местного происхождения, на нем отсутствуют клейма и он отличается менее тщательной отделкой (МПК 4019-17, М 3874; МПК 4019-17а, М 3875), по форме же они повторяют мужские парные браслеты, только прут у них более тонкий и украшения явно не парные. Их отличают размер, толщина прута и тщательность отделки. Кольца и браслеты — очень распространенные украшения у удэгейцев, браслеты носили с детского возраста до старости. Правила ношения украшений были связаны с полом владельца: женщины носили браслеты на обеих руках, а кольца на всех пальцах, мужчины — браслеты надевали на правую руку. Количество украшений ограничивалось состоятельностью владельца. Зажиточные члены общины могли носить на каждой руке от трех до пяти серебряных браслетов, бедные — один медный [9].

Мужской браслет (МПК 4002-1а)

Передача в фонды украшений, бывших когда-то семейным состоянием, говорит о том, что в середине XX века у удэгейцев была нарушена преемственность поколений. Стремительное изменение свадебных и погребальных обрядов, костюма — все это способствовало тому, что музеи стали последним прибежищем для предметов традиционной материальной культуры. Юрию Михайловичу Дегтярёву, с одной стороны, удалось заставить последних носителей традиционной культуры, сохранивших обрядовость, ещё не подвергнувшуюся социальным трансформациям середины XX века, а с другой — он зафиксировал стремительные изменения, происходившие с поколением молодых удэгейцев: смену образа жизни, бытовых привычек, заня-

Женский свадебный браслет (МПК 4002-2а)

тий, места проживания, формы жилища, переход к унифицированной государственной системе образования, к европейской одежде. Поэтому столь разнообразна была собранная им коллекция: это и предметы, выполненные в середине XX века, часто изготовленные по заказу исследователя, и вещи, хранившиеся в семьях с XIX века и передававшиеся от поколения к поколению.

Ни у кого не вызывает сомнения роль музейных этнографических коллекций для сохранения культурного наследия региона и страны в целом. Активная каталогизация этнографических фондов ведётся Хабаровским государственным объединённым музеем им. Н. И. Гродекова. Коллекции этнографов конца XIX — начала XX века, хранящиеся в ПГОМ, также частично исследовались и публиковались. Благодаря работе В.В. Кобко были изданы каталоги «Этнографические коллекции по народам крайнего Северо-Востока Азии в музее имени В.К. Арсеньева» [14] и «Каталог коллекций Б.О. Пилсудского в Приморском государственном объединённом музее им. В.К. Арсеньева» [5], к 130-летию со дня рождения Владимира Клавдиевича Арсеньева был издан «Каталог фонда В.К. Арсеньева в Приморском государственном объединённом музее имени В.К. Арсеньева» [6]. СобираТЕЛЬСКАЯ же работа сотрудников музея середины XX столетия и, в частности, Ю.М. Дегтярёва была представлена во всех последующих этнографических экспозициях музея, а вот подробное изучение коллекции и её издание ещё впереди.

1. Арсеньев В.К. *Китайцы в Уссурийском крае*. Хабаровск: тип. Приамурского Генерал-губернатора. 1914. — 203 с.
2. Аташеникова Е.В. Зоо- и фитоморфные подвесные украшения жемчужней Приморья // Десятая междунар. дальневосточ. конф. молодых историков 15-18 мая 2006 г.: сб. материалов / Дальневост. отделение, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток 2009. — С. 238–250.
3. Ботякова О.А. Музей этнографического профиля в контексте образования и культуры России // Электронная научная библиотека диссертаций. URL: <http://cheloveknauka.com> (дата обращения 04.08.2017).
4. Браиловский С.Н. Тазы, или удихз: опыт этнографического исследования // Живая старина. 1901. Вып. 2. С. 129–216 // Электронная библиотека РГО. URL: <https://lib.rgo.ru/dsweb/View/ResourceCollection> (дата обращения 07.08.2017).
5. Каталог коллекций Б.О. Пилсудского в Приморском государственном объединённом музее им. В.К. Арсеньева сост. В.В. Кобко // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск: Изд-во Сахалинского государственного областного краеведческого музея. 1999. № 2. 152 с.
6. Каталог фонда В.К. Арсеньева в Приморском государственном объединённом музее имени В.К. Арсеньева сост. И.Г. Яцкова, Ю.А. Яроцкая, В.В. Кобко. Владивосток: ОАО «Приморский полиграфический комбинат», 2002. — 99 с.
7. Клименко И.И. Приморский краеведческий музей В.К. Арсеньев в Приморском краеведческом музее // Арсеньевские чтения. 7–8 апреля 1984 г.: тез. докл. и сообщений. Хабаровск: Изд-во Хабаровского краевого муз. им. Н.И. Гродекова. 1984. С. 12–16.
8. Маретин Ю.В. Учёный-патриот В.К. Арсеньев: основные проблемы изучения жизни и трудов // Арсеньевские чтения. 7–8 апреля 1984 г.: тез. докл. и сообщений. Хабаровск: Изд-во Хабаровского краевого муз. им. Н.И. Гродекова. 1984. — С. 7–8.
9. Михайлова Е.А. Семейные украшения народов Сибири // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: <http://kunstkamera.ru/lib/rubrikator> (дата обращения 09.09.2017).

10. Неглинская М. А. Ювелирные украшения ши // *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Т. 6 (дополнительный): Искусство / ред. М. Л. Титаренко и др.* — М.: Вост. лит., 2010. С. 325–329.
11. Поправко Е. А. Приморский краевой краеведческий музей им. В. К. Арсеньева в период десталинизации (1953–1964 гг.) // *Десятая междунар. дальнев. конф. молодых историков 15–18 мая 2006 г.: сб. материалов.* Владивосток: Дальневост. отделение, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 2009. С. 115–123.
12. Поправко Е. А. Повседневная жизнь Дальневосточных музеев в условиях войн и революций начала XX в. // *Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф. СПб., 2017.* С. 92–97. [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/47922728-Ekstremalnoe-v-povsednevnoy-zhizni-naseleniya-rossii-istoriya-i-sovremennost-k-100-letiyu-russkoy-revolucii-1917-g.html> (Дата обращения 08.09.2017).
13. Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: этногенетический аспект. — М.: Наука, 1984. — 246 с.
14. Этнографические коллекции по народам крайнего Северо-Востока Азии в музее имени В. К. Арсеньева сост. В. В. Кобко. — Владивосток: РИО Примупрополиграфиздат. 1990. — 176 с.

Список сокращений:

МПК — Музей Приморского края

НВ — Научно-вспомогательный фонд

ПГОМ имени В. К. Арсеньева — Приморский государственный объединённый музей имени В. К. Арсеньева

А. В. Петрук,
Приморский государственный объединенный
музей имени В. К. Арсеньева,
г. Владивосток

УТРАЧЕННАЯ РУКОПИСЬ «СТРАНА УДЭХЕ»: НОВАЯ ИСТОРИЯ СТАРОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Большая удача для любого региона — иметь своего исследователя — человека, который этот регион знает как никто другой и готов это знание транслировать. Приморью в этом смысле повезло: здесь жил и работал Владимир Клавдиевич Арсеньев — путешественник, исследователь, писатель. В начале XX века он стал одним из первых исследователей нового региона, малоизведанного и почти совсем к тому времени не описанного.

Родился в Санкт-Петербурге, окончил пехотно-юнкерское училище, и, заразившись идеей путешествий из лекций своего преподавателя — известного путешественника М. Е. Грум-Гржимайло, — стал грезить Восточной Сибирью. Подал прошение о переводе на службу во Владивосток, прибыл сюда в 1900 году и остался на всю жизнь, полюбив этот край всей душой. За тридцать лет В. К. Арсеньев исходил территорию вдоль и поперек, покрыв ее сетью экспедиционных маршрутов, собрал богатые коллекции по ботанике, геологии, зоологии, этнографии, археологии. По материалам своих путевых дневников он опубликовал более 60 научных работ и около десятка литературных трудов, снискавших ему писательскую известность: «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня» и др.

Для современников было очевидно то, что В. К. Арсеньев — настоящий энциклопедист: он обладал обширными познаниями в разных отраслях, накапливал опыт практических исследований, постоянно конвертируя его в научные статьи, лекции, учебные пособия. Из-за внезапной смерти Арсеньева в 1930 г. многие из его сочинений так и не увидели свет. В одном из последних писем, адресованных своему биографу Ф. Аристову, В. К. Арсеньев упоминает о трех важных проектах, в реализации которых он был особо заинтересован. Это подготовка и издание книг, материал для которых он собирал и осмысливал в течение всей своей жизни: «Страна Удэхе», «Теория и практика путешественника», «Древности Уссурийского края». Не случайно «Страна Удэхе» открывает список работ: автор считал ее делом всей своей жизни. Материал об удэгейцах В. К. Арсеньев собирал многие годы. Именно он выделил этот народ в отдельную этническую общность (его предшественники называли удэгейцев «орочи-удэхе», смешивая с другой народностью — орочами). Он собирал предметы материальной культуры, изучал язык, обряды, занятия и верования. Упоминания о книге, готовой или почти готовой к изданию, встречаются в более чем двух десятках писем Арсеньева. В 1926 г. он опубликовал небольшую работу «Лесные люди удэгейцы», в которой частично систематизирован собранный к тому времени материал. Большая, обстоятельная монография об удэгейцах была на подходе.

Из переписки Арсеньева с коллегами-учеными известно, что рецензентом рукописи «Страна Удэхе», запланированной как двухтомник, согласился стать профессор МАЭ

Л.Я. Штернберг. В 1924 г. Владимир Клавдиевич встречался с ним в Ленинграде, в октябре 1925 г. написал ему письмо, где упомянул о своем намерении освободиться от всех работ и закончить труд «Страна Удэхе», а в 1926 г. обратился с просьбой стать редактором этой монографии. Однако внезапная смерть Л.Я. Штернберга в 1928 г. отодвинула издание книги на неопределенный срок. Мы не знаем наверняка, искал ли Арсеньев другого рецензента. В сентябре 1930 г. он умер, и рукопись так и осталась неизданной. Судьба рукописи до сих пор неизвестна. Скорее всего, она была изъята при аресте супруги Арсеньева Маргариты Николаевны, обвиненной в контрреволюционной деятельности и расстрелянной в 1938 г. Соседка Арсеньевых, которая была понята при обыске, позднее утверждала, что сотрудники НКВД вывели из квартиры девятнадцать мешков с документами. Скорее всего, и рукопись была там...

Однако есть и другая версия развития событий. Она опирается на тот факт, что последним, кто навещал Арсеньева перед смертью, был его друг — врач Владивостокского морского госпиталя Федор Альбертович Дербек. В начале 1930-х гг. Дербек эмигрировал в Германию, а в 1956 г. в городе Дармштадте (ФРГ) на немецком языке вышла книга «Лесные люди удэге. Исследовательские путешествия в районах Амура и Уссури». Автором книги значился некто Фридрих Альберт. Современные исследователи арсеньевского наследия считают, что за этим именем скрывается Ф. Дербек. Перевод книги на русский язык и анализ текстов и фотоиллюстраций позволяют пролить свет на эту историю и подтвердить или опровергнуть авторство Дербека. Он мог вывезти рукопись из России с целью публикации, а мог быть одним из тех, кому В. Арсеньев доверил рукопись для рецензирования. Будучи членом ОИАК, Дербек, как и Арсеньев, увлекался этнографией, собирал предметы для музея. Однако он не обладал тем исследовательским опытом, который необходим для написания солидного обобщающего труда по этнографии. Это обстоятельство добавляет сомнения в его авторстве.

Таким образом, рукопись утеряна. Может быть, сгнила или сгорела в одном из подвалов НКВД (иногда рукописи все-таки горят). А может, уцелела и лежит в чьем-то личном собрании, неопознанная и заброшенная. В архиве В.К. Арсеньева, который хранится в фонде Общества изучения Амурского края (Приморский филиал РГО, Владивосток) и составляет фонд из более чем 400 единиц, не обнаружено рукописей, относящихся к данной монографии. Есть набросок плана работ по вопросу об удэгейцах с перечислением основных разделов: обычаи, сказки, быт и нравы, промыслы, рождение детей, физический тип и характер, одежда, шаманство, погребение. Часть листов содержат авторскую пагинацию, что предполагает существование рукописи в 700 и более страниц.

Поиски продолжают и приводят иногда к неожиданным открытиям. Так, среди материалов В.К. Арсеньева, рассредоточенных между Приморским государственным музеем и Обществом изучения Амурского края, недавно были обнаружены неатрибутированные негативы и отпечатанные с них фотографии. На снимках, каждый из которых помещен в отдельный конверт, изображены предметы шаманского культа удэгейцев. На обратной стороне фотоснимков рукой Арсеньева — а его почерк легко узнаваем — написаны названия предметов на русском и удэгейском языках. И главное: тут же указаны номера страниц, которым соответствовали снимки (1179, 1183 и т.д.). В научном наследии Арсеньева нет монографий с таким количеством страниц, и это дает основание полагать, что обнаруженные фото предназначались в качестве иллюстраций к утерянной книге. Таким образом, обнаружено первое вещественное доказательство существования «Страны Удэхе». Осталось найти саму рукопись...

Так возникла идея проекта, поддержанного фондом В. Потанина в номинации «Открытая коллекция». Цель проекта — опубликовать обнаруженные фотографии

и предложить современникам — историкам, этнографам, журналистам, культурологам — поразмышлять на страницах издания о судьбе исследователя и его наследия в условиях тоталитарного государства. Одним из первых шагов в реализации проекта стала выставка «В поисках Страны Удэхе», открытая в стенах Приморского музея в канун 145-летия со дня рождения В.К. Арсеньева. Проект стал настоящим событием, поскольку впервые объединил ресурсы трех больших институций — главных держателей арсеньевского наследия: Приморского музея имени В.К. Арсеньева, Общества изучения Амурского края (Приморский филиал РГО) и Хабаровского музея им. Н.И. Гродекова. Выставка, ориентированная на жителей региона, стала первым предъявлением проекта в публичном пространстве.

В числе ближайших планов — работа с вновь открытыми фотоснимками, издание книги, а в перспективе — создание сводного каталога коллекций В.К. Арсеньева, хранящихся в разных музеях страны. Книга призвана расширить контекст исследования, сделав эту историю интересной не только для приморцев, но и для жителей других регионов России.

Н. И. Плотникова

ГАПОУ «Приморский краевой колледж культуры»,

г. Уссурийск

ВОЗВРАЩЕНИЕ К АРСЕНЬЕВУ

*«Ты мой учитель, мой утешитель и друг, ты мой
Храм и моя родина —
шумящий, шелестящий и тихий лес!»*

Слова эпиграфа к данной статье взяты из «Вечной памятки для Воли Арсеньева» [6], составленной для сына русским офицером, писателем, учёным Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым. На наш взгляд, эти слова отражают жизненное кредо известного путешественника. Всю свою сознательную жизнь он посвятил исследованию Дальневосточного края. Приехав из европейского Петербурга в начале XX века в дикий таёжный край, исследуя его, прокладывая тропы по нехоженным местам, он оказался покорён этой территорией, покрытой девственной тайгой, и стал воспринимать её не только как Храм, но и как свою родину. У Арсеньева природа — главный «герой» его произведений. В этом заложен глубокий философский смысл, связанный, с одной стороны, с идеей единения всего живого на земле, с другой стороны, с проблемой проникновения цивилизации, как европейской, так и восточноазиатской, в мир первобытной нравственности и глубокой таёжной тишины, который живёт своей жизнью. Эта «внутренняя жизнь» интересует писателя и одновременно является объектом его глубокого изучения. Он, как учёный и как художник, стремится познать природу, открыть средствами искусства сложные и многообразные законы её развития.

Писатель как бы предвидел взаимосвязь между процессами, происходящими в природе и в общественной жизни (например, уже через 2 года после смерти Дерсу он не смог найти его могилу): «Я не узнал места — всё изменилось: около станции возник целый поселок, в пригорьях Хехцира открыли ломки гранита, начались порубки леса, заготовка шпал... Приметные кедровые деревья исчезли, появились новые дороги, насыпи, выемки, бугры, рывтины и ямы. Все кругом носило следы цивилизации» [1, с. 548]. «...Большие города и столица меня не прельщают, чем меньше людей, тем лучше, а где их совсем нет — там рай, есть ли это усталость, навеянная революцией, или стремление быть ближе к природе есть результат возраста? Быть может то и другое?.. У Вас в Москве я устал от бегов и суеты. Мне захотелось покоя так, как утомлённый ищет сна. Я лёг на свое место в вагоне и убаюкиваемый качанием вагона, сладко уснул. Я долго спал. — И снилось мне, что я плыву на лодке по большой реке, а кругом лес, где все величественно, спокойно, где силы природы проявляются в тишине, где нет суеты и суеты» [4, с. 169]. Данный отрывок из письма интересен не только содержанием, отражающим действительность (это 1924 год), но еще и тем, что в нем звучит мотив любви к природе, к лесу. Своеобразен и его стиль. Владимир Клавдиевич нарисовал картину пережитого, увиденного и, одновременно, дал понять, что от этого ему хочется уйти подальше в лес, в тайгу. Складывается впечатление внутреннего неприятия внешнего мира. И это неприятие он как художник завуалировал жанром сна.

Тема природы, бережного отношения к ней становится одной из ведущих тем его работ, независимо от жанра, в котором она преломляется: будь то статистические отчёты,

научно-публицистические статьи, художественные очерки. Надо отметить, что Арсеньев не сразу пришёл к пониманию этики таёжных жителей, которые считали, что от природы надо брать ровно столько, сколько необходимо для жизни по физиологическим потребностям. В книге «По Уссурийскому краю» Арсеньев не единожды размышляет по этому поводу. Например, он рисует такую картину: «По свойственной казакам-охотникам привычке Мурзин поднял свое ружье и стал целиться в ближайшего к нам сивуча, но Дерсу остановил его и тихонько в сторону отвел винтовку.

— Не надо стреляй, — сказал он.

— Таскай не могу. Напрасно стреляй — худо, грех.

<> К сивучам можно было только подъехать на лодке. Убитого сивуча взять с собой мы не могли; значит, убили бы его зря и бросили бы на месте. Вместе с тем меня поразил Дерсу своими словами. Напрасно стрелять — грех! Какая правильная и простая мысль! Почему же европейцы часто злоупотребляют оружием и сплошь и рядом убивают животных так, ради выстрела, ради забавы?» [1, с. 25]. Дерсу, чувствовавший себя в ответе за всё, что происходило в тайге, в его доме, заставил капитана на многое посмотреть другими глазами. «Всё крутом скоро манза совсем кончай, — сказал Дерсу. — Моя думай, ещё десять лет — олень, соболь, белка пропади есть» [1, с. 254]. В данном случае интуитивная этика «дикаря» Дерсу созвучна мыслям философа-учёного А. Швейцера, создавшего труд об этике благоговения перед жизнью. В частности, он замечает: «Там, где я наношу вред какой-либо жизни, я должен ясно сознавать, насколько это необходимо. Я не должен делать ничего, кроме неизбежного, — даже самого незначительного. Крестьянин, скошивший на лугу тысячу цветков для корма своей корове, не должен ради забавы сминать цветок, растущий на обочине дороги, так как в этом случае он совершил преступление против жизни, не оправданное никакой необходимостью» [7, с. 223]. Этические нормы, выработанные гуманистом А. Швейцером, созвучны этическим нормам, выразителями которых являются путешественник и Дерсу Узала в произведениях В.К. Арсеньева. И биографические сведения о писателе, и его научно-художественные книги дают представление об особом типе человека: ученого-натуралиста и художника одновременно. Они не могут существовать в гармонии, и, как следствие этого, наблюдается раздвоение воли человека, о чем рассуждает Швейцер как об общечеловеческой проблеме: «И я подвержен раздвоению воли к жизни. В тысячах форм моя жизнь вступает в конфликт с другими жизнями. Необходимость уничтожить жизнь или наносить вред ей живет также и во мне. <...> Я добываю себе пищу путем уничтожения растений и животных» [7, с. 223]. Однако богатый жизненный опыт Арсеньева показал, что необходимость использовать человеком природные ресурсы действительно должна иметь ограничительные рамки. Уже первый очерк Арсеньева «Отчет о состоянии охотничье-промыслового хозяйства и жизни животного мира Южно-Уссурийского края» отличается своей острой публицистичностью, проблемностью. Автор призывает к спасению реликтовой тайги, животного мира и при этом дает анализ причин, которые привели к такому плачевному, с его точки зрения, состоянию окружающей природы. Не удивительно, что капитана Арсеньева отличала разумная бережливость, а к использованию животных и птиц в качестве мишеней, тешащих тщеславие или удовлетворяющих любопытство, он относился резко отрицательно. В условиях трудного похода приходилось прибегать к отстрелу зверя и ловле рыбы, но это вызывалось необходимостью. Жадничать своим людям командир не позволял. Так, однажды «стрелки закинули неводок и поймали столько рыбы, что не могли вытащить сеть на берег». Капитан «распорядился взять только несколько рыб, а остальных пустить обратно в воду» [1, с. 322].

Арсеньев всегда проявлял рациональный подход к отстрелу животных и птиц. На протяжении всех страниц его книг утверждалась мысль о том, что человек как наиболее

разумная субстанция должен оберегать тот мир, в котором живёт он сам и все его «братья». Он обязан направлять жизнь природы, изучив его законы, оберегать, защищать её от хищничества, от стихийных бедствий.

Мысль об охране природы, неоднократно звучавшая в книгах Арсеньева, связана с его нежеланием мириться с человеческими глупостями и легкомыслием по отношению к природе. Например, Владимир Клавдиевич в книге «По Уссурийскому краю» пишет: «Любит русский человек погонять зайца, любит травить его только потому, что он труслив и беззащитен. Это не злота, это жестокая забава» [2, с. 64]. «У себя на родине китайцы уничтожили всё живое. У них в стране остались только вороны, собаки и крысы. Даже в море, вблизи берегов, они уничтожили всех трепангов, крабов, моллюсков и всю морскую капусту. Богатый зверем и лесами Приамурский край ожидает та же участь, если своевременно не будут приняты меры к борьбе с хищничеством китайцев» [2, с. 221]. (Следует заметить, что в настоящее время в Китае проводится большая работа по сохранению природного богатства, и это бросается в глаза даже рядовым туристам). Эти слова Арсеньева, написанные в начале XX века, актуальны и в наши дни. Нынешнее «цивилизованное» общество с каким-то необъяснимым безумством губит вокруг себя всё, что может погубить: тайгу с её обитателями, море со всем его миром и даже небо, способствуя созданию в нём «озоновой дыры», а вопрос об изменении климата на планете становится политическим вопросом.

Экологические проблемы всегда волновали Владимира Клавдиевича. Но заметим, что он был человеком, носившим военную форму, поэтому во всех своих произведениях он предстаёт, прежде всего, как защитник родной земли. Пожалуй, из всех офицеров-писателей лишь у него (после Пржевальского) эта миссия обрела исключительно мирный характер в связи с пониманием того, как прекрасна, богата, щедра и еще до конца не познана природа родного края. Но равнодушно наблюдать, как гибнет она от иноземцев, хищнически ее истребляющих, как страдает от отсутствия или недостаточной заботы того, кому принадлежит, и как громко зывает о своей защите Арсеньев не мог себе позволить. Путешественник-исследователь в дневнике экспедиции 1906 года записывает: «Все лесники и объездчики поселены и живут исключительно в русских поселениях или вблизи их специально лишь как бы для того, чтобы контролировать русских крестьян, составлять на них протоколы, привлекать к штрафам по судебной ответственности или арестам за порубки и т.д. Между тем китайские поселения и фанзы бесконтрольно и безнаказанно вне наблюдений рубят лес и грабят тайгу, никем никогда не контролируемые. Мало того, они сумели себя так поставить, что лесники и объездчики не смеют и показываться в места их обитания» [3, с. 56].

Арсеньев на протяжении всей своей деятельности поднимал вопросы, связанные с необходимостью сохранения таёжного богатства. Но не только китайское население занималось вырубкой леса. Так, в путевых дневниках, отрывки из которых были опубликованы в газете «Приамурье» (г. Хабаровск), рассказывалось писателем о селе Кремово, когда-то окруженного тайгой, а в данное время оказавшегося в центре пустыни. При строительстве железной дороги, несмотря на просьбу жителей не рубить лес, его вырубали вчистую. Результат оказался на лицо: «Нигде не видно ни одного деревца, ни одного кустарника... Дальше к востоку в горах растёт какая-то заросль дубняка и берёзы — редкая, корявая, низкорослая, которую никак нельзя признать за лес». Но исследователь называл и другую причину исчезновения тайги — пожары: «Уссурийский край горит! Надо считать, что в настоящее время уже третья часть всех лесов уничтожена пожаром. Если так будет продолжаться дальше, Уссурийский край очень скоро очутится без лесов, но зато с очень стремительными наводнениями» [3, с. 158, 159].

Согласимся, что увиденное и описанное Арсеньевым в начале XX века фактически даёт картину современного состояния дальневосточной тайги и тех проблем, которые возникают в регионе в настоящее время. Но Арсеньев не просто констатирует факт, он глубоко переживает и предлагает проводить пропагандистскую работу среди населения, что не мешало бы делать и современным руководителям края и структурам массовой информации. «До тех пор, пока сами крестьяне не проникнутся сознанием, что лес есть то же хозяйство, только в больших размерах, что река, а в частности и их пашни находятся в тесной зависимости от лесов, никакие лесоустроители, пристава, лесничие, объездчики и лесники помочь не могут» [3, с. 160]. По мнению писателя, сохранённый лес может служить источником доходов населения: дорогостоящий женшень, звери, птицы и многое другое.

Работы Арсеньева, написанные в первое тридцатилетие XX века, актуальны и сегодня, так как в них поднимается вопрос о том, какими должны быть отношения человека к природе, наблюдается осмысление воздействия природы на духовный мир человека, будь то гольд или европеец. В своих книгах он художественно утвердил мысль о том, что соприкосновение с природой рождает в человеке думы о величии и гармонии мироздания, о смысле жизни, о назначении человека, о будущем Вселенной. Можно утверждать, что основные произведения В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня» пронизывает и объединяет одна основная концепция единства «человека и природы», духовной связи человека с окружающим миром. Чувствуя опасность, которую несёт цивилизация, автор призывал людей всмотреться в окружающий мир, такой живой и хрупкий, требующий к себе бережного отношения. Эти мысли писателя важны и в наше стремительное время. Вселяют надежду в разумность человека появившиеся организации по защите природы, правительственные постановления, но, чтобы мир стал краше и сохранился хотя бы в том состоянии, в котором находится сейчас, каждому человеку на планете надо хотя бы не разрушать его.

1. Арсеньев В. К. *По Уссурийскому краю. Дерсу Узала*. — Новосибирск: Книж. изд-во, 1994. — 560 с.

2. Арсеньев В. К. *По Уссурийскому краю. Дерсу Узала*. — Л.: Лениздат, 1978. — 509 с.

3. Егорчев И. Н. «Согласно личного приказа Вашего Высочайшего Величества...».

Секретные экспедиции В. К. Арсеньева. 1911–1913 гг. — Владивосток:

Дальневосточный федеральный университет, 2014. — 292 с.

4. Петряев Е. Д. *Письма В. К. Арсеньева к своему однофамильцу* // *Дальний Восток*. №5. 1962. С. 169.

5. Плотишкова Н. И. *Трилогия В. К. Арсеньева об Уссурийском крае*.

Жанровое своеобразие. — Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2006. — 212 с.

6. ПГОМ им. В. К. Арсеньева Ф. 61, Оп. 1, Д. 22, 3 Л. «Памятка» Воле Арсеньеву.

7. Швейцер А. *Благоговение перед жизнью*. — М.: Прогресс, 1992. — 573 с.

В. В. Подмаскин,
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ТАЗОВ ПРИМОРЬЯ (XIX–XX вв.)

Традиционная культура тазов Приморья является одним из основных источников для изучения их этногенеза и древней истории. Напомним, что духовная культура, в особенности обрядность, как показывают многочисленные этнографические наблюдения, отличаются значительной устойчивостью и преемственностью. Это объясняется тем, что она менее зависима от экономических и географических факторов, чем хозяйство и материальная культура. Естественно, что в области обрядности запечатлелось много черт, отражающих не только архаические особенности культуры, но и древние культурные взаимовлияния.

Фактические данные, характеризующие культуру тазов, накапливаются с середины XIX в. [4, с. 9–19]. В предлагаемой статье в основном обобщаются материалы этнографических экспедиций, собранные автором среди тазов в 1993, 1995, 2002 гг. в с. Михайловка Ольгинского района Приморского края. Сопоставление важных элементов духовной культуры даёт материал для выводов о генетических и историко-культурных связях данного этнического образования.

В середине XIX — конце XX в. тазы жили семьями, в которые входили кровные родственники по мужской линии (обычно двух поколений), их жёны и дети. Число членов такой семьи — 3–4 человека. Наряду с малыми существовали и большие семьи с количеством членов от 13 до 24 человек. Внутренний строй семьи был таков, что младшие её члены всегда подчинялись старшим. Младшие, как правило, находились на попечении старших братьев и сестёр. Брак у тазов, в рассматриваемый период, был моногамным, патрилокальным. Экзогамные нормы сохраняются устойчиво до наших дней. Однако сегодня имеется значительное количество смешанных браков (преимущественно русско-тазовских). Главой семьи обычно являлся старший мужчина зангуди (отец, его брат, отец отца и т. д.). Лица старшего поколения, согласно тазовской системе родства, составляли две группы: по отцовской и материнской линии. В первую группу входили мужчины тазе из поколения дедов (прадедов) и из поколения родителей (группа старших отца и матери, отец по браку и другие мужчины соответственной степени родства по браку). Наличие кровнородственной категории (отец тие, прадеды лау нейне, дева куня, сын чауза, брат по мужу чиюн) отражает китайскую систему родства (ПМА, 1993, сообщение Г. Ч. Лан, Приморский край, Ольгинский район, с. Михайловка). Родственники по материнской линии объединялись в особую группу ма. В неё входили родственники матери яту и по мужской тога. Для определения степени родства тазы пользовались преимущественно классификационными и частично описательными терминами. Все женщины в носу носили кольца.

Этническую окраску принимают обряды, связанные с гигиеной женщины во время родов, при наречении именем. Зимой и летом для роженицы тайсике изготавлили из

коры специальный шалаш супифанг. В.К. Арсеньев отмечал, что «всё должно быть новое, не бывшее ранее в употреблении. Старые вещи брать грешно, от этого будет худо матери и ребёнку. Женщина переходит в шалаш заблаговременно и здесь пребывает до родов. Навешают роженицу старые женщины, они преподают ей советы и делают всё приговление» (ПФРГО. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 28. Л. 123). Кричать или плакать во время родов ни в коем случае не разрешалось, так как это могло привлечь к ребёнку зловредных духов. В родильных обрядах тазов проявляется много сходных черт с аналогичными обрядами удэгейцев нанайцев и орочей [2, с. 161–165]. Такими общими чертами являются представления о беременной женщине, «опасной» для мужчин-охотников, и вытекающие отсюда запреты общения с ней мужчин в дородовой и послеродовой периоды.

Тазы не имели родовых названий. Но у них сохранились фамилии, которые характеризуют этническую принадлежность их носителей. Структура фамилий тазов в большинстве своём китайского типа и представляет собой следующую модель: фамилия отца + имя ребёнка. Например: фамилия Вулайси происходит от Ву — имя отца, Лайси — имя мальчика; фамилия Цунлан — от Цун — фамилия отца, Лан — имя мальчика, фамилия Улайси, У — фамилия отца, Лайси — имя мальчика. Но в отличие от китайской фамилии компоненты этой модели соединены вместе и мыслятся как неделимое целое. В настоящее время за такой фамилией следует имя и отчество русского происхождения [4, с. 23]. Например: Сыр Владимир Васильевич, Утаисин Василий Иванович, Улаиси Надежда Андреевна, Суванжу Кузьма, Уласи Иван, Сёвка Фёдор Алексеевич, Кынцин Василий, Улайси Екатерина Семёновна, Улайси Надежда Андреевна. Сохранились имена-клички — Кандафу (дед), Любиса (от Люба) (ИМА, 1993, сообщение А.Г. Лан, Приморский край, Ольгинский район, с. Михайловка). В именах находят отражение определённые обряды наречения. У тазов имя ребёнку давали родители через месяц после рождения, оно присваивалось на всю жизнь. Выбор имени был мотивирован и сохранял тесную связь с бытом, мировоззрением, традициями. Так, по свидетельству информаторов, мужское имя Тинзэ (золотой) давалось первому мальчику в семье, второму — Инза (серебряный). Бытовали имена, связанные с личностью человека: Фу — богатый, Ян — охотник на горалов. Сохранились имена, обозначающие число: Сецун — первый, Чанцун — третий, Сыцун — четвёртый (сы — четыре). Наиболее типичными были случаи, когда родители выбор имени ребёнка мотивировали природным явлением: Силань (весенний цветок), название связано с рождением девочки в мае; Сонве — мальчик, рождённый в январе; Чузю (чу — осень) — девочка, рождённая осенью (ИМА, 1995, сообщение В.И. Утаисин, Приморский край, Ольгинский район, с. Михайловка).

Свадебная обрядность помогает глубже понять социальную жизнь тазов, а также их этногенез и историко-культурные связи. В семейно-брачных отношениях выявляются древние и более поздние влияния. По свидетельству информаторов, последняя традиционная свадьба между Василием Утаисын и Жени Кэнсын проводилась в 1960 г. Брак оформлялся при помощи обычая колыбельного стговора с уплатой калыма. До замужества невеста готовится стать женой, матерью, хозяйкой. Она постоянно поёт песню «ява, ява ...», где текст характеризует её сострадание о суженом «у неё есть и материя, и пища, но нет жениха, она как сирота». Сваха чиндя и жених синкю отправлялись к невесте синсико на арбе. Во время сватовства пансисэн они договорились о дне свадьбы и размере калыма. Калым состоял из ценных мехов (шкурки выдры, соболя), тканей, серебра, чая. Родители девушки приготовили приданое дунси (у Лан именуется сунли). В приданное вошли покрывало, закрывающее голову и лицо (свадебная фата монляндапу изготовлялась из красной материи по форме четырёхугольника (по краям зашивали медные монеты), постельные принадлежности, верхняя одежда, сундук,

утварь, украшения. Родственники девушки дарили ей одежду и бельё. Возможно, такой факт является отражением былых родовых институтов, регулировавших в прошлом семейно-брачные отношения. В обряде сватовства принимали участие мужчины. После сговора дядька невесты тюдю на руках относил её на арбу на место жениха, по краям садились родственницы со стороны жениха чуняпо. Дядька невесты управлял повозкой (охранял невесту). Жених и двое свидетелей-мужчин пэнсикуя верхом на лошадях сопровождали cortege.

Свадьбу устраивали у жениха во время восхода солнца. Подруги невесты кансисипо вели её под руки в дом жениха. Следом шли жених и два свидетеля. Присутствие на свадебном пире отца и матери невесты не обязательны. Родители жениха, встречая молодых, осыпают их на счастье белыми бумажками. Это символическое действие означало пожелание благополучия будущей семье. Невесту усаживали за стол, подруги снимали фату. Девушка маскировала своё лицо во время старинного обряда знакомства жениха и его родственников с невестой. Подобный обычай маскировки лица на свадьбе известен нивхам, орочам и удэгейцам (ПФРГО. Ф. В. К. Арсеньева. Оп.1. Д. 28. Л. 85). Свадебная трапеза проводилась отдельно для окружения лиц жениха и невесты. Вечером усаживались за общий стол с родственниками жениха и невесты. Для свадебного пира готовили много блюд. Трапеза сопровождалась песнопениями тцанг, танцами и игрой на музыкальных инструментах. После обряда «общей чаши» брак считался заключённым. Невеста оставалась в доме жениха. Подобный обычай отмечен у удэгейцев [2, с.165].

У тазов не было единого погребального обряда. Различные формы погребальной обрядности связаны со сравнительно поздней консолидацией тазов и корректируются конкретными этническими, географическими, религиозными и прочими причинами. Тазы сохранили определённую пестроту в верованиях, что нашло свое отражение в похоронном ритуале.

В традиционной духовной культуре тазов бытовали представления о двух душах человека. Одна из душ пребывала в могиле вместе с телом покойника, и о ней родственники вспоминали только во время поминок. Другая душа улетала на небо и имела влияние на жизнь оставшихся на земле родственников, известно, что в Древнем Китае в её честь устраивали даже кровавые жертвоприношения. Воплощением этой души считалась деревянная табличка с новым посмертным именем умершего человека. Дощечку красили в чёрный цвет и белой краской писали имя умершего, по бокам проделывали отверстия. Распространены были ритуалы и атрибуты культа предков, жертвоприношения духу гор и лесов, охраняющему прирост богатства. Большое распространение у тазов получили кумирни и буддийские обряды [3, с. 152–153].

В погребальной обрядности тазов мэ сохранились наиболее стойкие религиозные элементы. Погребение енисла осуществлялось в неглубоких могилах (50–60 см) на уровне земной поверхности. Хоронили перед восходом солнца. Лицо закрывали покрывалом из белой материи вюса, согласно обычаю лучи солнца не должны попасть на глаза усопшего. Для этой же цели иногда гроб закрывали крышкой в помещении. У тазов Утайсин раньше было постоянное семейное кладбище, обычно хоронили у подножья горы, но иногда, согласно завещанию, предавали земле на месте охотничьего уголья. Хоронили лицом вверх, руки по швам. Покойника клали головой на север, а ногами на юг, чтобы он мог видеть свой дом тя. На дереве ставили зарубку (ПМА, 1995, сообщение В.И. Утайсин, Приморский край, Ольгинский район, с. Михайловка). Для усопшего села (мужчин, женщин и детей) шили из чёрной материи халат нисан, тапочки свеза, штаны куза;

в траурной одежде не должно быть кожаных вставок. Под голову покойнику необходима треугольная подушечка тэнту (мяо санзоу) из белой материи на вате (вместилище души умершего). У женщин погребальная одежда состояла из трёх халатов (зелёный и синий — из грубой хлопчатобумажной ткани, чёрный — на вате санзоу). Халаты застёгивали справа налево на пять пуговиц нюхау. Голову покрывали двумя белыми платками. Особые способы захоронения детей не отмечены. В похоронной обрядности тазов жертвой служил петух кунди. Птице резали горло, чтобы лилась кровь, затем, связав крылья, удаляли перья и ошпаривали. Птиц изображали на гробах. Предварительно жертву оставляли у изголовья покойного, а у ног ставили ведро с продуктами. Во время похорон пищу оставляли в могиле. У тазов сохранились постоянные родовые и семейные кладбища. Обычно они хоронили на склонах гор. Могилы выкапывали неглубокие. В головах они ставили палочку, нанизанную круглыми белыми бумажками, которые являлись эквивалентом денег. Способы погребения у тазов Улайси имели свои обрядовые особенности. Могилы коон выкапывались неглубокие. Сверху насыпали холмик, в головах ставили п-образную пирамиду из трёх камней. Рядом на дереве делали затёс, на котором иногда писали иероглифы. Кладли покойника головой на запад, чтобы он мог видеть восход солнца. Подобный обычай известен удэгейцам [2, с. 187]. На месте похорон выбирали дерево (берёзу, чаще лиственницу), на ветках вешали ленточки из белой материи. На могиле оставляли белые круглые бумажки с дырочкой внутри фа, которые заменяли деньги чан. Деньги для покойника разбрасывали по пути на кладбище (ПМА, 1995, сообщение Н.А. Улайси, Приморский край, Ольгинский район, с. Михайловка). Дочери усопшего носят белые косынки, а сыновья белые пояса из материи, которые называются одинаково — пайцуза. После похорон эти атрибуты бросали в могилу. У орочей мужчины в знак траура заплетали одну косу и вплетали в неё белую тесёмку, женщины оставляли две косы с большими белыми лентами (ПФРГО. Ф. В. К. Арсеньева. Оп 1. Д. 28. Л. 22). Тазы, в отличие от удэгейцев и орочей, вещи в гроб не клали. На могилу у изголовья усопшего они ставили маленький столик чуоза на четырёх орнаментированных ножках с чашечкой для пищи покойнику. Гроб куанзе (кванча) изготовляли по заказу (иногда за 10 лет до смерти) из толстых (10 см) кедровых досок, внутри и снаружи красили в чёрный цвет. В могиле его ставили на настил в виде деревянной решётки. До кладбища гроб везли на арбе с ориентацией покойника вперёд ногами. По сообщению некоторых тазов, раньше покойника хоронили без гроба, перед тем как придать земле, его заворачивали в бересту. Подобный обычай был распространён среди удэгейцев [2, с. 186]. Перед погребением тазы разбивали фарфоровую тарелку. Когда засыпали могилу, сыновья и дочери усопшего должны стоять на коленях. Повседневную одежду покойника сжигали на костре. Первые поминки сяпча проводили через 7 дней, вторые паи через 100 дней и последние туня через год. Поминки сопровождалась трапезой у могилы. Обрядовой пищей обязательно служила свинина, салаты, голубцы, картофель, котлеты, папоротник, пророщенная соя и блины. После проведения каждых поминок на дереве оставляли зарубку.

Таким образом, у тазов Приморья сохраняются древние традиции в свадебной и похоронной обрядности (ритуал начинают с восхода солнца). Чёрный и частично белый цвет — траурные. Белый цвет считался траурным у чжурчжэней, удэгейцев и орочей. В новых условиях примитивная архаическая обрядность тазов стала быстро отмирать. Исчез обычай, предписывающий изоляцию роженицы. Упростилась свадебная и похоронная обрядность, отмерли обряды, связанные с выплатой калыма. Иногда наблюдается обычай стрельбы из ружья. Но подобные действия рассматриваются как развлечения.

Больше всего сохранилось традиционных элементов в погребальных и поминальных обрядах. Среди молодёжи утвердилось современное отношение к кладбищу. Надгробия

рассматриваются как память об умерших близких, разработана внешняя сторона со-временного погребального ритуала, формируется новая обрядность с учётом местных традиций.

-
1. Арсеньев В. К. Лесные люди удэгейцы: в 6 т. Владивосток: Примиздат, 1948. Т. 5. С. 139–188.
 2. Подмаскин В. В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX–XX вв. Владивосток: ДВО РАН, 1998. — 228 с.
 3. Подмаскин В. В. Этномедицина и этнодиетология в истории и культуре народов Дальнего Востока России (XVIII–XX вв.). Владивосток: ИИАЭ НДВ ДВО РАН, 2011. — 304 с.
 4. Сем Ю. А., Сем Л. И. Тазы: этническая история, хозяйство и материальная культура (XIX–XX вв.) // Тр. Института., ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН: этногр. исследования. Владивосток: Дальнаука, 2001. Т. 10. — 172 с.

Список сокращений:

ПМА — полевые материалы автора.

ПФРГО — Приморский филиал Русского географического общества.

С. А. Рыбальченко,
Литературно-мемориальный музей А. А. Фадеева,
филиал Приморского государственного объединенного
музея имени В. К. Арсеньева,
Приморский край, с. Чугуевка

ТОПОНИМИКА В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЯ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ФАДЕЕВА

«Велика наша Россия. Это становится особо зримо, если посмотреть на карту земного шара. Но есть еще и особая карта — литературная. И на этой карте есть Болдино и Михайловское, есть Спасское-Лутовиново и Ясная Поляна, есть станция Вешенская и село Константиново. И есть на этой литературной карте Чугуевка. Весь мир знает Приморский край только потому, что здесь жил Фадеев...» [17, с. 2]. Одной из важных сторон биографии писателя считается место, где он был рожден и провел детские годы — иначе говоря, малая родина. Существует тонкая и сложная взаимосвязь между художественным произведением и местом, вдохновившим писателя на его создание. Малая родина — это не просто место, это атмосфера, это люди, повлиявшие на развитие в будущем. Увиденное и услышанное в детские и юношеские годы остается на всю жизнь с человеком, а художник, способный воплотить свои переживания в образ, зачастую использует эти впечатления в своих произведениях.

Александр Фадеев родился в селе Кимры Тверской губернии, детские и юношеские годы прошли в Приморье. В 1908 году семья Фадеевых переехала на Дальний Восток, а в конце 1911 года обосновалась в селе Чугуевка Южно-Уссурийского края. «Фадеев был влюблен в могучую природу Приморья с курящимися сопками, великанами-кедрами, разливами непокорных рек, в сильных и мужественных людей — русских переселенцев, туземцев-гольдов, рыбаков и звероловов». [29, с.10]. С юных лет Фадеев зачитывался М. Ридом, Ф. Купером, Д. Лондоном, сам пробовал сочинять рассказы и повести о вольнолюбивых индейцах, писал очерки и рассказы, публиковал их в рукописном ученическом журнале «Общий внеклассный труд». Помнил Фадеев и поездку с группой учащихся Владивостокского Коммерческого училища в город Хабаровск. Большой интерес вызвал у них Хабаровский музей своими богатыми коллекциями по этнографии Дальнего Востока. Музей учащиеся осматривали под руководством его директора, известного путешественника В. К. Арсеньева. Тогда же, в начале 1913 года, по просьбе учащихся В. К. Арсеньев целый вечер посвятил рассказу о своих путешествиях, охотах и встречах с удэгейцами, орочами, ульчами. Теплое отношение путешественника к этим народам произвело на учащихся глубокое впечатление. Недаром спустя много лет, собирая материалы для своей книги «Последний из удгег», писатель вспоминал свои встречи с замечательным путешественником и говорил: «Вот наладим работу нашей писательской организации — и все написанное о Дальнем Востоке издадим: и Федорова-Омулевского, и Буссе, и, конечно, Арсеньева» [18].

«Как писатель, своим рождением я обязан этому времени», — отмечал А. Фадеев, вспоминая о годах гражданской войны. В 17 лет Фадеев вступил в РКП (б) и принял партийный псевдоним Бульга. «Фадеев жил в землянках, шалашах, ходил в разведку, возвращался с поручениями в город и снова уходил в сопки и тайгу. Участвовал в упорных боях с белогвардейцами и японцами под Спасском, Хабаровском и в Забайкалье, был тяжело ранен» [28, с. 5]. В партизанском отряде Александр Фадеев прошел путь от рядового бойца и политрука пулеметной команды до комиссара бригады. «Фадеев носил с собой в полевой сумке несколько толстых тетрадок, в которых делал обстоятельные записи... Они сослужили нам не раз хорошую службу. Когда нужно было получить обстоятельные сведения о каком-нибудь селении и его людях, Лазо и я вызывали из отряда Сашу Фадеева и просили его прочесть соответствующие записи из его тетрадок», — вспоминал М. И. Губельман. Осмыслия события революции и гражданской войны, Фадеев задумывает создание широко эпического полотна из жизни Дальневосточного Приморья, так возник замысел романа-эпопеи «Последний из удэге». Его первая повесть «Разлив» (1923 г.) и рассказ «Против течения» (1924 г.), а также роман «Разгром» (1924–1926) родились из огромного жизненного материала, которым располагал молодой писатель [15, с. 8]. Произведения об уже отшумевших событиях революции и гражданской войны на Дальнем Востоке воспринимались читателями как весьма актуальные. Фадеев уловил главные закономерности эпохи, те связи, которые соединяют день вчерашний и день нынешний, он отразил в своих произведениях значительные события в обществе, происходившие в начале XX века в нашей стране. Фадеев был «своим» для жителей Приморья в далекой столице, а его произведения сделали нас «своими» для европейской части государства. Если раньше Дальний Восток был каким-то затерянным в лесах «оплотом белой армии», то с популяризацией книг Александра Фадеева читатели начали воспринимать Дальневосточный край как полноправную часть единого неделимого государства.

В настоящее время вырос интерес к топонимам в творчестве А.А. Фадеева. Все чаще можно услышать вопрос: «Почему в произведениях Фадеева есть названия, которых нет на современной карте»? «Что послужило причиной переименования причудливых названий рек и населенных пунктов»? «Почему именно так, а не иначе названа река Уссури, село Чугуевка»? На наш взгляд, тема топонимики в ранних произведениях А.А. Фадеева сегодня очень актуальна и востребована. Литературное наследие Александра Фадеева занимает немаловажное место в русской литературе и культуре, исследованы многие аспекты его жизни и творчества, но работы, посвященной исследованию топонимов в его ранних произведениях, не встречалось. К теме топонимики в романе «Разгром» А. Фадеева обращались: приморский писатель Авченко В.О. «Разгром век спустя»; филолог из Владивостока Рублева О.Л., Кулакова Е.А. «Топонимическое пространство романа А. Фадеева «Разгром»». «На языке науки топонимика — это история географических названий. На языке чувств топонимика — это Родина, место, где мы родились, к которому пожизненно прикипели душой, сроднились с предметом ее изучения — названиями родной земли. Названия эти вошли в нас так естественно и прочно, как имена родителей и самых близких людей» [12, с. 72]. Топонимы это не просто имя какого-либо географического объекта, это исторический след на карте, у которого есть собственная история возникновения, языковое происхождение и смысловое значение. Появление топонимов на картах Дальнего Востока можно разделить на три основных исторических периода: 1) названия, данные русскими землепроходцами в XVII в., 2) названия, нанесенные на карту первыми географическими экспедициями, данные администрацией края, первыми переселенцами во второй половине XIX — нач. XX в., 3) названия, появившиеся в советский период. По информации, которую несут в себе топонимы Приморского края, можно классифицировать следующим

образом: особенности приморского ландшафта; экономика края в топонимике; особенности освоения и заселения края; страницы истории; имена на карте края; православие на карте края. Применение Фадеевым топонимов во всех их разновидностях — названия городов, волостей, сел, деревень, рек, заливов, горных хребтов, вершин, холмов, долин — стало отличительной чертой ранних произведений писателя, делающих их не похожими на любые другие в русской литературе. В названиях звучит прошлое Дальневосточного края, его культура. Это значит, что практически каждый топоним, упоминаемый Фадеевым на страницах произведений, может быть найден и отмечен на географической карте России. Как реальные, так и вымышленные топонимы в произведениях Фадеева обозначают определенное пространство, конкретизируют и ограничивают место действия, где развиваются события, и в то же время они остаются как бы «застывшими», наименования не изменяются ни во времени, ни по форме. Образ времени и места действий построен на реально-географических параметрах, отражена специфика ситуации конкретного места в истории гражданской войны — на Дальнем Востоке и в Приморье. «По словам разведчика, главный японский штаб стоял в Яковлевке. Две роты из Спасск-Приморска передвинулись в Сандагоу, зато Свиягинская ветка была очищена, и до Шабановского Ключа разведчик ехал на поезде вместе с двумя вооруженными партизанами из отряда Шалдыбы». (А. Фадеев «Разгром»). «Если при жизни Фадеева большинство приведенных в ранних произведениях топонимов оставались актуальными, то сегодня текст нуждается в историко-топографической расшифровке. Кроме того, некоторые названия Фадеев, видимо, придумал, создав художественное пространство, пересекающееся с реальностью лишь частично. С одной стороны, по книгам Фадеева можно изучать историю Гражданской войны в Приморье. Первый этап описан в «Последнем из удёг», далее «Разгром» — тоже реальные события, к следующему периоду относится рассказ «Против течения». — С другой стороны, топонимика в произведениях Фадеева достаточно условна. На приморских дорогах и тропах, на сопках и в распадах перемешиваются литература и история, факты и вымысел, прошлое и настоящее» [2].

Создавая одно из своих первых произведений повесть «Разлив», Фадеев использовал воспоминания своей юности о родной Чугуевке и прилегающей к ней деревнях, придавая повествованию больший дальневосточный колорит, изменил название села на Сандагоу. «... Иные события волновали жителей Улахинской долины. Сердце этих событий билось за девять тысяч верст от Сандагоуской волости — в далеком незнаемом Питере, но отзвук этого бияния чувствовался здесь — у южных отрогов Сихотэ-Алиньского хребта» (А. Фадеев «Разлив»).

В ранних произведениях Фадеева топонимы занимают значительное место (около 140 названий). Чаще всего встречаются такие классы топонимов, как ойконимы — названия населенных пунктов, городов, сел, городских поселков, деревень; гидронимы — названия гидро-графических объектов, морей, рек, озер, заливов; оронимы — названия форм рельефа, горных хребтов, вершин, холмов, равнин, низменностей; этнонимы — названия, отражающие наименования племен, народов, наций, антропонимы — названия, в основе которых лежат имена, фамилии людей; хоронимы — названия административно-территориальных единиц, имеющих определенные границы — государства, края, района и т.д.

Самую большую группу топонимов в ранних произведениях Фадеева составляют русские (славянские) названия населенных пунктов. Они связаны с именами и фамилиями основателей, первооткрывателей и чиновников Переселенческого управления, землемеров, высокопоставленных лиц гражданских и военных ведомств. Некоторые

топонимы населенных пунктов отражают отличительные признаки объекта или род занятий жителей. Небольшой группой представлены топонимы, перенесенные из мест выселения, названия, повторяющие географию европейской части страны. Ойконимы: Анучино; Владимиро-Александровское; Бровничи; Владивосток; Воробьевка; Екатериновка; Зеньковка; Известка; Коровенки; Крыловка; Марьяновка; Монакино; Москва; Нерчинск; Николаевск; Николаевка; Новолитовская; Одесса; Ольга; Омск; Орехово; Перятино; Петроград; Посъет; Ракитное; Самарка; Свиягино; Симферополь; Скобеевка; Сниткинский куток; Соломенная; Спасск-Приморск; Томск; Уборка; Утесное; Хабаровск; Хмельницкая; Хмыловка; Чита; Чугуевка; Шкотово; Яковлевка. «Лет десять тому назад окончил Иван Кириллыч Спасск-Приморское трехклассное училище. Он побывал во многих городах и селах Дальнего Востока. Много повидал людей и немало понаделал дел. Вместе с забубенной головой, Харитоном Кислым, участвовал в прокладке тоннеля через Орлиное Гнездо к минному городку Владивостока. Стучал пудовым молотом в военном порту. Грузил ящики на Чуркином мысу. Месил цемент в Спасск-Приморске» (А. Фадеев «Разлив»).

Освоение территории нынешнего Чугуевского района русскими людьми началось в 80-е гг. XIX века, в эпоху массового переселенческого движения на Дальний Восток. «Таксатор Вахович работал в этих краях уже третью весну, прокладывая просеку с верховьев Улаха на Вангоу» (А. Фадеев «Разлив»).

«За Неретиным народ хлынул лавиной. Неумолчно визжали пилы, стучали топоры, в долине редели леса, и пыльный желтый тракт на двести верст прорезал угрюмые дебри от Спасск-Приморска до Сандагоу...» (А. Фадеев «Разлив»). В 1900 году Уссурийская Межевая партия по образованию переселенческих участков и отводу земель переселенцам произвела топографическую съемку в долине реки Улахе. Были составлены проекты и описания 16 будущих переселенческих участков, которые вошли в состав Ивановской волости Южно-Уссурийского округа. «Пришельцы не знали здешних законов. Им чужда была дикая воля Сихотэ-Алиньских отрогов. Они несли с собой свой порядок и свои законы. Так старое смешалось с новым...» (А. Фадеев «Разлив»). «Первый русский пришелец — Кирилл Неретин — поднял твердый коричневый дерн железным плугом, и его свежестроенные амбары ломились от полнозерного хлеба» (А. Фадеев «Разлив»). «Хозяйство у деда Кирилла было крепкое: он жил всей семьей, не разделяясь. Когда старшие сыновья ушли на фронт (младший давно не жил дома), дед не сильно растерялся. Он мог еще работать сам, снохи — дебелие и крепкие бабы из-под Томска — пахали и косили, как мужики, а внуки-подростки тоже ели хлеб не попусту» (А. Фадеев «Разлив»).

Значительное место в ранних произведениях Фадеева занимают иноязычные (китайские и тунгусо-маньчжурские) топонимы. Ойконимы: Бейцухе; Вангоу; Иман; Кангауз; Майхе; Сандагоу; Сица; Сучан; Ханихеза; Хайшеньвэй; Шибиши. «Теми днями шел по инородцам послух, что, уходя из Сандагоу, взял Тун-ло у Неретина чудодейственную бумагу к русскому Старшому в Хай-шинвее...» (А. Фадеев «Разлив»). В конце 50-х годов XIX века отдельные китайцы проникали на территорию края. По роду своих занятий (поиски женшена, добыча золота, охота и ведение торговли с аборигенами) эти отходники проникали в таежные районы, устраивали временные фанзы и жили некоторое время. Затем возвращались к себе на родину. Пришлым китайцам в новых местах необходимо было ориентироваться, и они аборигенные названия передавали, переименовывали на свой лад. В 1858 году М.И. Венюков путешественник, историк, этнограф проводя топографические работы в верховьях р. Уссури, обнаружил в долинах рек Нынту и Фудзина китайские фанзы. После опроса их обитателей он записал

несколько китайских названий близлежащих рек: Ситуха, Сандага, Тадуха. После обработки и изучения полевых исследований была составлена географическая карта Приморья, на которую были нанесены китайские топонимы и гидронимы, впервые обозначена китайская фанза «Сандагоу» [24, с. 12-13]. Совокупность топонимов, распространенных на территории Приморья до 1972 года, характеризует дальневосточную окраину России как место активного взаимодействия трех этнокультурных элементов: русского, китайского и тунгусо-маньчжурского происхождения [10, с. 83-89]. К середине 60-х годов XX века резко ухудшились политические отношения между СССР и КНР. Пиком такого противостояния стали бои между советскими и китайскими войсками за остров Даманский на реке Уссури. В 1972 году, желая раз и навсегда избавиться от чьих либо притязаний на Приморский край, Постановлением совета министров РСФСР № 753 «О переименовании географических объектов на территории Приморского края» все без исключения топонимы, которые звучали не по-русски, были переименованы. В результате наряду с китайскими названиями были ликвидированы топонимы и гидронимы аборигенного происхождения [9, с. 14-15].

Гидронимы в произведениях Фадеева выполняют ориентационную функцию, обозначая характерный объект на местности, взаимодействуя с сюжетной линией текста, с образами, созданными писателем. Амур; Аргунь; Бикин; Вангоу; Вторая речка; Даубихе; залив Петра Великого; Ирохедза; Кангауз; Кедровая; Майхе; Ното; Садучар; Сандагоу; Сундуга; Сунгари; Сунгач; Сучан; Сыдагоу; Тетюхинская бухта; Тудо-Вака; Улахэ; Уссури; Уссурийский залив; Ханка; Хаунихедза; Фудзин; Хор; Цимуха; Шабановский Ключ; Эрльдагоу; Японское море. «С горы открывался вид на корпуса и трубы военного порта, на залив Петра Великого, на дымную бухту, заставленную судами, на зеленый лесистый Чуркин мыс. За мысом простиралось Японское бирюзовое море, видны были скалистые, поросшие лесом голубые острова» (А. Фадеев «Последний из Удэге»). «Большая река Нота, а Улахэ еще больше. Нота идет в Улахэ на полтора верста ниже Сандагоу, и в этом месте — Самарка. Есть ещеключ Садучар. Он пришел из голубых Сихотэ-Алиньских отрогов и вынес в самое сердце хлебных полей хвойный пихтовый клин. Распрегал Нотовы берега, взбаламутил спокойную воду, натащил тяжелых тяжёлых карчей. Садучар — холодный и суровый красавец» (А. Фадеев «Разлив»). «Это была Центральная протока, вытекавшая из Амура в пятидесяти верстах выше Хабаровска и впадавшая в Уссури верст на сорок выше того же города. Пароход должен был спускаться по Уссури до устья протоки и, свернув в нее, идти против течения до тех пор, пока не попадет в Амур (А. Фадеев «Против течения»).

Используя в произведениях разные виды топонимов, Фадеев создает «своего рода контурную карту, на которую накладывается действие». Они взаимодействуют с другими языковыми способами воспроизведения действительности, играя в контексте яркую и выразительную роль. «Левинсон решил заночевать в тайге, потому что не был уверен, что низовье Хаунихедзы свободно от неприятеля. Однако он надеялся, что даже в этом случае ему удастся, прощупав путь разведкой, пробраться в долину Тудо-Ваки, богатую лошадьми и хлебом» (А. Фадеев «Разгром»).

Малочисленной группой в произведениях Фадеева представлены топонимы «прозвища». «Это неофициальные названия объектов (преимущественно районов города Владивостока), которые отражают внутренние, отличительные признаки, например: Гнилой угол — район за Луговой, где были болота, луга, откуда на город наплывал туман. Топонимы варианты — это чаще всего укороченные варианты от официальных названий: Голубинка — Голубиная падь, Куперовка — Куперова падь, Корейка — Корейская слободка» [13, с. 47-49].

«По эту сторону бухты теснились расцвеченные солнцем дома: они, лепясь, лезли на гору; видна была извивающаяся, кишачая людьми лента главной улицы и вливающаяся в нее боковые пересеченные улочки. Влево и вправо по горам и падам в дымке от фанерных заводов и мельниц тянулись слободки — Рабочая, Нахальная, Матросская, Корейская, Голубиная падь, Куперовская падь, Эгершелд, Гнилой угол» (А. Фадеев «Последний из удэге»). Оронимы названия форм рельефа, горных хребтов, вершин, холмов, равнин, низменностей, нередко встречаются в произведениях Фадеева.

Хребет Дзуб-Гынь; Дубовая сопка; Лейборадза; Орлиное гнездо; Сихотэ-Алинь; Тигровая падь; Тудо-Вака, Тудо-Вакская долина, Тудо-Вакский тракт; Чиндалаза; Чуркин мыс. «После многоверстного перехода через Удегинский отрог, во время которого отряд питался только виноградом и попаренными над огнем грибами, Левинсон вышел в Тигровую падь, к одинокой корейской фанзущке в двадцати верстах от устья Ирохеды» (А. Фадеев «Разгром»). Чаще всего упоминается ороним — Сихотэ-Алинь — старое название — Дзубгэ. Дзуб-Гынь — гольдское название Сихотэ-Алиня. «На востоке, обившись сырыми туманами, сгорбил мощную спину Сихотэ-Алиньский хребет. Крался там по иглистым тропам маньчжурский полосатый тигр, утонул во мху когтистой бархатной лапой. И, может быть, еще тише и скрытней пробирался за ним — шебуршал отполированным в траве улом — седой и молчаливый таежный сын, Тун-ло» (А. Фадеев «Разлив»). Сихотэ-Алинь — главная горная система Приморья, все остальные земные объекты как бы подчинены ему: все реки берут начало с его многочисленных вершин, «древних сихотэ-алинских отрогов», и текут по долинам, а в долинах, по берегам рек, селятся люди, ставят села и деревни. И потому имена гор, падей, населенных пунктов, как эхо, вторят друг другу: река Улахэ — Улахинская долина — улахинские притоки; село Сандагоу — река Сандагоу; село Ханихеза — река Ханихеза — урочище Ханихеза» [22].

В произведениях Фадеева присутствуют этнонимы — живые свидетели, сохранившие до наших дней названия древних племен, народов. Гольды, китайцы, корейцы, маньчжуры, орочи, русские, тазы, удэге, хунхузы, японцы. В описании быта, нравов, характеров представителей разных этнических групп писатель опирался на исторические источники, этнографические очерки и в первую очередь на исследования и книгу В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю». Судьбы представителей этих групп показаны в обстановке кануна первой мировой войны, периода войны, революции, интервенции и партизанского движения на Дальнем Востоке. «Где-то еще жил в ладу с таинственной силой неизвестный и неисчислимый, как песок, народ китайцы. Оружие, материи, посуда, орудия для обработки земли шли от китайцев к маньчжурам, а от маньчжуров попадали к племенам, кочевавшим по рекам за хребтом Дзуб-Гынь...» (А. Фадеев «Последний из удэге»). Писатель проделал большую работу по изучению быта, условий жизни, общественного устройства и семьи удэгейцев. Накапливая материал, писатель ориентировался на художественное изображение быта и внутреннего облика человека родового строя в Дальневосточном крае. «Племя удэге кочевало в широкой и очень длинной полосе лесов и рек, протянувшихся между хребтом Дзуб-Гынь и океаном, и по ту сторону хребта, по течением рек Бикина, Хора, Имана, Улахэ, Даубихэ — рек, получивших эти названия много позже от китайцев. Эти реки впадали в одну большую реку, за которой жил народ маньчжуры» (А. Фадеев «Последний из удэге»).

Изучение истории родного края с помощью топонимики в ранних произведениях А. Фадеева служит прекрасным средством стимулирования познавательного интереса к прошлому и настоящему своей малой родины. Это уникальная возможность стать ближе к нашим предкам, понять, как и чем они жили, а значит, лучше познать самих себя. Когда читаешь произведения Александра Фадеева и обнаруживаешь в них названия родных тебе мест,

в душе возникает чувство гордости, искреннего восторга и огромного уважения к писателю, прославившему Дальний Восток, Приморский край на страницах своих произведений. «Фадеев — человек-легенда, человек-эпоха, человек-совесть. Какую интересную, непростую жизнь он прожил. Важная часть этой жизни прошла на земле, на которой мы с вами сейчас живем. Давайте помнить об этом и гордиться нашим выдающимся земляком» [19, с. 6–7].

1. Авченко В. О. Фадеев. М.: Молодая гвардия, 2017. — 366 с.
2. Авченко В. О. Разгром век спустя // Новая газета во Владивостоке. 20.06.13. №192, [Электронный ресурс]. URL: <http://novayagazeta-vlad.ru/192...razgromveksputya>
3. Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер. — М.: Наука, 1985. — 143 с.
4. Айзек Азимов. Слова на карте. Географические названия и их смысл. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 367 с.
5. Алексахина Н. И. Александр Фадеев и Дальний Восток. — Владивосток: Красное знамя, 1990. — 32 с.
6. Беляев Б. Л. О ранних литературных опытах А. А. Фадеева // Ученые записки Красноярского педагогического института. 1959. Т. 13. С. 102–115.
7. Бондалетов В. Д. Русская ономастика: учебное пособие — М.: Просвещение, 1983. — 224 с
8. Владивосток в названиях от А до Я: топонимический лингвострановедческий словарь — О. Л. Рублёва. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та 2010. — 276 с.
9. Груздев А. И. Концепция возвращения исторических географических названий в Приморье // Вторая Приморская краевая научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры». — Владивосток, 1992. С. 80. [Электронный ресурс]. URL: <http://toponimika.ru?p=138>
10. Зуенко И. Ю. Китаеязычная топонимика Приморского края как результат межкультурного взаимодействия в Дальневосточном регионе // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 2011. № 17. С. 83–89.
11. Жуков И. И. Фадеев. — М.: Молодая гвардия, 1989. — 333 с.
12. Торопов А. А. Топонимика — источник изучения истории края // Исторические названия — памятники культуры: материалы научно-практической конференции. Владивосток, 1990. — 95 с.
13. Киселева М. О. Функционирование топонимов г. Владивостока // Исторические названия — памятники культуры: материалы научно-практической конференции. Владивосток, 1990. — 95 с.
14. Калинин В. М. От литературной ономастики к поэтонимологии // Вопросы ономастики., 2006. № 1. 65 С.
15. Коваленко С. А. Александр Фадеев. — М.: Знание, 1976. — 60 с.
16. Колодей Л. В. Церковь в таежном углу [Электронный ресурс]. URL: <http://arseniev-eparhia.ru>
17. Кундель Н. И. Есть такое село на литературной карте // «Наше время». 14.11.2001 г. № 91.—4 с.
18. Кучерявенко. В. Фадеев во Владивостоке — Мои статьи... [Электронный ресурс]. URL: http://museumprim.ucoz.ru/publ/v..fadeev_vo_vladivostoke...
19. Ларькова Н. Наш земляк Александр // Бизнес Ар. 2017. № 26. С. 6–7.
20. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. — М.: Аз, 1996. — 928 с.
21. Владивосток в названиях от «А» до «Я»: топонимический лингвострановедческий словарь. О. Л. Рублёва — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. — 220 с.
22. Рублева О. Л., Кулакова Е. А. Топонимическое пространство романа А. Фадеева «Разгром» // Филологические чтения памяти Н. И. Великой: сб. науч. ст. — Владивосток, 2006. С. 155–165 [Электронный ресурс]. URL: <http://toponimika.ru?p=47>
23. Сазыкин А. М., Глушко А. А. Краеведение в Приморском крае // Материалы научно-практической конференции, 2 апреля 2012 года. — Уссурийск, 2012. — 110 с.
24. Соловьёв Ф. В. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. — Владивосток, 1975. — 221 с.

25. Творчество А. А. Фадеева в контексте русской литературы 20 века // *Материалы юбилейной научной конференции сент. 2001 г. — Владивосток, 2002. — 208 с.*
26. Тыцких В. М. Сто лет — Фадеев остается // *Творчество А. А. Фадеева в контексте русской литературы 20 века: материалы юбилейной научной конференции: Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2002. С. 70-78.*
27. Фадеев А. А. Соч.: в 3 т. — М.: Худож. лит., 1981. Т. 1: Разгром; Рассказы, 1981. — 320 с.
28. Фадеев А. А. Письма дальневосточникам. — Владивосток.: Приморское кн. изд-во, 1960. — 464 с.
29. Фадеев А. А. О времени и о себе. — М.: Молодая гвардия, 1965. — 300 с.
30. Фадеев в портретах, иллюстрациях и документах / Сост. Б. Л. Беляев, В. И. Зарахани, под общ. ред. А. С. Бушмина — М.: Просвещение, 1964. — 340 с.
31. Фадеев А. А. Воспоминания современников. М.: Сов. писатель, 1963. — 557 с.
32. Школьный топонимический словарь: пособие для учащихся среднего и старшего возраста. — М.: Просвещение, 1988. — 224 с.

А. П. Самар,
 Институт истории, археологии и этнографии народов
 Дальнего Востока ДВО РАН,
 г. Владивосток

ДУХИ-ХОЗЯЕВА ТАЙГИ УДЭГЕЙЦЕВ (ПО МАТЕРИАЛАМ В. К. АРСЕНЬЕВА)

Удэгейцы – один из самых малочисленных тунгусоязычных этносов, с давних пор населяют верхнее и среднее течение горных рек юга Дальнего Востока: Ануй, Хор, Самарга, Бикин, Иман. По этому принципу были названы территориальные группы. В отдельных источниках упоминается приморская группа удэгейцев.

В XIX веке удэгейцы были известны под этнонимами яккла, орочи, орочоны, а с начала XX столетия – удихэ, удэге. Под этими этнонимами они были знакомы нижеамурским этносам: нанайцам, орочам, ульчам, негидальцам, нивхам. Названия и самоназвания, которые сформировались на территории Приморья и Хабаровского края и вошедшие в традиционный лексикон окружающих удэгейцев народов, являются подтверждением тесных этнокультурных контактов. Китайцы называли их юй-пъхи да-цзы, что означает «рыбокожие варвары», или «люди, одевающиеся в одежду из рыбьей кожи», у корейцев сохранилось название — учика, маньчжуры — кьякала, орочи — кяка, негидальцы — олчан, эвенки — ламка, ламунка, нанайцы — намунка (ламунка, намунка — морские, приморские жители); нивхи — тозунг. В 20-х годах XX века их называли — удэхейцы [1, с. 3–4].

Уссурийская тайга, разнообразная во всех проявлениях, с красивейшими ландшафтами и удивительной природой, отличающаяся изобилием представителей животного и растительного мира, в полной мере являлась домом для удэгейцев. Окружающая природа полностью обеспечивала их всем необходимым, пропитание они добывали, занимаясь охотой на изюбря и кабана, с удивительной точностью бросали острогу, ловя тайменя и лосося, собирали плоды богатейшей уссурийской флоры. Поэтому тесная связь с многообразным миром тайги и населяющими её духами нашла отражение в представлениях о таежных духах — хозяевах таежных ресурсов. Удэгейцы наделяли их такими привычными элементами своего традиционного уклада, как семья, одежда, промысловыми орудиями, так же как и они на охоте и в передвижениях использовали собак.

Пантеон таежных духов удэгейцев имеет особую индивидуальность, отличается особым тонким знанием этих существ. Описания иерархии духов, которые сделал В. К. Арсеньев, пестрят тончайшими подробностями, поэтому они воспринимаются как реально обитающие в тайге существа. Детальность с мельчайшими подробностями, возможно, является плодом художественного воображения писателя-этнографа, который много лет прожил с удэгейцами. Тем не менее, сохранившееся наследие писателя дает нам возможность погрузиться в мир духов удэгейцев в достаточной мере. В этом отношении ближайшие соседи удэгейцев: нанайцы, орочи и ульчи, остались в стороне от такого тонкого и глубокого анализа. Тунгусо-маньчжуров юга Дальнего Востока помимо общности этногенеза, языкового родства объединяют их древнейшие традиционные верования, т.е. анимистические представления о живой природе и всего сущего. Не уди-

вительно, общий базис наделил тунгусо-маньчжурские народы верой в одних и тех или же близких по функциям духов, населяющих окружающий мир. Особым статусом известен один из важнейших духов — хозяин тайги, местности, гор; Подя у ульчей, нанайцев и негидальцев; Пудза (Фудза) у орочей и удэгейцев. Этот дух, оказывающий наиболее успешным и чтящим законы тайги охотникам особую милость, выражающуюся в богатой промысловой удаче в добыче диких животных. Хозяина тайги охотники представляли как мало отличающегося от них самих, у него есть семья, дети, жена, словом тот же уклад жизни, с трудовыми буднями: охотой и рыбалкой. Как и охотники-люди, каждый дух имел свою «собаку» духа-помощника, при этом собакой он часто фактически не являлся, но при этом выполнял функции собаки, т.е. обладал её сторожевыми функциями, а также помогал на охоте. В пантеоне таяжных духов удэгейцев старшинством над всеми обладал дух *Орку*. В представлениях удэгейцев он похож на человека, местом его обитания считается высокая гора, что в лесу, обычно он среднего возраста, обладает всего одной рукой, ходит на одной ноге, в руке держит копьё и стрелы, пенью, на голове носит шапку из живого зайца — это его собака. На шапке снежный ком. Лицо при этом имеет красное и покрыто шерстью. Подробное описание В.К. Арсеньева существа с половиной отсутствующих частей тела, одна нога, рука — этот образ духа, довольно часто встречающийся в пантеоне культовой скульптуры тунгусо-маньчжуров. Такая трактовка сэвэна в ритуальной пластике говорит о только видимой части духа, «отсутствующие» части тела находятся в параллельном измерении, где присутствующие «там» видят его зеркальное отображение.

Не менее значимое есть в описании духа *Орку* и его духа-помощника, который имеет не «собачьи» черты. Известно, что в славянской мифологии это трусливый, боящийся всех и вся зверек, у удэгейцев же заяц становится помощником могущественного духа и наделен волшебными возможностями, о его статусе говорит положение на голове хозяина. Следующим по статусу выделяется *Уолке*, также имеющий образ человека, обычно это карлик с черным лицом, он держит на привязи кабаргу, которая является его собакой. Одежду носит из шкуры кабарги. Таким положением в этой лестнице духов *Уолке* удэгейцы наделили, вероятно, в связи с дороговизной мускуса кабарги, о чем говорит как сам дух-помощник в образе кабарги, так и облачение *Уолке* в шкуру этого животного. Младшим в этой иерархии считается Багдиһе. Его всегда видят несущего в руках лук и стрелы, палку для лыж тыне. Людям он часто встречается именно в этом образе (Архив ОИАК. Арсеньев В.К. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 248). Низшее положение Багдиһе связано с его функцией постоянно обходить промысловые участки и смотреть за людьми, за соблюдением ими законов тайги (отсюда его частое появление на глаза человеку) и рассказывать старшим по званию об увиденном.

Один из наиболее значимых таяжных духов, известный практически у всех тунгусо-маньчжуров как хозяин промыслового участка — Подя (нанайцы, ульчи), Пудза (удэгейцы) — обладал достаточным могуществом, чтобы наказать неугодного ему охотника за неуважение к нему, за жестокость по отношению к таяжным животным. В связи с этим у многих приамурских народов сложился своеобразный промысловый фольклор, где одним из распространенных персонажей предстает неудачливый охотник, который мстит хозяину местности за неудачу на промысле, за что его наказывает Пудза. Удэгейцы одним из духов помощников Пудза считали земляную жабу, которую запрещалось обижать, потому что она является Пудза инаини, т.е. собакой Пудза. Нарушение такого табу грозило тяжким недугом человеку, нарушившим запрет (Архив ОИАК. Арсеньев В.К. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27 Л. 254). Известно, что средой обитания пресмыкающихся является водная стихия. Так, в представлениях удэгейцев лесная жаба наделена двойственными функциями, помогая своему хозяину одновременно в двух стихиях — в воде и на земле.

Подобным образом складывались представления и по отношению к другим таежным животным, особенно если они имели отношение к промысловым видам. К примеру, при выслеживании дикого кабана, удэгейцы при любых обстоятельствах не сквернословили по отношению к этому животному. Считалось, что Пудза может услышать брань и передать кабанам услышанное, тогда кабаны будут искать случая, чтобы отомстить виновнику. Неслучайно в представлениях удэгейцев могущественный таежный дух Пудза адзани в образе человека и собакой у него служит кабан. В мифологии удэгейцев сохранился сюжет, когда жена Егда позвала кабанов и накормила их (Архив ОИАК. Арсеньев В.К. Ф. 14. Оп. 1. Д. 28. Л. 75).

Таким образом, в мифологии и мировоззрении удэгейцев доминирует доброе отношение к диким животным, где возможны такие элементы человеческого общения, к примеру, как позвать в гости и угостить (в данном случае кабанов). Удэгейцы верили, что доброе отношение к животным обернется промысловой удачей, фартом, которыми может наделить только Пудза. Многочисленный, разнообразный образ Пудза, которого удэгейцы наделили различными духами-помощниками собаками, неслучаен, таким образом, удэгейцы пытались отличать этих духов, которых в их представлениях было великое множество. У каждой речки, сопки, леса был свой хозяин, а так как их было много, возникала необходимость их отличать, разделять по статусу. Например, записи В.К. Арсеньева дают сведения об древнейших представлениях, возможно оставшихся от предков удэгейцев — чжурчжэней о божестве сопки Сан-Син-И, у которого тигры Лао-Ху его собаки. Тигры стоят на страже около входа в жилище божества. Также им упоминаются духи-собаки, сидящие около трона Дян-Чжен-бао (барса) (Архив ОИАК. Арсеньев В.К. Ф. 14. Оп. 1. Д. 106. Л. 1). Несомненно, обладатель такими духами-помощниками, как тигр или леопард, наделен наивысшим могуществом, что ставит его на высокую ступень иерархии таежных духов.

Редкий теперь, медведь тибетский (гималайский) — гуайдеми тэхи буйни (удэг.яз.) — собака Андули Тэхи, также вошел в пантеон духов высокого ранга. Как известно, Андули (удэг. яз.), Эндури (нан. яз.) верховное божество, владеющее всеми сферами вселенной (Архив ОИАК. Арсеньев В.К. Ф. № 14. Оп. 1. Д. 48. Л. 27). Аналогичным термином тэхи пользовались верховские амурские нанайцы, называя так черного щенка, подаренного хозяину ритуала медвежьего культа пурэсиури. Такие представления и ведение таежного хозяйства определили экологические запреты удэгейцев, в которых неразрывно переплетались рациональные и мифологические начала, связанные с почитанием и бережным отношением к животным. Центральное место в них занимали образы тигра и медведя, которые соотносились с общеамурскими формами мифо-экологических воззрений. Каждая персона пантеона духов, начиная с самых незначительных и заканчивая наиболее могущественными, обладала верными духами-помощниками-собаками, которые являются собаками образно, но наделены в представлениях удэгейцев функциями собаки.

В шаманстве удэгейцев, как и у нанайцев, важное значение имеет дух-помощник в образе собаки. У нанайских шаманов это карауляющий дух бонгомди, идущий впереди, предупреждающий шамана об опасности. Подобной функцией наделен удэгейский шаманский дух-помощник тыэнку, который соединен с тыэнку красной паутиной сэво сенгени, связь между духом и шаманом происходила посредством соединения через пупок шамана. Благодаря такой связи шамана и его тыэнку последний понимает все, что говорит и что думает шаман. Во сне удэгейский шаман, как и нанайский, имеет сексуальную связь с тыэнку в этом случае дух принимает образ женщины (Архив ОИАК. Арсеньев В.К. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 279).

Шаманство удэгейцев, их традиционные представления об окружающем мире: небесном своде, тайге, реках и море, имеет огромное разнообразие их обитателей. Как правило, удэгейцы далеко не уходят в своих фантазиях, создавая в своем воображении фантастические существа — их мир населен существами со знакомыми чертами. Это антропоморфные духи-хозяева, у которых помощники таежные млекопитающие и пресмыкающиеся, они являются представителями другого мира, мира духов и божеств, но чтобы сделать их «человечными», традиционное сознание включает в их мир посредника между мирами — собаку. Первое домашнее животное человека, собака, становится духом помощником не только таежных и водных хозяев, но мировоззрением удэгейцев она возносится в небо, где её покровителем являются владыки сфер, небес и вселенной. Духи-хозяева тайги у удэгейцев многообразны как в своем воплощении, так и по своему предназначению, они владеют разными участками тайги, могут хозяйничать в реке и её поймой, владеть горой и её долиной. В целом, их функции сводятся к одному — оберегать и при необходимости наказывать или же поощрять людей за совершенные деяния.

1. История и культура удэгейцев. — Л. Наука, 1989. — С. 3-4.

2. Архив ОИАК. Фонд В. К. Арсеньева. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27.

3. Архив ОИАК. Фонд В. К. Арсеньева. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10.

4. Архив ОИАК. Фонд В. К. Арсеньева. Ф. 14. Оп. 1. Д. 28.

5. Архив ОИАК. Фонд В. К. Арсеньева. Ф. 14. Оп. 1. Д. 106.

6. Архив ОИАК. Фонд В. К. Арсеньева. Ф. 14. Оп. 1. Д. 48.

Т. Ю. Сем,
 Российский этнографический музей,
 г. Санкт-Петербург

МАТЕРИАЛЫ В. К. АРСЕНЬЕВА ПО ТУНГУССКОМУ ШАМАНСТВУ В КУР-УРМИЙСКОМ РАЙОНЕ В НАЧАЛЕ XX в.

В архиве Приморского филиала Русского Географического общества г. Владивостока в первом фонде В. К. Арсеньева хранятся его путевые дневники 1914–1925 гг., в материалах которых имеются разрозненные записи по шаманизму тунгусов р. Урмин (Кур-Урмийский район) (Архив ПФ РГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Путевой дневник 1914–1925 гг. № 1. с. 323–365, 401–406). В данной статье автор взял на себя труд систематизировать эти материалы и написать к ним комментарии.

В. К. Арсеньев в 1914 г. на р. Урмине встретил тунгусского шамана Ивана Денисовича Поротова 67 лет от роду и описал его атрибуты, включая одежду, и процесс камлания. В этих материалах содержатся некоторые новые подробности по шаманству эвенков. Кроме того, нигде ранее не имелось описания шаманских атрибутов и камланий у тунгусов данного региона. В этом безусловная ценность материала и его научная новизна.

ТУНГУССКОЕ ШАМАНСТВО

Как тунгус сделался шаманом

Тунгус Иван Денисов Поротов в настоящее время 67-ми лет от роду, живет на р. Урмине. В роду у него были следующие шаманы: прабабушка, по происхождению бирарка¹, была шаманом, сын ее, его дед был шаманом. Отец его шаманом не был, но была мать шаманка. Сам И. Поротов до 40 лет жил спокойно. В этом возрасте он почувствовал какое-то помутнение в голове, стал бояться людей, удаляться от них, уединяться в лесу. В глазах стали появляться какие-то круги, непонятные предметы². Однажды, уединяясь, он ушел на охоту к сопке с конусообразной голый вершиной. Здесь он устроил бивак и лег у огня. Во сне он увидел на другом берегу молодую девушку с трубкой во рту. Она сидела и смотрела на него. И. Поротов в испуге проснулся и подумал: «Чего же я испугался женщины? Если она пришла ко мне, то я не прочь бы был ее приласкать. И опять стал дремать. Во сне опять явилась эта женщина, обняла его сзади и сказала: «Ты думал сейчас обо мне, вот я и явилась. Теперь я всегда буду с тобой. Я буду помогать тебе, а ты будешь шаманом, только никогда не делай худого людям, иначе тебе от меня будет худо — ты умрешь. Ты людям только помогай. Кто бы ни просил тебя лечить человека или помочь ему в беде, никогда не отказывай — всегда начинай камлать, поможет это или не поможет, все равно»³. Женщина исчезла. И. Поротов проснулся и пошел домой. Чем ближе подходил он к дому, тем больший обуял его страх, в голове крутилось, он чувствовал себя расстроенным. Придя домой, он сел у огня и стал петь. Пел он три дня и три ночи. Все окружающие его удивлялись. Опять во сне явилась женщина и велела ему сделать бубен и в тот момент, когда он проснулся, решил

немедленно взяться за устройство бубна — на него нашло просветление: голова стала ясная, мысли ясные, как и раньше. Женщина в снах являлась ему и говорила, чтобы за камлание он никогда ничего для себя не просил. Ему разрешалось было принимать только добровольные жертвования в виде аксессуаров к костюму. Сначала у шамана И. Поротова был только один бубен, затем у него появился костюм, ошейник, шапка, нагрудник и т.п. — все это подношения. Перед тем как он заблудился около белой конической сопки, И. Поротов имел разные видения: то чье-нибудь лицо, то круги, что-то необъяснимое, мелькнувшее, потом начались галлюцинации слуха, чьи-то слова. Например, иди скорее в воду. Он пошел и в темноте бросился в воду. Когда он окунулся, то очнулся и увидел, что держится за соломину. Он выплыл на берег. Родители его были в тревоге, искали его, бегали по берегу и кричали. Куда он девался. И. Портов ответил: «Я здесь!» и пришел домой здоровым. Шаман стал замечать, что число духов, которые являются ему во время камлания, стало увеличиваться. Их много. Некоторые он не знает по имени и не может их описать. Другие ему известны. Последние наследственны. На первом месте стоит Мокотой (что значит бурундук). Это дух его деда. Он при жизни носил прозвище Бурундука за свою хлопотливость и работоспособность. Потом идет Какань — Мать Мокотоа (шаманка) и Геген — дед бабушки (тоже шаман). Затем идет Делгуну — дух деда (шаман). Неизвестный Ханенку и Кеверень — дух заимствованный от гольдских шаманов. Он всегда помогает женщинам при болезнях и несчастьях. Дух Кеверень представляется ему в виде женщины. Ханенку — постронный дух, он видел его во сне. Дух этот — женщина. Все духи, которые являются ему, — женщины⁴.

Камлание шамана тунгусов

Тунгусский шаман камлает иначе, чем гольдский шаман. Головной убор и сама пляска до нельзя напоминает танцующего краснокожего. Удары бубна чистые в такт пляски. При такой бешеной пляске, когда темп его ускоряется, тунгусский шаман скоро устает, тогда как гольдский плавно танцует, сохраняет силы и может долго камлать. У тунгусского шамана — помощница его жена. Он поет в бубен, а она за ним повторяет певуче его слова. В стороне другой помощник бьет в другой бубен (его сын). Слова, с которыми он обращается к духу, непонятны для окружающих⁵. Перед ним все время тлелся огонь, на котором курился багульник. Жена все время следила, чтобы дым не прекращался. Иногда шаман входил в иступление и тогда сильно тряс головой и неистово кричал. Один раз он, прикрывшись колотушкой, как бы от солнца, смотрит через нее на три стороны перед собой, влево и вправо. Затем она набрала в рот дыма багульника и подула ему в лицо и на бубен. После этого шаман опять посмотрел в нашу сторону через колотушку и подбросил ее вверх, когда колотушка упала на землю — ее подняли окружающие и подали ему. После этого началась неистовая пляска. Так как такая пляска для старика, несомненно, тяжела, он порой останавливался и словно от кого прикрывался колотушкой. Шаман заявил, что сейчас он будет проходить через опасные места. На пути ему встретилась река — шаман плясал, держа бубен сбоку у левой стороны. Чтобы перевести дух, он останавливался и часто смотрел через колотушку. Потом шаман сказал, что в хребте Я-де янге, где живут черти, есть два камня и между ними черти поставили лочек. Ему надо пройти. Шаман бросил колотушку и переходил по ней, как по мосту прыжком. Потом шаман заявил, что вихри его подхватили. «Аво эхальду Кури кя хальду. Пори лякальду. Аво эхальду». Он стал быстро вертеться. Ремни и хвост распростерлись почти горизонтально. Он опять пошел с пляской все быстрее. Устал и опять посмотрел через колотушку. Опять стремительная пляска и опять смотрение через колотушку. Он отдал бубен и прыгая кричал: «Ау!», словно кого хотел напугать. Опять пляска, держа

бубен у ноги с левой стороны, и снова смотрит через колотушку. Шаман сел на землю и тихонько стал бить в бубен и тихонько петь песню, прислонив лицо к бубну. Он на небе у духа и просит его сказать будущее. Это обычная поза, когда он беседует с главным сэвоном. Шаман на небе. Жена его все время подбадривала и одобряла его словами. Шаман просчитал семь чисел. Окружающие его одобряли криками «Га!». Шаман стал рассказывать, описывать путь, который нам надлежит пройти. После длинного пути через реки и горы мы, по его словам, доедем до русского селения, где будет ярмарка. Туда, куда я послал письмо, дойду туда, и там будет большая неприятность, буду сердиться. Человек якут с черным лицом обрадует меня. Дорога будет хорошая — препятствий нигде не будет. Шаман все время смотрел через колотушку и бросал ее несколько раз на землю и потому, как ложилась она, узнавал, удача будет или неудача. Если она ложилась шерстью (горбом) вверх — неудача, если же ложилась шерстью вниз — удача. Шаман сказал, что по дороге мы убьем какого-то маленького зверька. Ему сняли кольцо с руки. Он подошел к самой двери и продолжал петь песню: «А нея нуга ю, А не га дава сэ, А не ду нега я, Я ге доль дэ га. Шо та гель а ча, А не я наде ну, А но дя нады га, А на дэ ге ка на, А доль дэ но ге ну, О юг да га га ну». После этого шаман решил лечить тунгуса Гавриила Попова. Последний сел против шамана на землю. Жена дала что-то выпить шаману. Он положил бубен на землю и стал в него плевать. На бубне оказались плевки крови и в ней мелкие щепки. После этого шамана одел другую шапку тяжелую, украшенную множеством хвостов и рогами. От шапки лицо шамана закрыто, как бахромой. Он сел на землю и опять стал трясти головой и бить в бубен. Шаман отправился, пляска его с ровным темпом обозначает, что он идет по дороге, упал, опять встречается целый ряд препятствий. Шаман идет, возвращается назад, спотыкнулся, много раз запинался. Он стал оглаживать себе колотушкой, потом стал вновь плясать. Жена и сын с усилием переменяли на нем головной убор на более легкий. Шаман сопротивлялся и все время бил в бубен. Пока он бил в один бубен, другой будет сын его нагревать над огнем. Он сел на землю и стал рассказывать о пройденной дороге одному из тунгусов. После всего он стал предсказывать дорогу тунгусу Михаилу Попову, отправившемуся в Хабаровск по поручению с грузами экспедиции. В заключении шаман сел на свое место на кан, стал тихо петь и тихонько бить в бубен — шаманство закончилось⁶. Бубен — это изюбрь, удары в бубен — езда на изюбре, колотушкой он погоняет изюбра. Таковы мысли шамана во время камлания. Кожа бубна изюбриная. Иногда кожа тигра. Какая кожа, на таком животном ездит шаман. Волчий не бывает. Медвежья тоже идет для бубна.

Шаманство тунгуса Ивана Поротова. Дополнения

Один раз И. Поротов с братом пошли по сохатиному следу удя. Это было на р. Тырма в 1899 году. Поротов дошел до вершины ключа и нигде не встретил следа сохатого. Тут он увидел соболиный след свежий и пошел по этому следу. Немного он прошел, как вдруг наткнулся на сохатинный свежий след и пустил собаку с поводка. Собака было бросилась вперед, но вдруг испугалась, поджала хвост и съежилась. Тогда он взял собаку вновь на поводок, зная вперед, что без собаки сохатого ему не догнать. Поротов заинтересовался, откуда взялся сохатый и потому пошел обратным его следом. Оказалось, что сохатый вышел из чащи сиги. За ней виднелась полянка, а за ней опять чаща. Когда он вышел на полянку, он увидел большого сохатого, выходящего из чащи. Поротов решил, что это другой сохатый, идущий по следу первого. Поротов притаился. Когда сохатый приблизился, он стрелял его. Дым рассеялся и на следу второго сохатого не зверя не оказалось. Поротов решил, что ему показалось. Он вернулся на соболиный след. Тут лежало три бурелома. Он вскочил на пер-

вое дерево, потом на второе, со второго — на третье. А когда хотел соскочить на землю, с ним сделалось дурно, и он упал на землю, потерял сознание. Когда он очнулся, то увидел, что нога его проткнута острым сучком насквозь. Подергал руками сучок и не мог его вытащить. Вспомнил он, что у шапки его есть ремешок септун ухинь. Он снял шапку, привязал его, на суке сделал зарубку, потихоньку подергал — больно, тогда он намотал на руку веревку вместе с шапкой, сразу сильно дернул, вырвал сучок и сразу потерял сознание. Когда он очнулся, то увидел что сквозь унты он вместе с сучком вытащил сухожилие. Он разрезал его ножом и оба конца затолкал вновь в ранку. Хотел он встать, но наступить на ногу не мог. Тогда он вспомнил, что он шаман и стал поблизости искать багульник. Багульника он не нашел, но на ели увидел серо-зеленый висящий мох. Он зажег этот мех, стал нюхать его и вновь впал в бессознание. Когда пришел в себя, то увидел себя сидящим с ружьем, сошками в руках и уже в другом месте.

Гадание тунгусов по лопатке

Для гадания употребляются тонкие лопатки — козья, кабарожья и телка изюбря. Толстые лопатки крупных животных не годятся. Лопатку привязывают к деревянной палочке и кладут на горящие уголья. На ней появляются трещины. По расположению этих трещин гадающий старается узнать будущее. На прилагаемой при этом лопатке: АВ — означает дорогу. Отрезок ВС в сторону — встречу с крупным зверем. Хвостик СД — указывает, что зверь будет убит. Е 1 другая добыча. На этой дороге прямой — встречи со зверями не будет. Первая дорога кривая, неровная, значит, на ней будут препятствия. Когда лопатка потрескается, трещины смотрят на свет. Они тогда выйдны вполне ясно. Тунгусы убеждены, что такое гадание самое верное. Все, что говорят трещины, непременно сбывается. Гадание по лопатке считается самым верным⁷.

Костюм тунгусского шамана

Состоит из халата, нагрудника и головного убора. Халат, увешанный позвончиками, украшен длинными меховыми узкими полосами и ремешками, изображающими змей. Нагрудник имеет то же значение, что и у удэгейцев и гольдов. Шапка аун украшена обязательно рогами. Меховые хвосты и ремешки тоже изображают змей.

Ошейник шамана тунгусов

Туземное название кавкаптун. Надевается для того, чтобы голос шамана был такой же громкий и чистый, как и крик птицы. На ошейнике изображены птицы: оляпка, черная гагара, лесной голубь, баклан, лебедь-крикун, угод, лебедь шипун и кукушка (хонкальдугн, то(а)тай, лутут, укан, гаха, топто, гах, куку). Подобные птицы водяные и те, которые имеют хорошие голоса. Водяные птицы помогают шаману ходить по воде. Самая сильная и могущественная птица гаха. Птицы расположены так, чтобы они все были головой к нему. Ошейник заменяет нагрудник⁸.

Шаманская шапка

Рога изюбря айя. Верхняя медная часть головного убора изображает крышку черепа аллэ, оторочена не лисьим мехом, а мехом красного волка. Глаза из бусин айеха. Ажурные ремешки, покрывающие лицо шамана, дербоки. Цепочка с бубенчиком ир-гивлянь изображает, как и на костюме, позвоночный столб. Два бубенчика над глазами напоминают брови сараукта. Меховые хвосты у шапки: 20 штук красного волка,

енота, нерпы, медведя, лисицы, барсука. Ленточных — 22. Первая называется наальбу для устрашения, вторая чурякта (кисти или украшения). Хвосты с исподней стороны, т.е. со стороны кожи, подшиты полосками ситца разного цвета, к концам хвостов нарочно пришиты кусочки меха другого цвета. При камлании во время пляски хвосты эти волнуются, извиваются и двигаются как змеи. От головного убора на спину спускаются еще цепочки белого, желтого цвета, оканчивающиеся бубенчиком. Поверх меховых хвостов к шапке пришиты сзади еще 17 цветных полос из ситца; каждая из них оканчивается кусочком лисьего меха. К назатыльнику по сторонам в горизонтальном положении пришиты по три ситцевых полосы — желтого, черного, красного цвета, вследствие такого рода прикрепления они свешиваются на плечи и вперед по сторонам груди⁹.

Шаманский пояс

По тунгусски — самахет. Полоса кожи в дюйм шириной, немного окрашенная в красный цвет. Посредине её черной краской протяннут ремень в мизинец толщиной, к поясу пришиты меховые хвосты — 19 штук: 16 меха лисицы и 3 — меха выдры. Каждый хвост в аршин длины. Поверх меховых хвостов пришито 22 полосы из цветного ситца, тоже в аршин длиной. Цвета этих самого разного цвета. Одни полосы шире, другие уже. Широкие полосы 1 вершок ширины, узкие — $\frac{3}{4}$ дюйма. Широкие полосы оканчиваются кусочком меха. Назначение этих хвостов то же, что и хвостов у головного убора. Это змеи, которые извиваются, когда шаман пляшет¹⁰.

Шаманский костюм

Шаман с шаманом бывают в ссоре. Один шаман на другого посылает духа. Этот дух хочет броситься на шамана, но, увидев на нем рога, отстраняется. Кроме головного убора, рога ставятся и на спине костюма ближе к шее. Цепочка нирекань от слова нирей, что значит позвоночный столб. Она изображает спинной хребет. К цепочке прикреплена рыбка металлическая. Спинной хребет должен быть также подвижен, как и рыба в виде. Сохатиные рога на спине наз. Дярен. Ремень на спине, за который держат, если шаман имеет намерение сделать что-нибудь худое соунан. Отложной воротник аркалан украшен бахромой из ажурной кожи и металлические подвески конголан и два колокольчика. На спине три бубенчика. Под воротничком на левом плече кукла — изображение духа кеверин. Ниже к талии прикреплен хвост иргивлян. Ниже по юбке полосы кожи, обшитые снаружи цветной материей тюракта. Круглые шнуры, обшитые чередующимися черными и красными кусочками материи. На левом плече на двойном длинном ремне под тряпицей, повешенной колоколом, имеется ханенку с тигром (его конь). На другом двойной ремень кусочек свинца, вшитый в медное кольцо и кисточки на круглых ремешках, обшитых чередующимися черными и красными тряпицами мевань — сердце с артериями. На рукавах нашивки, книзу по шву — крылья птицы. Длинная лопасть кожанная, обшитая кумачем, пришита (см. продолжение с. 360) к плечу — маховое перо крыла. На воротнике по сторонам около плечей две змеи сплюснутых из разноцветных тряпочек солама. Ниже воротника наплечник аркалань. Поправка к ремню на спине аркалань иргивлянен. Ремень, к которому привязывается другой длинный ремень, за который держат шамана в тех случаях, когда он стремится в опасное место. Длина ремня — 4 м 60 см. За ремень держат 6 человек. Большие не надо, а меньше — опасно. Во время камлания, в особо важных случаях, закалывается олень и кровью его спрыскивают одежду и в особенности нагрудник¹¹.

Шаманский нагрудник тунгусов

Делается из кожи, как эпитрахаль, с завязками на шее сзади и по поясу. Туземное название уругту. На нем сверху справа дэлага — солнце с линиями, расходящимися из центра, слева — полумесяц Бя. То и другое сделано из железа. Посредине и несколько вниз баклан укан. Шаман на нем совершает полеты в море. С ним он ныряет в морскую глубину. По сторонам нагрудник обшит красным кумачем шириною в вершок. Длина нагрудника сплошной кожи около аршина. Ниже под бакланом круг кожаный, изображающий пуп на животе чунгуру. Нагрудник украшен 4 кистями на ремнях, обшитых красным и черным материалом. Яони изображают две вены по сторонам живота. Под красным кумачем слева направо изображения куколок духов дочерей духа Хананку. Все эти куколки на костюме непременно прикрыты. Куклы помещены на груди, прикрыты и являются потому выпуклостями, как женские груди. При камлании шаман зовет Хананку и говорит, что дети плачут, и потому их надо накормить грудью. Шаман И. Поротов не мог дать пояснений, почему все куклы прикрыты. Нагрудник надевается поверх одежды, изображает переднюю часть тела и служит для прикрытия щели, оставшейся на одежде при ее застегивании спереди. Внизу нагрудник украшен ремнями. Некоторые из них широкие, некоторые — узкие. От последних уже отрезаны ремешки. Эти ремешки даются охотникам, на них охотники завязывают узелки, каждый раз, когда убью зверя. Ремешок способствует охоте до тех пор, пока он весь не завяжется в узелки. Концы ремней доходят до спутней. После охоты, когда ремешок полон узелков, его возвращают шаману с подарком для костюма. Шаман камланит, развязывает узелки и вновь дает охотнику для промысла. Сверху у нагрудника около шеи ажурное украшение из выделанной кожи в виде ремешков. Солнце и луна на нагруднике для того, чтобы в случае борьбы с другим шаманом, его можно было ослепить. Около груди — лист травы, виденный им во сне. Каждая куколка на нагруднике украшена нашивной птицей оми, что значит душа.

Шаманский жезл тьевун

Имеет такое же значение, как и у удэгейцев. Наверху он оканчивается головой, а внизу копьём. На этот посох шаман опирается, как странник, когда идет в путь во время камлания. Жезл или посох помогает ему также в борьбе с чертом. В жезле таится великая сила — вот почему на верхнем конце посоха человеческая голова.

Список сокращений:

Архив ПФ РГО — Архив Приморского филиала Русского географического общества.

Примечания:

¹ Бирары — группа эвенков Верхнего Амура, живущих в конце XIX—XX в. по р. Буре.

² Перечислены симптомы шаманской болезни.

³ Явление женщины во сне кандидату в шаманы связано с деятельностью главного духа-помощника шамана, призывающего к ритуалу.

⁴ Перечисляются имена духов-помощников шамана, которых могло быть великое множество, в зависимости от дорог шамана.

⁵ Обычно у эвенкийских шаманов имелось два помощника, следящих за его камланием и комментирующих его полет по мирам и общение с духами вселенной.

⁶ В тексте описано камлание шамана к верхнему божеству о будущей дороге.

⁷ Гадать на лопатке могилы и простые соплеменники, так же как и шаман.

⁸Наличие ошейника с изображением птиц, способствующих хорошему голосу шамана во время камлания у эвенков Кур-Урмийской группы, по-видимому, заимствован у нанайцев. Для последних было характерно наличие железного или из кожи рыбы нагрудника с изображением змей, используемых с той же целью.

⁹Шапка с хвостами животных и рогами оленя использовалась эвенкийскими шаманами Кур-Урмийской группы, по-видимому, заимствована у нанайцев. Для нанайцев во время шаманского камлания в нижний мир были типичны подобные головные уборы.

¹⁰Шаманский пояс с меховыми хвостами, символизирующими змей, имеет аналоги с поясом из полос ткани манегров — также символ змей.

¹¹Шаманский костюм символизировал птицу-зверя (оленя), судя по подвескам. Отдельные детали (три бубенчика на спинке, воротник, пояс с полосами ткани и кожи) свидетельствуют о близости костюма Кур-Урмийских эвенков с манеграми. Наличие подвески на спинке аркалана делает кафтан подобным забайкальским ороочонам.

А. Н. Сесёлкин,
Русское географическое общество, Гидрографическое общество,
г. Советская Гавань

В ПОИСКАХ ЗАБЫТЫХ ИМЁН: СОРАТНИК В. К. АРСЕНЬЕВА ШТАБС-КАПИТАН Т. А. НИКОЛАЕВ

В третьем томе сочинений В. К. Арсеньева, изданном в 1947 году во Владивостоке, напечатана его повесть «В горах Сихотэ-Алиня», рассказывающая об экспедиции 1908–1910 годов. В повести четырнадцать глав, и все они представляют отдельные рассказы о приключениях во время самой длительной экспедиции по исследованию труднопроходимого горного массива и побережья Татарского пролива. Написаны они автором на основе своих путевых дневников и воспоминаний. Конечно, Владимир Клавдиевич наделил рассказы художественным смыслом, для того чтобы читателю было интереснее их воспринимать. Некоторые факты, изложенные в книге, не соответствуют истинной картине происходящего, например, рассказ о топографе П. С. Гроссевиче. Но надо понимать, что данное произведение относится не к документальному, а к художественному жанру. Все действующие лица в произведениях В. К. Арсеньева — это не вымышленные герои, а люди, с которыми великий путешественник делил все тяготы опасной работы, с кем встречался во время своих исследований. Как же сложились судьбы этих людей в дальнейшем, после встречи с В. К. Арсеньевым? Ответы на эти вопросы я искал в произведениях писателя, в его опубликованной переписке, во многих книгах о нём, в путевых дневниках (тетрадах), которые хранятся в архиве Приморского отделения Русского географического общества (ОИАК).

В указанном выше томе, в разделе «От автора» Владимир Клавдиевич сообщает своим читателям о том, что в экспедиции 1908–1910 годов помощником по хозяйственной и организационной части был штабс-капитан Т. А. Николаев [2, IX]. Офицер устраивал базы с продовольствием и необходимым имуществом на местах, где предстояло пройти исследователям. Именно Николаев спас от неминуемой гибели у слияния рек Бута и Хуту экспедиционный отряд, которым руководил В. К. Арсеньев. О жизни Т. А. Николаева мне хочется узнать больше. Поэтому я обратился к известному приморскому генеалогу, краеведу Владимиру Павловичу Хохлову, который, изучив «Общий список офицерским чинам русской Императорской армии. Составлен по 1-е января 1909 года», установил, что в те годы в Хабаровске в 23-м Восточно-Сибирском стрелковом полку служил штабс-капитан Тимофей Антонович Николаев [6, столбец 392]. В данном списке, в этом же столбце упоминается и штабс-капитан В. К. Арсеньев. Значит, Николаев и Арсеньев были однополчанами.

Исследователь биографии Владимира Клавдиевича, автор книг об известном путешественнике Иван Николаевич Егорчев из Владивостока подтверждает эти сведения. В своей статье, напечатанной в сборнике материалов участников региональной краеведческой конференции «Во славу Отечества: жизнь и деятельность первопроходцев и исследователей земли дальневосточной», он приводит информацию о том, что в дополнение к докладу Председателю Совета Приамурского Отдела ИРГО от 18 марта

1908 года В.К. Арсеньев конкретно указывает в качестве своего помощника штабс-капитана Николаева из 23-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. При этом добавляет: «Мой помощник штабс-капитан Николаев человек опытный — он был в девятимесячной экспедиции в Корею под руководством Генерального штаба полковника Стрельбицкого, который очень остался доволен его работами» [5, 51-52]. Кроме этого, Иван Николаевич в письме сообщил мне следующее: «в тетради № 1 полевых дневников экспедиции В.К. Арсеньева 1906 года имеется рукописная записка, адресованная начальнику экспедиции. Она исполнена простым карандашом на двух отдельных листках белой бумаги, вклеенных в тетрадь, без даты. Вот её содержание (неразборчивые фрагменты заключены в квадратные скобки): «Штб. капитану Арсеньеву В Пластуне оказались китайцы-хунхузы, которые при нашем приближении разбежались в горы. Капитан, боясь оставить солдат в таком опасном месте [ссадил] двух из них со мной в Терней, а одного у староверов на Амагу — верст 100 от Тернея. При выгрузке вещей потонул ящик с подковами, вследствие сильной качки перевернулась лодка и чуть матрос не потонул, так как попал под судно. Пишу по просьбе солдат, они беспокоятся, что Вы не найдете их в Пластуне. С почтением [Т] Николаев. Солдаты поместились в фанзе версты 2 вверх по реке».

И.Н. Егорчев высказал версию (требующую по его словам проверки), что «ещё в экспедиции 1906 года — первой крупной, организованной В.К. Арсеньевым, — участвовал и Т. А. Николаев, выполняя такую же задачу: закладку вспомогательных баз по пути следования основного отряда».

Невольно напрашивается вывод, что Тимофей Антонович Николаев был причастен к двум экспедициям В.К. Арсеньева. К большому сожалению, нам пока не удалось узнать о дальнейшей судьбе Тимофея Николаева. Важно, что установлены имя и отчество штабс-капитана, его причастность к экспедициям на Дальнем Востоке. Этот человек, как и другие исследователи, подвергал свою жизнь опасности, честно выполняя свои служебные обязанности.

4 мая 1909 года, находясь на реке Уй (сейчас Чистоводная, Ванинский район Хабаровского края), В.К. Арсеньев написал письмо известному гидрографу генерал-майору М.Е. Жданко. В письме он поблагодарил генерала за содействие в отправке участника экспедиции П. Вихрова из Владивостока в Императорскую гавань на пароходе «Чифу». Кроме этого, в письме путешественник рассказал о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться участникам экспедиции весной 1909 г., об охоте на тигра, о пребывании на маяке Св. Николая у смотрителя А.Я. Майданова [3].

В четвертой главе третьего тома сочинений путешественник описывает своё посещение маяка на мысе Св. Николая (сейчас мыс Красный партизан), что расположен в окрестностях залива Императорская гавань (сейчас Советская гавань). Он с интересом рассказывает читателю о смотрителе маяка, бывшем боцмане парусного флота Майданове, дает характеристику его внешности, описывает его одежду. Арсеньев пишет о Майданове: «Он встретил меня на крыльце и протянул руку. Я увидел перед собой полного человека лет сорока с лысиной на голове, с крупными чертами лица и слабой растительностью на верхней губе. Он был одет в черную флотскую тужурку с медными пуговицами, такие же черные штаны и высокие сапоги... Он постоянно улыбался, и серьезная мина совсем не шла к его лицу. Это был весьма добродушный человек и исправный служака. Надо отдать ему справедливость, маяк он содержал в образцовом порядке: всюду была видна рука заботливого хозяина и чистота такая, какую можно встретить только на военном судне. ...Приятно было видеть весь этот поря-

док, и я не мог отказать себе в удовольствии пробыть на маяке трое суток» [2, 86-90]. Автор не указывает имени и отчества смотрителя, сообщает читателю только его фамилию. Майданов довольно долго проработал смотрителем на данном маяке, и о нем удалось узнать кое-что интересное. В советский период его фамилия замалчивалась. Если и упоминалась, то его обвиняли чуть ли не в предательстве своих товарищей по службе. Несколько маячников вошли в состав красного партизанского отряда Павла Куришки и после поднятия восстания весной 1919 года были расстреляны белогвардейцами. В газетах печатались сообщения о том, что якобы Майданов обманывал коренных жителей-орочей, продавал им дорого продукты питания и предметы первой необходимости [13].

В своей книге Ю.В. Аргудяева «В.К. Арсеньев — путешественник и этнограф» со ссылкой на архив ОИАК приводит слова из дневниковых записей начальника экспедиции 1908-10 гг.: «За кредит оружием, запасами продовольствия, товарами отпускают инородцам и Клок, и Марцинкевич, Степанов, Панов, Берсенева. Оба последние в особенности наживаются около орочей, а благосостояние последних незавидно. Большую помощь орочам в этом отношении оказывает смотритель маяка СВ. Николая г-н Майданов. Он отпускает орочам муку, сахар, свечи, рис, крупу и т.д. из своих запасов по ценам очень невысоким (стоимость действительная + провоз и хранение) по установленной таксе. В текущем году в виду предстоящей голодовки к Г-ну Майданову препровождается специально для орочей запас муки, сахару, чаю и рису» [1, 95]. Для сравнения в книге приводится таблица цен продуктов и предметов, из которой видно, что у Майданова всё дешевле.

В 1906 году во Владивостоке вышло «Прибавление к памятной книжке 1905 г. Приморской области за 1906 г.», где на 66 странице сообщается, что на Николаевский маяк принят смотрителем по вольному найму Алексей Яковлевич Майданов [9, 66]. В «Памятной книжке Приморской области на 1908 год» Майданов значится смотрителем того же маяка, но почему-то как Александр Яковлевич [7, 81]. Так как на самом деле звали Майданова?

Во 2-м томе «Хотелось бы всех поименно назвать... Книга-мартиролог» значится Майданов Николай Алексеевич, 1906 года рождения, уроженец г. Владивостока. На момент ареста в 1938 году работал в Советской Гавани старшиной катера в портовом пункте. В феврале 1940 года он был приговорен по ст. 58-1а-11 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы [14, с. 97]. Напрашивался вопрос, являлся ли репрессированный Н.А. Майданов сыном смотрителя маяка или это просто однофамилец? В Управление ФСБ по Хабаровскому краю в 2009 году был сделан запрос с просьбой изучить дело в отношении Н.А. Майданова и ответить на интересующие нас вопросы. Из полученного ответа следует, что в деле имеются протоколы допроса. В одном из них обвиняемый Майданов Н.А. на вопрос: «Чем занимался Ваш отец до и после революции?» ответил: «С 1906 года по 1923 год отец работал на маяке Николаевском, ныне «Красный партизан», смотрителем маяка. С 1923 по 1934 год работал по разным организациям в Совгавани. В 1934 году отец с семьей был выслан из пределов (так в тексте — авт.) ДВК за контрреволюционную деятельность в период белогвардейщины и уже при Советской власти». В другом протоколе допроса на вопрос: «Как долго Ваш отец служил у белых?» Майданов Н.А. ответил: «Отец мой, Майданов Алексей Яковлевич, в 1920 году служил у белых, но сколько времени я сказать затрудняюсь, также затрудняюсь ответить, в каких карательных частях он служил, но знаю, служил». Далее обвиняемый Майданов Н.А. сказал, что после высылки отца в 1934 году о нем больше ничего не знает [8]. Понятно, что ни в каких карательных частях А. Майданов не служил. Да и не было таких частей в малонаселенной Императорской гавани. Под давлением и с применением

угроз добивались «показания» обвиняемых в те годы, поэтому не будем давать оценку действиям сына Майданова в период его заключения.

В Метрической книге, данной из Владивостокской духовной консистории причту походной церкви переселенческим участкам Приморского /Ольгинского/ подрайона Владивостокской епархии для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1908 год» В.П. Хохлов обнаружил следующую запись: «...24 декабря 1907 г. родилась Евгения, крещена 8 августа 1908 г. Родители: проживающий в Императорской гавани Владивостокский мещанин Герасим Антонович Горохови законная его жена Александра Ивановна, оба православные. Восприемники: проживающий в Императорской гавани крестьянин 2-го участка Владикавказского округа Терской области селения Хермалик Иосиф Николаевич Таенов и жена смотрителя Николаевского маяка в Императорской гавани Агриппина Георгиевна Майданова. Иеромонах Иосаф, и.д. псаломщика Яков Сущинский». Теперь мы узнали имя жены Алексея Яковлевича [15, с. 70]. А.Я. Майданов прославился своими уникальными находками. 8 октября 1909 года в 10 часов утра в бухте Фальшивой недалеко от залива Императорская гавань он поймал плавающую бутылку. В ней находилась записка № 286, сброшенная с крейсера «Командор Беринг» с целью изучения течения в морях Дальнего Востока. Бутылка проделала большой путь, прежде чем оказалась у западного берега Татарского пролива. Смотритель отправил найденную записку во Владивосток [4]. В настоящее время данная записка хранится в архиве Государственного океанографического института в Москве [11, с. 25].

В 1913 году в Хабаровский краеведческий музей поступила археологическая находка — кинжал из серого сланца. Найденный артефакт представляет собой копию с бронзового кинжала Карасукской археологической культуры, датируемой рубежом 1-2-го тысячелетий до нашей эры, то есть бронзовым веком. Археологи предполагают, что еще в древности бронзовый кинжал попал в регион как трофей либо по обмену, и подобные изделия очень ценились, поскольку своей бронзы не было. Местный мастер скопировал кинжал так тщательно, что даже повторил ребро жесткости. Кинжал передал в дар музею смотритель Николаевского маяка Майданов. Кинжал он нашел у себя на огороде вблизи мыса Св. Николая. Длина кинжала — 16,1 см, длина клинка — 8,8 см, ширина клинка — 4,6 см, ширина рукоятки — 2,3 см, толщина — 1,6 см. В наше время данный артефакт-экспонат под номером 2128 хранится в археологических фондах ХККМ им. Н.И. Гродекова [12, с. 3].

В 1925 году В.К. Арсеньев, будучи директором Хабаровского краевого музея, написал письмо заведующему маяком на мысе Св. Николая А.Я. Майданову, в котором было изложено следующее: «Настоящим обращаюсь с покорнейшей просьбой сообщить мне, кто из орочей Советской Гавани, реки Хади селений Чжуанка, Дата, Хутудата, Аккурдата и Мулидата, а также в бухте Ванина и на реке Копи находится в бедственном положении. Кто в чем нуждается. Я могу прислать присылкой по почте наиболее бедным». Далее Арсеньев пишет: «Я помню ту помощь, которую оказали мне орочи во время моих путешествий, когда они доставляли мне пропитание, а женщины починяли мою обувь и одежду. И вот теперь мне хотелось бы ответить им также какой-нибудь услугой. мечтаю как-нибудь приехать к Вам и пробраться на Тумнин к моим друзьям орочам. Кланяйтесь им от меня, ожидаю ответа, шлю Вам дружеский поклон и привет семье» [10]. Данное письмо хранится в фондах Государственного архива Хабаровского края. Как оно попало в архив и было ли отправлено адресату — неизвестно. Если верить показаниям сына Майданова, в 1925 году Алексей Яковлевич уже не работал на маяке. Главное в этой истории, что письмо написано рукою Владимира Клавдиевича, человека неравнодушного, благородного, готового прийти на помощь.

И написано письмо А. Я. Майданову, которому Арсеньев доверял, который непременно исполнил бы его просьбу. Спустя годы, в знак признательности к замечательному путешественнику и учёному, краеведами Совгавани на стене маяка «Красный партизан» была установлена памятная доска В. К. Арсеньеву.

Маяк КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН. Фото А. Лукьянчука

Памятная доска на маяке КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН. Фото А. Сесёлкина

16 октября 2010 года в присутствии краеведов из Южно-Сахалинска, Владивостока, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Советской Гавани, Амурска и Ванино состоялось ее торжественное открытие. На гранитной доске портрет Владимира Клавдиевича и слова: «Здесь, в здании Николаевского маяка, в сентябре 1908 года останавливался путешественник-исследователь Дальнего Востока, этнограф, писатель Владимир Клавдиевич АРСЕНЬЕВ (1872–1930)». Глядя на доску вспоминаем и смотрителя маяка А. Я. Майданова, честного служащего, человека исполнительного, незаслуженно пострадавшего в годы сталинских репрессий.

1. Аргудяева Ю. В. В. К. Арсеньев — путешественник и этнограф. Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В. К. Арсеньева. — Владивосток, 2007. — 272 с.
2. Арсеньев В. К. Соч.: в 6 т. Т. III. В горах Сихотэ-Алиня. — Владивосток: Примиздат, 1947. — 284 с.
3. Дальний Восток. 1974. № 4.
4. Дроков С. Забытые истории бутылочной почты // Вокруг света. 1988. № 8 (2575). С. 35–38.
5. Егорчев И. Н. Штабс-капитан Николаев и В. К. Арсеньев: некоторые новые сведения для дальнейших исследований // Во славу Отечества: жизнь и деятельность первопроходцев и исследователей земли дальневосточной. Советская Гавань, 2015. — 124 с.
6. Обиций список офицерским чинам русской Императорской армии. Составлен по 1-е января 1909 года. СПб., 1909. Столбец 392.
7. Памятная книжка Приморской области на 1908 год. — Владивосток, 1907.
8. Письмо директору Советско-Гаванского районного краеведческого музея им. Н. К. Боиняка от 31. 07. 2009 г. № 10/2-2261 н/из Управления ФСБ по Хабаровскому краю.
9. Прибавление к памятной книжке 1905 г. Приморской области за 1906 г. — Владивосток, 1906.
10. Салеева Л. В. Верю, что нас будут вспоминать добрыми словами... // Словесница искусств. 2003. № 2 (12).
11. Сесёлкин А. Н. Советско-Гаванский и Ванинский районы: хроника событий. — Комсомольск-на-Амуре, 2013. — 396 с.
12. Сесёлкин А. Кинжал из серого сланца / А. Сесёлкин // Тихоокеанская звезда. 2008. 20 марта. С. 3.
13. Станишевский С. Великие преобразования. Советская звезда. 1953. 11 мая.
14. Хотелось бы всех поименно назвать... Книга-мартиролог. Хабаровск, 1999. Т. 2. — 404 с.
15. Хохлов В. П. Метрические книги Ольгинской походной церкви за 1908-1911 гг. // Записки краеведческого клуба «Тетюхе». — Дальнегорск, 2012. № 1. — 90 С.

Список сокращений:

ДВК — Дальневосточный край

ИРГО — Императорское Русское географическое общество

ОИАК — общество изучения Амурского края

УК РСФСР — Уголовный кодекс Российской Советской Федеральной Социалистической Республики

ФСБ — Федеральная служба безопасности

ХККМ — Хабаровский краевой краеведческий музей

и.д. — исполняющий дела

Е. В. Соболивская,
Приморское краевое отделение Русского
географического общества — Общество изучения
Амурского края, клуб «Родовед»,
г. Владивосток

ПЕРЕПЕТИИ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ПОИСКА. К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ МЕСТЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В. К. АРСЕНЬЕВА

Предыстория

Потребность в детальном историографическом исследовании появилась в ответ на информационные пробелы и фактологические ошибки, содержащиеся в публикациях о захоронении в 1930 году известного путешественника и исследователя Дальнего Востока Владимира Клавдиевича Арсеньева. Анализ этих публикаций показал, что утвердилось никаким образом документально не подтверждённое мнение, будто первоначально В. К. Арсеньев был захоронен на ныне уничтоженном кладбище при крепостном храме во имя иконы Казанской Божией Матери, что на полуострове Шкота, точнее — невдалеке от мыса Купера. Мотивация: Арсеньев был офицером, то есть человеком военным, а кладбище — «солдатским».

Ошибочная версия принятая «на веру», однажды кем-то высказанная, приросла столь же ошибочным уточнением: якобы Арсеньев был погребён у стен Казанского храма или даже у алтаря. При этом подразумевается строение бывшего кинотеатра «Вымпел», ныне приспособленное под Казанский храм, полностью игнорируя факт местонахождения исторического крепостного храма пусть неподалёку, но в совершенно ином месте. Перенос праха В. К. Арсеньева с одного кладбища на другое состоялся более 60 лет назад в ноябрьские дни 1954 года — с тех пор сменились не только три поколения жителей города, но и социально-экономический строй нашего государства. С этого времени все почести великому соотечественнику приносятся на мемориальный участок Морского кладбища.

Анна Ивановна Тарасова, автор книги «Владимир Клавдиевич Арсеньев» (Владивосток, 2012, издание 2-е, исправленное и дополненное), приложила невероятные усилия, доказав истинные факты и опровергнув мифы об Арсеньеве, в частности о его образовании, званиях и сроках нахождения на военной службе. Кто же знал — появится ещё одна легенда. Казалось бы, чего проще: разыскать фотографию, доказывающую факт местонахождения могилы, или очевидца, присутствовавшего на похоронах либо видевшего на Казанском кладбище могилу — и вопрос отпадёт сам по себе. Однако не всё так просто. Во-первых, предоставленная фотография могилы Арсеньева со старого Эгершельдского кладбища не послужила доказательством, скорее добавила сомнений

и вопросов. Во-вторых, найденный свидетель, если он один, вовсе не считается таковым: качество воспоминаний гарантируется тремя свидетелями. Помимо этого, в противовес воспоминаниям старожилов краеведы выдвигали убеждения и доводы, основанные на «авторитетном мнении», подкрепляя свои слова эмоциями. В-третьих, появился вопрос: что послужило основой для порождения противоречивых мнений, касающихся первоначального места захоронения В. К. Арсеньева?

Старое Эгершельдское кладбище

На полуострове Шкота исторически образовалось два кладбища. Вначале появилось кладбище военного ведомства, расположенное недалеко от мыса Купера и именуемое «Крепостным» по праву принадлежности к крепости «Владивосток». Второе название, появившееся после постройки кладбищенской церкви в 1908 году, было не официальным, но общепринятым для того времени — «Казанское». Следующим появилось Эгершельдское кладбище, местонахождение которого никак не совпадало с указанным именованным ориентиром — мысом Эгершельда. Напротив, это кладбище находилось в достаточном отдалении от оногo, более того, на противоположном берегу полуострова. Пожалуй, стоило бы присвоить название «Токаревское» по названию мыса на оконечности полуострова, вблизи которого и находилось кладбище или ещё точнее — «Россета» по непосредственному расположению у этого мыса. Возникает вопрос: от чего предпочтение отдано географическому названию, не имеющему никакой связи с нахождением кладбища? Скорее всего, от того, что название «полуостров Шкота» не имело активного применения, чаще эти площади именовались попросту «Эгершельдом», что, кстати, отражено на географических картах 1009-1914 гг. — указано два названия, одно из которых заключено в скобки (рис. 1). На разных картах названия «менялись местами». И ещё географический ориентир — мыс Эгершельда — явился указанием точного месторасположения портовых служб и построек — от того и предпочтение.

На местности более всего видно, что послужило появлению названия «Старое Эгершельдское» кладбище — в силу особенности рельефа (рис. 2). К концу 30-х годов XX века захоронения заполнили отведённые земли. За оврагом местные жители использовали участки земли под огороды, которые пришлось «уступить» в связи с необходимостью расширения площади кладбища. Одним из первых здесь явились захоронения погибших «хасанцев». Таким образом, разделённое на две части, благодаря оврагу, кладбище получило два названия «новое» и «старое», при этом подойти к каждому из них можно было с противоположных сторон.

Рис. 1. Современный вид на старое Эгершельдское кладбище

Рис. 2. Карта полуострова Шкота, 1914 г.

Согласно картам до 1920 года вся площадь полуострова Шкота принадлежит Военному ведомству и находится в полном его распоряжении — оборонительные сооружения, складские и казарменные постройки, в том числе ведомственное кладбище и кладбищенская церковь. После установления Советской власти площади полуострова массово заселились гражданским населением (рис. 3), что никоим образом не явилось причиной упразднения точек обороны, обозначенных прежними представителями

Рис. 3. План расположения города Владивостока

военного ведомства. Военные объекты не утратили своего назначения — оборона важна при любой власти. События на КВЖД 1929 года явились стимулом возрождения «покинутых» точек обороны, и начинается межведомственная переписка военных с представителями городского управления. Письмо с просьбой отдать земли на полуострове Шкота, занятые под кладбище, для строительства военных объектов не получило положительного ответа. «Город» отказал, аргументируя отсутствием других кладбищенских земель, кроме ныне существующего — Эгшельдского. Целесообразно остановиться на этом этапе расследования. Вообще-то, и так понятно — где похоронили В.К. Арсеньева — на Эгшельдском кладбище, ещё не ставшим «старым», а попросту, единственным действующим городским. Погибших во время вооружённого конфликта на КВЖД похоронили ранее, здесь же, по той же причине — обычное городское кладбище. А это значит — оба захоронения находятся достаточно близко. Но это ещё не доказательство. Две фотографии с одного и того же места (на одной могила В.К. Арсеньева, на другой братская могила погибших на КВЖД) могли послужить точным доказательством при одном условии — в кадр одной из них должно было попасть второе из изображённых захоронений. Если бы это случилось, расследование можно было бы заканчивать, но не вышло.

Вернёмся к переписке. К 1938 году обстановка в отношениях сторон выглядит не так лирично, как прежде, скорее — диктаторски. Все ранее обозначенные точки обороны и прилежащие земли забраны у города, более того, обозначены территориальные «зоны крепостного режима» — строгие ведомственные границы, установка КПП, пропускной режим, помимо всего указанного, выселение гражданского населения из указанных территорий, за исключением тех, кто имеет отношение к военным объектам — военных и гражданских лиц по профессиональной принадлежности. Теперь стало ясно, почему так трудно искать очевидцев. На карте 1945 года продемонстрированы все требования, отражённые в документе: границы запретной зоны, где участок исторического кладбища полностью ею охвачен, КПП — строжайшее ограничивающее передвижения по зоне «крепостного режима», площадь Эгшельдского кладбища ограничена специальной линией: военные забрали у города «своё» (рис. 4).

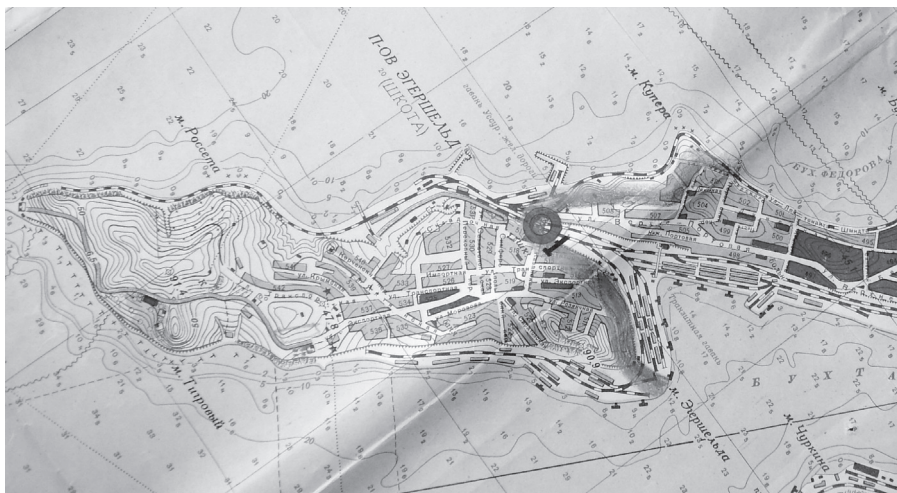

Рис. 4. Фрагмент карты г. Владивостока, 1945 г.

Так просто на территорию Эгершельдского кладбища не попасть — ещё один аргумент в пользу отсутствия очевидцев. В 1947 году Б. Д. Сушков написал «Пособие для экскурсий по историческим местам города» (рис. 5). За первую строку учитель географии в XXI веке ученику 6 класса может ставить полноправную «двойку», но не политработнику 40-х годов прошлого века.

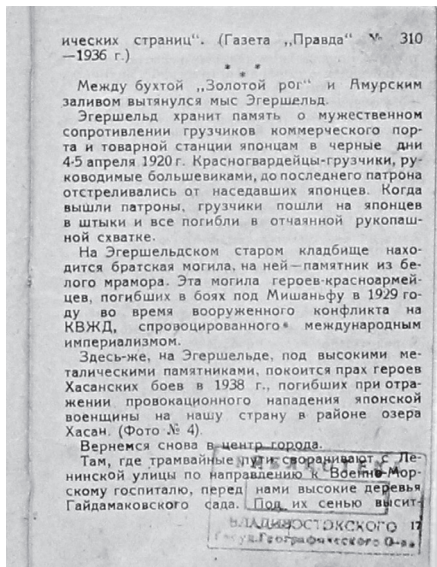

Рис. 5. Страница пособия Б. Д. Сушкова, 1947 г.

Рис. 6. Фрагмент фотографии из книги И. Дункая

Следующий абзац красноречиво демонстрирует: как можно обыграть исторический факт. А далее, детальное описание памятника погибшим при конфликте на КВЖД и его точное месторасположение. Примечательно, что в 1947 году могила В.К. Арсеньева, имя которого прославлено двумя годами раньше, для Б.Д. Сушкова не объект для посещения, но и этого хватает для точной «привязки» местонахождения могилы Арсеньева. Вскоре в поле зрения попала фотография детей-удэгейцев на могиле путешественника в 1951 году. Не сразу пришла мысль — все они живые свидетели! После большого расследования удалось выяснить не только имя каждого на фотографии, но и причину поездки. Фотография, не очень хорошего качества, взята из книги И. Дункая «Горы Сихотэ-Алиня зовут и манят». Сюжет снимка к тексту книги не имеет отношения, он демонстрирует память и уважение удэгейского народа дорогому другу и исследователю. Глава называется «К нему не зарастёт народная тропа». Однако «народная тропа» и «зона крепостного режима» — несовместимые явления. Один из местных жителей полуострова, на то время младший школьник, долго разглядывая снимок, спросил: а кто их туда пустил? А заодно, выяснилось — школьников города на такие экскурсии не водили! Всё это даёт почву для обнаружения возникновения путаницы.

У краеведа всегда найдутся помощники и единомышленники. Фотографию хорошего качества принёс И.Н. Егорчев и — спасибо ему! — при большом увеличении виден и шарик, и кубик (рис. 6). Оба захоронения, братское и В.К. Арсеньева, находились в шаговой доступности!

Рис. 7. Вид на часть п-ва Шкота, 1914 г.

«Крепостное» кладбище

Что касается исторического военного кладбища — его постигла столь же плачевная судьба, но, в отличие от Эгершельдского, на глазах множества очевидцев. Рассказы о разрушении изобилуют многочисленными фактами о том, что, копаясь в останках, дети приносили домой то их частичку, то погон, то украшение. Это кладбище, будучи на виду, как раз и послужило удобной почвой для убеждения: не видел, но знаю. Фотография, предположительно 1914 года, сделанная с высоты горы Крестовой, даёт видение обширной панорамы, в которую попадает Казанская полковая церковь, ныне не существующая, и пороховой погреб, который стоит по сей день на том же месте. Помимо прочего, хорошо виден и рельеф местности, что вполне чётко показывает, где в будущем построят кинотеатр «Вымпел», судьба которого — стать храмом (рис. 7). В рамки доклада не могут войти все документы, детали и подробности, касающиеся места первоначального захоронения В. К. Арсеньева, их намного больше, и к тому же очень интересны сведения очевидцев. Всё же нельзя не упомянуть о книге «Крепость «Владивосток», при внимательном прочтении которой можно в деталях, в хронологии воссоздать ход строительных работ на мысе Купера в 30-е годы прошлого столетия. Именно они послужили причиной неоднократного обвала грунта, что отразилось на сокращении площади военного кладбища и лишний раз доказывает отсутствие здесь захоронения в 1930 году. Если бы таковое произошло, то могила исследователя Дальнего востока пропала бы до достижения его мировой славы — по причине обвала грунта.

Заключение

Теперь можно ответить на вопрос: что послужило основой для порождения противоречивых мнений, касающихся первоначального места захоронения В. К. Арсеньева? Во-первых, краеведческое безразличие к топонимике и полное игнорирование менталитета времени, в хронологических рамках которого идёт расследование. Во-вторых, и это, пожалуй, главный аргумент, военные приняли участие для порождения домыслов и слухов. Режимный объект — не повод для обсуждения, и потому следовало максимально от него отвлечь внимание, что и произошло. В итоге: Крепостное кладбище полностью разрушено и частично застроено жилыми объектами, но с его территории никого не переносили! Старое Эгершельдское кладбище — никогда не было застроенным, на его территории по сей день можно наблюдать следы разрушения — заброшенные могилы и остатки надгробий. Однако отсюда были перенесены на Морское кладбище братские захоронения погибших при конфликте на КВЖД, погибших «хасанцев» и В. К. Арсеньева. Ещё одна могила оказалась на Морском кладбище, рядом с захоронением Арсеньева, это его соратник А. И. Мерзляков. Но это другая история.

А. Ф. Старцев,
 Институт истории, археологии
 и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
 г. Владивосток

ХОЗЯЕВА ПРИРОДЫ В КУЛЬТУРЕ АБОРИГЕНОВ ПРИМОРЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ В. К. АРСЕНЬЕВА)

В основе мировоззрения тунгусо-маньчжурских этносов находятся анимистические представления о природе, суть которых в том, что природа живая и управляется добрыми и злыми духами, которые обитают не только на земле, но и на небе и под землей. Под природой подразумевается небо, тайга, погода, дух, божество и т.д. И всё это народы Приамурья и Приморья обозначают словом — буа; боа; буга, что в переводе с тунгусских языков означает «вселенная». Вселенная разделяется на три уровня: верхний мир или мир неба (боли амбани силэни боани — удэ), земной или средний мир (ни силэни наа — удэ;), нижний или подземный мир (докеня наани — удэ;) (Архив ОИАК. Фонд В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 271).

Из трех миров Вселенной Буа особое место занимает средний или земной мир, где обитают земные духи и хозяева Природы, которые находятся в подчинении у Верховного божества Эндури и его небесных помощников — старухи Тагу Мама (Сангия Мама), владеющей душами людей и животных, и старика Чинихе, в подчинении у которого Гром, Гроза, Снег, Дождь и другие природные явления [Архив ОИАК. Фонд В. К. Арсеньева, Оп. 1. Д. 27. Л. 253]. К категории земных хозяев Природы, прежде всего, относятся хозяин земли, гор и лесов Онку и его ближайший помощник Уонки, хозяин моря и рек Ганихи, и его главный помощник — касатка Тэму.

Все аборигены края утверждают, что все духи Природы невидимы и, пользуясь этим преимуществом, наблюдают за каждым охотником. В зависимости от его поведения, т.е. соблюдения им неписаных законов рода и тайги, дают человеку возможность добыть зверя для употребления его мяса в пищу. Если охотник нарушал законы тайги, то ему часто не удавалось добыть нужного зверя, поэтому его семья постоянно испытывала нужду. В этом случае, например, если удэгеец в течение нескольких дней не мог добыть животного, чтобы накормить свою семью, он шёл к шаману и рассказывал ему о своей неудаче в охотничьем промысле. Во время камлания, когда шаман находится в состоянии автогипноза, он определял, что должен делать охотник, чтобы к нему вновь вернулась удача в промыслах [5, с. 487].

После камлания шаман рекомендовал охотнику сделать из соломы или хвои специальную куклу — фуданку, при помощи которой аборигены прогоняют злого духа окзо (огдэ), или специальный охотничий амулет «... севохи, имеющий вид человека с медвежьей головой, с железными зубами и крыльями. Крылья у него для того, чтобы севохи мог летать и догонять чёрта, железные зубы затем, чтобы он мог вступить в борьбу» [5, с. 487–488]. Непременным условием удачной охоты на копытного или пушного зверя является кормление хозяина огня Пудзя и поклонение хозяевам местности.

Аборигены Приморья считали, что в каждом роде имелось свое родовое огниво нёха, которое переходило по наследству только по мужской линии. Женщины его хранить не могли, потому что они при замужестве переходили в другие роды. В случае отделения одного из членов семьи родовое огниво ломалось. Когда такое случалось, то огонь в доме отца для отделившегося сына считался уже чужим. По причинам сохранения семейного благополучия огонь тō в доме тщательно оберегался, поэтому посторонним людям огонь за пределы дома не разрешалось выносить даже в курительной трубке. «В особенности большой грех взять огонь из дома своего брата, отца и из дома своего девичьего рода [Архив ОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 22 (с. 331)]. В противном случае такой поступок считался воровством, за что виновный, если его уличили в воровстве, обязывался уплатить штраф, а если виновному удавалось незаметно унести огонь из чужего дома, то он знал, что духи местности накажут его за это нарушение. Поэтому аборигены края никогда не нарушали этот обычай. Считалось, если огниво терялось или попадало в руки чужеродца, то род, утративший огниво, лишался покровительства духа огня, а при рождении ребенка мужского пола теплота его тела уходила и ребенок умирал. И так умирал каждый мальчик, пока не вымирал весь род. Если умирал последний представитель того или иного рода, то в гроб к покойнику клали и огниво, которое, как считалось людьми, умерший уносит с собой в царство теней [Архив ОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 218 (с. 677)].

Все аборигены Приамурья, Приморья и Сахалина дома и на охоте проявляли особое уважение к хозяину огня Пудзя (Пуза), который по их воззрениям был самым сильным и особо почитаемым добрым духом. Пуза, как считали орочи, это в первую очередь охотничий бог. Он может способствовать удаче на промысле, но может и помешать ей. Он обидчив, и потому нужно вести себя по отношению к нему очень осторожно. Существует большое число связанных с Пуза запретов: нельзя огонь резать ножом, поливать водой, плевать в огонь, нельзя бросать в него что попало, разбрасывать головешки и т.д. [2, с. 127; 1, с. 41–42]. Такие же запреты распространяются и на муравейник.

Удэгейцы считают, что в подчинении у хозяина огня Пудза мамаса находится хозяин лесных муравьев Пудза адзани, а хозяин муравьев распространяет свое влияние на зимородка — небольшую, ярко окрашенную птичку. Зимородок являлся посланцем хозяина муравьев. «Он летает, слушает, что говорят люди, и обо всем доносит хозяину муравьев, а этот последний все сообщает хозяину огня. Пудза мамаса наказывает виновного сильными ожогами» [2, с. 127–128]. Поэтому аборигенам запрещалось разорять муравьиные кучи и гонять зимородка. «Человек, позволивший себе грубое обращение с муравьями, непременно заболит: у него станут гноиться глаза или появятся на теле нарывы» [2, с. 127], — считают аборигены Приморья. Перед выходом на охоту, после обряда поклонения хозяину огня Пудзя (Поэа) и хозяину дома Зули аборигены Приамурья и Приморья совершали обряд моления у священного дерева. На стволе в метре от земли или в рост человека делалось изображение духа — покровителя охотников, известного у тунгусо-маньчжурских этносов под разными названиями: пиухэ (нанайцы), пиу или тору (удэгейцы) [3, с. 180]. Изображение пиухэ (нанайцы, орочи), пиу или тору (удэгейцы) имело вид небольшого углубленного треугольника. Делались пиухэ на деревьях с мягкой или твердой древесиной: на иве, тополе, липе, лиственнице, ели, пихте, кедре. Антропоморфные изображения духов удэгейцы и орочи наносили на деревья хвойных пород — ель, пихту, кедр. Часто изображения пиу встречаются на ясени. Термин «пиу» на удэгейском языке означает «ритуальное углубление в виде треугольника, вырезанного в дереве или высеченного в скале, рядом с которым ставился столик для жертвоприношений» [6, с. 252].

В.К. Арсеньеву у нанайцев удалось зафиксировать такое священное дерево рядом

с их традиционным жилищем. «Гольдский балаган оказался развалившимся. Около него на старой лиственнице грубо было вырезано большое человеческое лицо, запачканное смолою. Это тору, перед которым гольды каждый раз, выступая на охоту, совершали моления. Рядом с лиственницей на четырех столбиках было поставлено деревянное корытце. В нем сжигались листья багульника и клались жертвоприношения. Бурхан имел такой вид, как будто он окарауливал развалины балагана и чем-то был весьма озабочен» [2, с. 32].

После хозяина огня и покровителя дома у аборигенов Приамурья и Приморья наиболее почитаемым был хозяин гор и леса Онку, живший в самых глухих лесах. Он же являлся и земным помощником верховного божества Эндури. Это был человек средних лет, угрюмый, с копьём и со стрелами в руке. У Онку красное лицо, покрытое шерстью, одна рука и одна нога. В руке у него копьё, стрелы и пещня. Он начальник всех зверей и птиц и даёт возможность охотникам добывать пушных и копытных животных. «Людьми он никогда не делает зла» [5, с. 480]. Кроме лесных зверей и птиц в подчинении у Онку находился и горный дух Уонки — карлик с чёрным лицом, одетый в шубу из меха кабарги, которая являлась его посыльной собакой [Архив ОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 248]. Это он по приказу хозяина гор выводил навстречу охотникам лесных обитателей, наблюдал за людьми и докладывал об их поведении своему хозяину. Наряду с добрыми хозяевами Природы имелся и горный человек Багди́хе, который пугал людей и мешал им заниматься таёжными промыслами. «Это был маленький карлик весь в волосах, и даже лицо покрыто шерстью. Этот Багди́хе в некоторых местах устраивал эхо. Он делал так, что в лесу, около скал, в ущельях люди слышали свои голоса. Люди боялись этих мест и старались так распределить свой маршрут, чтобы обойти их стороной. Место такое имеет признаки. Тут всегда есть след на одной лыже, след маленьких лыж, оставленных Багди́хе» [Архив ОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 247]. Место, где обитали хозяин тайги и гор Онку и горный дух Багди́хе, можно узнать сразу. В таких местах имеются обрывистые скалы и пещеры. «Пещера онго считается жилищем Багди́хе и называется Багдэ чжугдэни када онго́ни. Больших и длинных пещер люди боятся. Вот почему там всегда эхо. Для ночёвки люди пещерами никогда не пользуются» [Архив ОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 250]. Здесь же в сопках можно слышать, как «кричит заяц, или ухает филин, или лает собака, или завывает ветер, или кто-нибудь свистит; слышно, как шумят лыжи, раздаются голоса или кто-то рубит топором, пилят пилой и т.д. Человек, услышавший это, сразу заболает, поэтому надо как можно быстрее найти место отдыха, из хвоя сделать фуданку, загнать в него злого духа и просить помощи у хозяина тайги Онку. Чем дольше держишь при себе злого духа, тем труднее в будущем изгнать болезнь» [Архив ОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 248].

По мировоззрению аборигенов края, наряду с добрыми божествами существовали и злые духи, с которыми люди вели постоянную борьбу. Если добрые духи, покровители людей, существовали только за счет добра, исходящего от человека, то злые жили за счет своих черных дел и козней. Они смеялись над человеком, заставляли его блуждать по тайге, отпугивали от охотника зверей и птиц, вселялись в человека и наносили ему физические и моральные травмы, из-за чего человек часто лишался даже жизни [Архив ОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 22]. Главенствующее положение среди злых духов занимало человекоподобное существо Амба, в подчинении у которого находились все зловредные духи. Они портили жизнь людям, животным и птицам. Сам Амба мог принимать вид птицы — Амба Гаани, животного — Амба Буани или человека — Амбани [Архив ОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 6. Л. 307].

Из всех злых духов удэгейцы особенно боялись чёрта Окзо. Это птица с железным

кловом, крыльями и зубами, летающая с быстротой молнии по всему свету. Окзо обитает на священном дереве тун, которое по указанию этого духа изготавливает шаман [4, с. 205]. Злой дух невидим, что дает ему возможность незаметно следить за человеком и оценивать его поступки. Пока человек соблюдает свои древние обычаи и выполняет всё, что предписывается законом тайги, злой дух бессилен навредить ему, но стоит нарушить какой-нибудь обычай или запрет, Окзо (Огдзё) сразу наказывает человека. К категории такой нечистой силы удэгейцы относили и шаловливого духа Кусальянку. По мнению А.Ф. Старцева, термин «кусальянку» происходит от эвенкийского слова «кусылйн», что в переводе означает «шум, шорох, свист, шелест» или «звук шагов, шум крыльев при полете» [7, с. 439]. Этот дух тоже невидим, но его люди представляют в виде маленького человека с головой зверя или птицы. Он мешает людям жить, но менее опасен, чем чёрт Окзо (Огдзё). Вредность Кусальянку заключается в том, что он иногда устраивал так, что человеку казалось, что он «поймал» удачу, но как только человек начинал проявлять признаки радости, испытывал большое возбуждение от своей деятельности, Кусальянку успех превращал в большую неудачу и смеялся над ним [Архив ОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 243]. Вот почему среди коренных народов Приамурья и Приморья до сих пор существует обычай не проявлять радости при удаче на охоте или рыбалке. Этот обычай легко объясняется тем, что при возбуждённом состоянии охотник или рыболов теряет осторожность и внимание к окружающей среде, что нередко приводило человека к травме или гибели.

Рассматривая ряд аспектов духовной культуры аборигенов Приамурья и Приморья, В.К. Арсеньев пришел к выводу, что иерархическая лестница хозяев Природы и их помощников отличается стройной системой, напоминающей подобие государственной подчиненности. Вполне возможно, что распределение по значимости хозяев местности или различных божеств было позаимствовано из прошлой государственно-сти, которая существовала у тунгусо-маньчжурских этносов в Средние века, когда во главе стоял император, министры и др. служащие [Архив ОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 22]. Представленный анализ духовной культуры свидетельствует, что весь комплекс различных божеств, добрых и злых духов Природы, характерный для аборигенов Приамурья и Приморья, вырабатывался людьми на протяжении длительного времени, был направлен на сохранение традиционной культуры и соответствовал требованиям бережного отношения людей к природе и её обитателям.

1. Аворин В. А., Лебедева Е. П. Ороческие тексты и словарь. — Новосибирск: Наука, 1978. — 264 с.

2. Арсеньев, В. К. Сквозь тайгу // Соч. — Владивосток: Примиздат, 1947. Т. IV. С. 1–142.

3. Арсеньев В. К. Охота на соболя // Соч. Владивосток: Примиздат, 1947. Т. 4. С. 173–214.

4. Арсеньев В. К. Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу // Соч. — Владивосток: Примиздат, 1948. Т. V. С. 203–209.

5. Арсеньев В. К. Русско-орочский словарь: материалы по языку и традиционной культуре орочей и удэгейцев. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. — 495 с.

6. Гирфанова А. Х. Словарь удэгейского языка. СПб.: Наука, 2001. — 476 с.

7. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. — Л.: Наука, 1975. Т. 1. — 672 с.

8. Архив ОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 6; Д. 11; Д. 27.

Г. Т. Титорева,
Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова,
г. Хабаровск

АРСЕНЬЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ МУЗЕЙНОЙ КАТАЛОГИЗАЦИИ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ ИМ. Н. И. ГРОДЕКОВА

Научная каталогизация музейных коллекций является одним из основных видов научной деятельности музея. Ее цель — полное знание о музейном предмете, введение в научный оборот богатейшего историко-культурного наследия, хранящегося в фондах музеев, а также обеспечение доступности музейных коллекций для широкого круга зрителей.

Формирование этнографической коллекции Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова началось в конце XIX века вместе с созданием самого музея. В настоящее время она насчитывает около 5 тысяч единиц хранения (без учета фотодокументальных материалов), характеризующих материальную и духовную культуру почти всех коренных народов Дальнего Востока России.

До 1917 года в музее накапливались экспонаты по этнографии чукчей, коряков, алеутов, ительменов, камчатских эвенов, юкагиров, якутов, айнов. Однако наиболее полно представлены в этнографическом собрании коренные народы Хабаровского края: нанайцы, ульчи, нивхи, удэгейцы, эвенки, значительно меньше — негидальцы, орочи, охотские эвены. Семь экспонатов характеризуют культуру манегров, проживающих сегодня преимущественно в Китае.

С первых лет существования этнографической коллекции в музее ставился вопрос о необходимости ее описания и каталогизации. В 1896 г. было принято решение об издании печатного каталога, чтобы «дать посетителю музея справочную книгу для определения имеющихся в музее предметов», однако печатание его «крайне замедлилось и к 6-му декабря удалось получить только первый выпуск, обнимающий крайне незначительную часть коллекции музея» (Архив ХКМ. Ф.1. Оп. 1. Д. 497. Л. 8 об.). К сожалению, это издание не сохранилось. Первоначально большинство предметов находилось в экспозиции музея; каталоги содержали информацию исключительно о них и строились согласно тематической структуре экспозиции. Достаточно часто экспозиции перестраивались, разделы менялись местами, в них вводились вновь поступившие предметы, соответственно менялось и содержание каталогов. Собственно, первые музейные каталоги представляли собой топографические описи с краткими аннотациями к экспонатам. Ситуация изменилась с приходом в Хабаровский краевой музей Владимира Клавдиевича Арсеньева, который в течение десяти лет (1910–1918, 1924–1925 гг.) служил его директором. Понимая всю важность и необходимость работы по атрибуции и описанию музейных экспонатов, он сделал каталогизацию коллекций приоритетным направлением научно-исследовательской деятельности музея. Основными причинами, по кото-

рым эта работа не была сделана раньше, В.К. Арсеньев считал «... 1) разбросанность коллекций по всему музею и 2) отсутствие одного общего плана. У директоров не было единства от предшественника к преемнику. У каждого из них была своя система. Каждый начинал работу сызнова по-своему, и ни одна из этих работ не была доведена до конца. Чтобы этого не повторялось в будущем, в музее при помощи специалистов составлен план каталога ...При составлении плана приходилось руководствоваться научной классификацией отделов с характером имеющихся в музее коллекций и их размещением» (Архив ХКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 264. Л. 4).

Все собрание музея было разделено В.К. Арсеньевым на 61 раздел, каждый из которых имел свой каталог с соответствующим номером. Такая система каталогизации, по мнению В.К. Арсеньева, имела преимущества в том, что «различные специалисты в различное время могут обрабатывать коллекции того или иного отдела, не мешая соседям. Затем, всякая вещь, вновь поступившая в музей, сразу становится на свое место за следующим номером, не нарушая общей нумерации». В.К. Арсеньев рекомендовал «в будущем строго придерживаться этого плана и работы по составлению каталогов продолжать именно в этом направлении» (Архив ХКМ. Ф.1. Оп.1. Д. 264. Л. 4 об.).

Из-за отсутствия специалистов описание некоторых коллекций представляло большие затруднения. Это касалось, главным образом, палеонтологической коллекции, экспонатов энтомологического отдела, музыкальных инструментов народов Восточной Азии, предметов религиозного культа и др. Особую сложность составляла атрибуция предметов зоологического отдела. Используя свои обширные связи в научном сообществе, Арсеньев отсылал коллекции к ученым в европейскую Россию. «Например, все шкурки посланы в г. Везенберг к Бутурлину, от которого уже получено уведомление, что птицы обработаны и высылаются обратно; насекомые посланы г. Каховскому, который распределит их между другими энтомологами, и уведомил, что насекомые будут высылаются назад частями по мере их обработки. Гербарий обрабатывается г. Десулави и г. Палибинным» (Архив ХКМ. Ф.1. Оп.1. Д. 264. Л. 4 об.).

К концу 1913 г. было составлено семь каталогов по различным разделам — № 1, 3, 4, 27, 30, 32 и 51, которые, как писал В.К. Арсеньев, «могут быть отданы в печать» (Архив ХКМ. Ф.1. Оп. 1. Д. 264. Л. 4). К сожалению, ни один из каталогов так и не был издан. Основной причиной послужила общая политическая и экономическая ситуация, связанная с Первой мировой войной. В отчете о проделанной работе за 1914 г. В.К. Арсеньев сетует: «Война, как и надо было ожидать, отразилась на делах музея не благоприятно» (Архив ХКМ. Ф.1. Оп.1. Д. 264. Л. 7). Тем не менее, работа по каталогизации музейных коллекций в Гродековском музее не остановилась, и за 1914 год были составлены каталоги за № 13, 18-24, 31, 33, 36, 47-52 и 56 (Архив ХКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 264. Л. 4).

Описанием этнографических коллекций занимался сам В.К. Арсеньев. Он проделал огромную работу по каталогизации этнографического собрания Хабаровского краевого музея. К 1913–1914 гг. им были составлены инвентарные каталоги по всем этническим коллекциям, рукописи которых в двух экземплярах хранились «в делах Музея» (Архив ХКМ. Ф.1. Оп. 1. Д. 264. Л. 7). Некоторые из этих каталогов, написанные рукой Арсеньева или отпечатанные на пишущей машинке, но имеющие рукописные пометки автора и его подписи, находятся сегодня в фондах ХКМ им. Н. И. Гродекова. Это каталог № 47 «Гольды», № 48 «Якуты», № 49 «Тунгусы», № 50 «Айны», № 51 «Орочи-удэхе», № 52 «Орочи Императорской Гавани», № 56 «Гиляки».

Ученый-этнограф по призванию, В.К. Арсеньев, находясь в разного рода экспедициях и поездках, не только приобретал предметы для музейных коллекций (археологических, зоологических, ботанических, этнографических и др.), но и собирал научные сведения, ценность которых сохраняется и сегодня. Эту информацию он использовал в работе над каталогами, систематизируя коллекции, определяя назначение экспоната, его национальное название. Наибольший интерес В.К. Арсеньев проявлял к изучению истории и культуры удэгейцев. Он планировал написать «основную свою работу» — «Страна удэхе» [13, с. 175]. Вероятно поэтому наиболее полным, информативным стал каталог № 51 «Орочи-удэхе», подготовленный в 1913 г. В него вошли 177 экспонатов, собранных как самим Владимиром Клавдиевичем в 1906–1913 гг., так и поручиком Н.Д. Кузьминым в 1894 г., а также предметы, переданные Олыгинским выставочным комитетом (пост Святой Ольги) в 1913 г.

Каталог имеет предисловие, в котором автор дает общую характеристику удэгейцев как этноса, выделив в нем четыре территориальные группы. Коллекция систематизирована по семи разделам: «Рыболовство», «Берестяные изделия», «Предметы домашнего обихода», «Одежда и украшения», «Охота», «Религия (шаманство)», «Жилища и способы передвижений». Каждому разделу предшествует вступительная статья, материалом для которых послужили полевые научные изыскания автора. И если общая тематическая классификация каталога вызывает определенные сомнения и возражения, то описание самих предметов построено в соответствии с музейной спецификой и содержит все основные сведения: название предмета литературное и национальное, его назначение, место и время сбора, фамилию собирателя. Позже тексты вступительных статей к разделам и предисловия почти без изменений вошли в книгу В.К. Арсеньева «Лесные люди удэгейцы», изданную во Владивостоке в 1926 г. [2].

В 1925 г. в Хабаровский краевой музей по рекомендации Л.Я. Штернберга приехала работать его ученица Н.А. Серк, ставшая заведующей этнографическим отделом. Она продолжила дело В.К. Арсеньева по систематизации этнографических коллекций музея. Ею были проверены каталоги, подготовленные В.К. Арсеньевым, на рукописях имеются соответствующие записи и подпись Н.А. Серк, а также составлены новые списки по народам, каталогов которых нет среди сохранившихся арсеньевских. Возможно, они и не были подготовлены ранее. Это списки «Чукчи» (1927), «Манегры» (1927), «Коряки» (1928), «Ульчи» (1928), «Памуты» (1928), «Алеуты» (1929). После ухода Н.А. Серк из музея в 1930 году работа по каталогизации музейных коллекций на долгие годы была остановлена.

В 1999 г. зав. отделом этнографии Т.В. Мельникова проделала большую работу по систематизации этнографического собрания ХКМ им. Н.И. Гродекова, выявлению этнической принадлежности предметов и составлению их инвентарного каталога. В начале 2000-х гг. в музее была возобновлена работа по научной каталогизации, вышли в свет каталог В.К. Арсеньева «Орочи-удэхе» (составитель Т.А. Мельникова) [9], «Рубахи славян-переселенцев Дальнего Востока России» (составитель — В.М. Редчун) [12], «Каталог орнитологической коллекции Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова» (составители — А.А. Купцова и В.В. Пронкевич) [4].

В 2011 г. Сектор этнографии приступил к масштабному проекту по научной каталогизации этнографического собрания музея и изданию серии каталогов. Была разработана долгосрочная программа, которая предполагала сначала издание каталогов по народам, чьи предметы хранятся в наших фондах, а затем, в итоге, подготовку единого сводного каталога всего этнографического собрания ХКМ им. Н.И. Гродекова. Програм-

ма была одобрена и утверждена Ученым Советом Гродековского музея. Наш опыт научной каталогизации подтвердил мысль В.К. Арсеньева о необходимости планомерного и системного подхода к описанию музейных коллекций. За семь лет нашим сектором подготовлено и выпущено 12 научных этнографических каталогов: «Негидальская коллекция» (2011) [7], «Сэвэны» (2012) [14], «Кухонная утварь коренных народов Хабаровского края» (2012) [5], «Айны» (2013) [1], «Эвены» (2014) [17], «Орочи» (2014) [9], «Эвенки» (2014) [18], «Нивхи» (2015) [8], «Удэгейцы» (2016) [16], «Якуты» (2017) [19], «Ульчи» (2017) [15], «Встречающие рассвет: народы Крайнего Северо-Востока России» (2017) [6]. В работе находится последняя и самая большая по количеству предметов этническая коллекция — нанайская. Издание этого каталога запланировано на конец 2018 года.

Все каталоги строятся по единому плану и имеют идентичную структуру. Помимо собственно описания этнографических предметов в них включены коллекции фотографий и документов, относящихся к теме каталога, а также печатные издания (словари, учебники и пр.), хранящиеся в фондах ХКМ им. Н.И. Гродекова. Каждый каталог снабжен кратким этнографическим очерком, дающим общую характеристику материальной и духовной культуры этноса, статьей об истории формирования данной коллекции, а также полным библиографическим списком по теме издания. Каталог этнографической коллекции, как правило, делится на разделы согласно принятой в этнографии тематике: орудия промыслов (рыболовства, охоты, оленеводства), средства передвижения, одежда, предметы быта, верования, игрушки. В некоторых каталогах, в зависимости от состава коллекции и количества предметов, выделяются более узкие темы, например: «Ковры», «Украшения», «Образцы орнаментов и предметы декоративно-прикладного искусства» и т.п.

Научное описание экспонатов включает следующие сведения:

- 1) автор (если известен);
- 2) название литературное и национальное;
- 3) время создания;
- 4) краткое описание предмета; все описания сопровождаются фотографией экспоната;
- 5) материал, техника изготовления, способ производства;
- 6) размеры (в сантиметрах);
- 7) сохранность (если имеются серьезные повреждения или нарушения целостности предмета);
- 8) способ, место и время поступления, собиратель;
- 9) участие в выставках;
- 10) воспроизведения.

Описание предметов предусматривает не только работу с музейным предметом, с инвентарной картотекой и учетной документацией музея, но и научную атрибуцию экспоната, требующую участия информантов из числа носителей этнической культуры, привлечения архивных данных, глубокого изучения специальной литературы и других источников. Как и во времена Арсеньева, главной проблемой в описании и атрибуции музейных предметов остается «недостаточность данных о присланных в музей коллекциях» (Архив ХКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 264. Л. 7). Только сегодня она стоит более остро и касается, главным образом, предметов, поступивших в музей до 1940-х гг. Основной блок каталога дополняется приложениями, включающими краткий словарь этнографических терминов, справочник выдающихся мастеров из числа рассматриваемого этноса, таблицы с данными по авторским коллекциям и собирателям, таблицы-навигации

и др. Особенно трудоемкой оказывается работа над справочником мастеров. Проблемно получение всей информации о них: и годы жизни (их не помнят даже родственники), и участие в выставках (для этого приходится искать каталоги старых выставок), и в каких музеях хранятся изделия мастера. В поиске биографических сведений приходится обращаться и в администрацию сел, и в районные и школьные музеи, и к малознакомым людям. Большую помощь в подготовке справочника ульчских мастеров оказал отдел ЗАГСа Ульчского района, только там мы смогли найти сведения о давно ушедших народных художниках.

Со знанием дела в одном из музейных отчетов Владимир Клавдиевич писал: «Составление каталогов — работа большая, ответственная, серьезная и не может быть выполнена в короткий срок» (Архив ХКМ. Ф.1. Оп.1. Д. 264. Л. 7). В Гродековском музее этому направлению научно-исследовательской работы уделяется серьезное внимание. Кроме этнографических каталогов в последние годы вышли «Письма военных лет 1941–1945 гг.» [10] (составитель — А.С. Мышкина), «Приамурское казачество» [11] (составитель — А.В. Белых).

Музейные каталоги очень востребованы и музейщиками, и учеными, и педагогами, и художниками, и всеми, кто интересуется историей и культурой Дальнего Востока. Они позволяют в полной мере оценить количественный и качественный состав коллекций. Сотрудникам музеев каталоги значительно облегчают подготовку выставок и публикаций, ученым дают фактологический и визуальный материал для исследований, народным мастерам демонстрируют эталонные образцы традиционного искусства, профессиональным художникам и дизайнерам — творческие идеи и сюжеты для новых произведений. Каталоги — это музейный продукт, рассчитанный на долгосрочную перспективу. Очевидно, что содержащаяся в них информация не является окончательной и предельно полной, но ее публикация дает возможность и основание для дальнейшего научного поиска.

1. Айны. Каталог коллекции Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова / авт.-сост. Т.В. Мельникова, М.В. Осипова, А.А. Пономарева. — Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2013. — 136 с.
2. Арсеньев В.К. Лесные люди удэгейцы. — Владивосток: Книжное дело, 1926. — 50 с.
3. Арсеньев В.К. Каталог Орочи-удэхе Гродековского музея (1913 г.) / ред.-сост. Т.В. Мельникова. — Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2005. — 90 с.
4. Купцова А.А., Пронкевич В.В. Каталог орнитологической коллекции Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова. — Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2011. — 68 с.
5. Кухонная утварь коренных народов Хабаровского края: Каталог коллекции их собрания Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова / авт.-сост. О.Х. Муллоянова. — Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2012. — 134 с.
6. Люди рассвета: каталог коллекции народов Северо-Востока России из собрания Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова // авт.-сост. М.В. Осипова. — Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2017. — 230 с.
7. Негидальская коллекция Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова: каталог. // авт.-сост. В.В. Лебедева. — Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2011 — 128 с.
8. Нивхи: каталог коллекции Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова / авт.-сост. М.В. Осипова. — Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2015. — 284 с.
9. Орочи: каталог коллекции Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова / авт.-сост. М.В. Осипова. — Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2014. — 168 с.

10. Письма военных лет 1941–1945 гг.: каталог коллекции Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова / авт.-сост. А. С. Мышкина. — Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2015. — 286 с.
11. Приамурское казачество: каталог коллекции Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова / авт.-сост. А. С. Белых. — Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2015. — 164 с.
12. Рубахи славян-переселенцев Дальнего Востока России: каталог. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2007. — 128 с.
13. Сибирские огни. 1972. № 9.
14. Сэвэнь: каталог культовой скульптуры из собрания ХКМ им. Н. И. Гродекова / авт.-сост. Г. Т. Титорева. — Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2012. — 206 с.
15. Ульчи: каталог коллекции из собрания Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова / авт.-сост. В. Б. Малакшианова, О. Х. Муллоянова, М. В. Осипова, К. Е. Пересыпкина, Г. Т. Титорева. — Хабаровск: ХКМ им. Н. И. Гродекова, 2017. — 320 с.
16. Удэгейцы: каталог коллекции из собрания Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова / авт.-сост. Г. Т. Титорева. — Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2016. — 188 с.
17. Эвэнь: каталог коллекции из собрания ХКМ им. Н. И. Гродекова / авт.-сост. Г. Т. Титорева. — Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2014. — 204 с.
18. Эвенки: каталог коллекции из собрания ХКМ им. Н. И. Гродекова / авт.-сост. В. Б. Малакшианова. — Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2014. — 260 с.
19. Якуты: каталог коллекции из собрания ХКМ им. Н. И. Гродекова / авт.-сост. В. Б. Малакшианова. — Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2017. — 108 с.

Н. А. Троицкая,
Российский государственный исторический
архив Дальнего Востока,
г. Владивосток

МАТЕРИАЛЫ О В. К. АРСЕНЬЕВЕ ИЗ ФОНДА КОМИССАРА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛАМ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

История жизни и деятельности В. К. Арсеньева на сегодняшний день известна довольно широко благодаря трудам нескольких поколений исследователей. Сохранившееся наследие ученого, его сочинения и дневники постоянно изучаются и публикуются. Поддержанию интереса к личности писателя и путешественника способствуют регулярно проводимые научно-практические конференции под эгидой Приморского государственного объединенного музея, носящего его имя. Однако это не означает, что все эпизоды жизни великого человека известны, что практически невозможно обнаружить что-то новое, к примеру, об Арсеньеве-чиновнике, в архивных фондах. Одним из таких собраний является Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ), где еще в советское время был составлен перечень документов, касающихся деятельности В. К. Арсеньева. При этом отметим, что факты из биографии писателя за 1913–1917 гг. в нем предельно скупы. Например, в послужном списке подполковника Арсеньева, составленном 23 августа 1917 г., присутствуют только пять записей за этот период, четыре из которых относятся к 1917 г. Причина такой скупости информации заключается в том, что осенью 1917 г. Владимир Клавдиевич окончательно расстался с военной службой, получив, согласно выслуге, чин полковника в отставке. В то же время следует иметь в виду, что с 1911 г. Арсеньев, оставаясь военным, находился на гражданской службе в Переселенческом управлении Главного управления землеустройства и земледелия. Это был прецедент. Император 26 апреля 1911 г., по просьбе великого князя Георгия Михайловича, издал указ «в изъятие из закона» сохранить штабс-капитану 23-го Сибирского стрелкового полка Арсеньеву военный чин (РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 171. Л. 7).

Революционный переворот 1917 года вовлек ученого в сферу управленческой деятельности в качестве областного комиссара по инородческим делам, или, как он сам пишет, «комиссара по делам туземцев края». Факт службы в этой должности подсказал направление поиска документов писателя в фонде Комиссара Временного правительства по делам Дальнего Востока А. Н. Русанова (РГИА ДВ. Ф. Р-1644). И надежды оправдались. Во-первых, были обнаружены документы, связанные с одним из «кратковременных, чисто служебных разездов по краю» [2, с. 152]. Это доклад штаб-офицера для поручений, командированного в распоряжение Приамурского генерал-губернатора, подполковника Арсеньева от 24 ноября 1915 г., представляющий собой 5 страниц машинописного текста, в котором излагается история рабочей поездки из Никольска-Уссурийского в п. Барабаш, в связи с нападением хунхузов на приграничные поселения (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 2. Л. 479–480 об., 491). Не повторяя содержание, написанное ясно и четко, «по-арсеньевски», отметим, что роль В. К. Арсеньева как чиновника состояла не столько в участии в проведении военных операций, сколько в анализе

ситуации и принятии оперативных тактических решений. Например, в обсуждении плана дальнейшей борьбы с нарушителями и определении маршрутов для казачьих разъездов. Полномочия штаб-офицера позволяли Арсеньеву выйти на прямой контакт с начальником штаба Приамурского военного округа по вопросу о посылке казаков на границу от урочища Барабаш, а также рекомендовать генерал-губернатору наградить отличившегося в борьбе с хунхузами вахмистра Калинина. В. К. Арсеньев, в целом осознавая недостаточность охраны границ разъездами, в данном конкретном случае подмечает слабую оперативность казаков, чьи лошади из-за отсутствия кузниц не были вовремя перекованы. Однако главным препятствием, по его мнению, было отсутствие телефонной связи в данном районе. Крестьяне с. Петровки-Пограничной о нападении разбойников могли сообщить в Барабаш только с пешим посыльным. Как и следовало ожидать, главный результат этой поездки чиновника Арсеньева — необходимость проведения телеграфной связи по линии Барабаш — Овчинниково — Петровка. Подполковник Арсеньев просчитывает затраты, рисует карту-схему района в масштабе в 1 дюйма — 10 верст и предлагает кандидатуру человека, способного наладить телефонную связь. В конвое доклада присутствует переписка, до 31 марта 1916 г. включительно, в том числе записка-автограф, направленная правителю канцелярии генерал-губернатора, о том, что заботы по устройству и обслуживанию телеграфа берет на себя лесничий Гродецкий (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 2. Л. 475). Включение этого блока документов в фонд Р-1644 можно объяснить существованием отдельного фонда комиссара по инородческим делам. О его существовании свидетельствует отчет Ю. И. Розенфельда (Нордштерна) об итогах путешествия по Охотско-Колымскому краю (август 1917 г.). На обложке этого дела значится «Комиссар по инородческим делам временного правительства Дальнего Востока» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 29). Видимо, свои коррективы внесла печальная судьба архива, в котором на сегодняшний день в фонде комиссара по инородческим делам значится только одно дело (РГИА ДВ. Ф. 1480. Оп. 1. Д. 1).

В опубликованной биографии Арсеньев пишет, что «весной 1917 г. был отправлен на европейский театр военных действий, но, по настоянию Академии наук и Русского географического общества, был возвращен в Приамурье для продолжения научных работ в крае» [1, с. 29]. Практически же направился он в Сибирь, а затем, вернувшись, принял должность комиссара по инородческим делам. По выявленным документам события этого времени выглядят следующим образом. Приказом по Армии и Флоту 28 марта подполковник Арсеньев был переведен в 13-й Сибирский стрелковый запасный полк, расквартированный в г. Ачинске. И, видимо, готовился направиться к месту службы. В этот момент к спасению ученого подключилась общественность. В частности, на Приморском областном съезде Комитетов общественной безопасности 9 апреля делегатом А. З. Федоровым был внесен на обсуждение вопрос об инородцах. Комиссия в составе Федорова, Щепетнова и Покровского подготовила решение, лейтмотивом которого стало введение должности комиссара по инородческим делам, который должен не только «убрать губительные меры, принятые ранее», но и собрать материалы к новому законопроекту. Естественно, будущее малых народов должно базироваться на началах правды и справедливости. При этом «областной съезд считает подполковника В. К. Арсеньева единственным желательным кандидатом на должность комиссара по инородческим делам» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-2). В свете этого решения Владимир Клавдиевич решил обратиться за поддержкой к Правительственному комиссару А. Н. Русанову, с которым был, несомненно, знаком по совместной общественной деятельности в г. Хабаровске. Обнаружена записка-автограф, адресованная комиссару А. Русанову: «Глубокоуважаемый Александр Николаевич! Приказом по армии и флоту 28 марта с. г. я переведен в 13-й Сибирский стрелковый запас-

ный полк, квартирующий в г. Ачинске. Опасаюсь, как бы не вышло недоразумений, если я долго не отправлюсь к месту назначения. С другой стороны, мне не хотелось бы зря разезжать по Сибири и тратить народные деньги. Поэтому обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой поскорее подать телеграммы министрам Гучкову и Львову. Искренне Вас уважающий В. Арсеньев. Извиняюсь за торопливое и небрежное писание» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 10. Л. 204). А. Н. Русанов поддержал просьбу и 12 апреля послал телеграмму военному министру А. И. Гучкову: «Убедительно прошу разрешить подполковнику Арсеньеву, назначенному в Ачинск в 13-й сибирский полк, остаться в крае в качестве комиссара по устройству инородческих дел. Арсеньев — известный исследователь края, знаток инородцев Приамурья, крайне необходим, ибо устройство инородцев Приамурья — дело неотложное, государственного значения» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 10. Л. 134).

В фонде сохранился также текст послания Южно-Уссурийского отдела РГО военному министру, вице-президенту Географического общества, вице-президенту Академии наук от 24 апреля 1917 г.: «Подполковник Владимир Клавдиевич Арсеньев выехал в Ачинск в тринадцатый запасный полк, дальше на фронт. Принимая во внимание, что Арсеньев является единственным в мире знатоком края и его бродячих и полуседлых аборигенов, называемых инородцами, численность коих достигает 12 000 и кои, благодаря безграмотному управлению прежних властей и жестокой эксплуатации китайцами, установившими у них институт рабства с торговлей людьми, идут по пути быстрого вымирания, и что в настоящий переходный момент эти инородцы беззащитны более чем когда-либо раньше, областной съезд делегатов исполнительных комитетов единогласно признал неотложным сосредоточить все дела местных инородцев в руках особого инородческого комиссара в лице Арсеньева, считая, что только он как лицо, пользующееся огромным авторитетом у инородцев, к коему они неоднократно обращались за разбором своих семейных и иных недоразумений, приезжая для этого в Хабаровск за сотни верст по глухой тайге и тратя на дорогу по три месяца, может справиться с задачей предоставления им возможности культурного существования и защиты их от бесчеловечной эксплуатации. Признавая, что интересы государственные требуют неотложной разумной заботы об инородцах края, до сих пор являющихся единственными посредниками между недоступной и сказочно богатой Уссурийской тайгой и русской инициативой, Южно-Уссурийское отделение Географического общества настоятельно просят вас оставить Арсеньева в крае и дать ему возможность принести свои силы государству там, где никто заменить его не сможет, где вмешательство обыкновенного чиновника только ускорит процесс вымирания людей. Областной съезд поручил Арсеньеву озаботиться подготовкой всех материалов для выработки Учредительным Собранием законопроекта по инородцам края и кроме того принял возможно полное участие в делах местного управления при разрешении вопросов рыболовства и соболевания, защищая интересы инородцев. О последующем благоволите уведомить. Председатель отделения Бодиско. Секретарь Федоров» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 10. Л. 265). Сохранившаяся в фонде копия этого послания, заверенная подписями и печатью, свидетельствует о значимости документа. В результате уже к 7 мая вопрос был решен положительно, но Арсеньев как военный должен был выполнить приказ: он отправился в Ачинск. После получения разрешения от командования он сообщает А. Н. Русанову: «меня освобождают, еду назад», но в связи с предстоящей остановкой в Иркутске спрашивает, «быть может желательно, чтобы я поехал в Петроград?». Правительственный комиссар требует немедленного возвращения на Дальний Восток (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 10. Л. 415-416). Министерство внутренних дел инициативу краевой общественности поддержало телеграммой от 10 мая 1917 г.: «Общество русских ориенталистов и Южно-Уссурийский отдел Географического общества просят министерство о возвраще-

нии из действующей армии и назначении комиссаром подполковника Арсеньева, знатока быта приамурских инородцев. Сообщая об изложенном, прошу Ваше заключение о желательности предоставить Арсеньеву вакантную должность комиссара. За МВД Леонтьев» (РГИА ДВ.Ф.Р-1644. Оп.1. Д. 30. Л. 63). Правда, к Русанову это распоряжение пришло только 23 мая. 14 мая 1917 г. поступило распоряжение об оставлении полковника Арсеньева в крае, подписанное начальником мобилизационного отдела полковником Саттерупом (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 30. Л. 56). 29 июня 1917 г. Арсеньев, согласно записи в послужном списке, был командирован в распоряжение комиссара Временного Правительства по делам Дальнего Востока. Однако «звание это с себя скоро сложил». О конкретной деятельности ученого в этой должности в фонде почти ничего нет. Уделявший огромное внимание вопросам рыболовства на Амуре комиссар А.Н. Русанов в одной из телеграмм от 1 июля 1917 г. Сахалинскому областному комиссару В.М. Порватову сообщил, что «на днях выезжает в Николаевск комиссар по инородческим делам Арсеньев», чтобы наметить план мероприятий по улучшению быта инородцев Сахалинской области (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 36. Л. 261). Для большей эффективности работы Владимир Клавдиевич обзавелся помощниками – «сезонными участковыми комиссарами», которых подбирал из представителей интеллигенции. По сведениям А.А. Хисамутдинова, с 3 по 12 августа он также был на рыбалках на Нижнем Амуре, где доминирующими проблемами были хищническая добыча рыбы промысловым населением и беззастенчивая эксплуатация инородцев [3, с. 123]. Но эта деятельность не приносила плодов, возможно, даже удовлетворения для специалиста. В июле 1917 г. он подал прошения министру земледелия, военному министру и начальнику Переселенческого управления. 12 августа 1917 г. из министерства земледелия поступила телеграмма А.Н. Русанову о том, что Арсеньев со дня отставки от военной службы будет назначен чиновником особых поручений 6-го класса Переселенческого управления в Приморском районе (РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 171. Л. 37). 10 октября 1917 г. подполковник Арсеньев приказом по армии и флоту уволен со службы военной для определения к статским делам с переименованием в коллежские советники (РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 171. Л. 39). Судя по всему, полученный опыт управленческой деятельности в «демократически-республиканских» условиях не принес ему удовлетворения. В условиях стабильно-действовавшей административной системы Российской империи, при поддержке администрации, В.К. Арсеньеву было проще решать сложные вопросы обустройства аборигенного населения края, заниматься экспедиционной научной деятельностью. Он вернулся к делу, которому уже была отдана большая часть его жизни и в котором он был профессионалом: переселению, организации рыбных и охотничьих промыслов. В подтверждение приведем слова самого путешественника, написанные немного позднее, в ноябре 1918 г., в письме коллеге, переселенческому чиновнику Б.Н. Клепинину: «Мною руководит исключительно стремление быть ближе к инородцам и желание быть подальше от административной работы среди русских» (РГИА ДВ. Ф. 19. Д. 171. С. 41). Гражданская служба позволила ему быть более свободным и сочетать научные и деловые интересы. Осенью 1917 г. Владимир Клавдиевич совершил 2 новых экспедиции: на Тунгуску (сентябрь) и в горную область Ян-де-Янге (ноябрь).

1. К юбилею В. К. Арсеньева: публикация документов // *Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Владивосток, 1998. Т. 3. — С. 3–33*

2. Тарасова А. И., Владимир Клавдиевич Арсеньев. — М., 1985.

3. Хисамутдинов А. А., «Мне сопутствовала счастливая звезда...».

Владимир Клавдиевич Арсеньев. — Владивосток, 2005.

Т.А. Тюнис,
МБУК «Владивостокская централизованная
библиотечная система», Библиотека им. И. У. Басаргина,
г. Владивосток

СЕВЕРНЫЙ РАЙОН ОЛЬГИНСКОГО УЕЗДА ПРИМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг. В ДОКУМЕНТАХ

С 1925 г. начинается советская колонизация Дальневосточной области. Разрабатывается оперативный (на 1925–1926 год) и перспективный (на 1926–1935 годы) планы развития народного хозяйства этой территории [1]. Собираются сведения об естественно-исторических условиях, возможности заселения, выявляются наиболее рациональные методы проведения колонизационных мероприятий, производится статистико-экономическое обследование туземного населения по побережью Японского моря [2]. В разработке текущих и долговременных программ экономического развития региона местным органам власти должна была помочь Первая конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока, которую было намечено провести с 11 по 18 апреля 1926 года в административной столице ДВК — Хабаровске. «Руководство подготовительными работами по созыву конференции вело специально организационное бюро, созданное при Далькрайплане в ноябре 1925 года под председательством В.К. Арсеньева» [3].

13–18 января 1926 г. в Хабаровске состоялось Колонизационное Совещание, в соответствии с постановлением которого Приморской переселенческой партии (заведующий Б.Н. Клепинин) предлагалось включить в план 1926 г. обследование побережья Японского моря с выполнением работ по выделению 3000 долей в районе лесных концессий [4]. Очевидно, именно в связи с интенсивным сбором и систематизацией материалов по региону и особенно пристальным вниманием к характеристике с разных точек зрения побережья Японского моря, в январе 1926 г. в земельное управление на имя заведующего Приморской переселенческой партией Б.Н. Клепинина от В.К. Арсеньева (который давно сотрудничал с Борисом Николаевичем) поступает рукопись на 42 страницах «Северный прибрежный район в колонизационном отношении» (машинописный текст за подписью автора). Предположительно, текст печатал текст не сам автор, часть ошибок, имеющихся в рукописи, были сделаны при перепечатке и исправлены В.К. Арсеньевым, в некоторых местах при перепечатке рукописного текста были оставлены пропуски, куда слова были вписаны автором от руки (например, достаточно редко используемый термин «замуливать»)¹.

В докладе известный исследователь Дальнего Востока представляет описание Северного района Ольгинского уезда от мыса Гиляк до залива Де-Кастри и по долинам рек, текущих к востоку от Сихотэ-Алиня. Автор основывается на своих наблюдениях и инструментальных съемках экспедиций 1908–1912 гг., дополняя их новейшими сведениями, собранными Верховским в 1924 г.

Владимир Клавдиевич приводит сведения о геологическом строении территории и горных породах; о климате и речной сети; о лесах, характеризуя состав древесных пород и приводя сведения о лесозаготовках, осуществленных разными компаниями в 1922–1925 гг. Показывает влияние климатических особенностей на хозяйственную деятельность и формирование растительности, например, отмечает, что в самой северной части современного Приморья «...прибрежные сопки совершенно оголены от леса. Влияние туманов и ветров губительно сказывается на растительности, близь моря деревья растут только по распадкам с подветренной стороны. Они имеют болезненный вид, ветви их загнуты в одну сторону. Это своего рода флюгеры, указывающие направление господствующего ветра» [5, Л. 19]. Совершенно другой характер растительности описывается В. К. Арсеньевым в долине реки Самарга, где «...произрастают великолепные хвойно-смешанные леса, состоящие из ели, пихты, лиственницы, кедра, тополя, ясеня, дуба, клена, вяза, ивы, ольхи и березы. Кедр в возрасте 200–250 лет имеет 20–25 метров высоты при 66 сантиметрах в диаметре, ель в том же возрасте 23–26 метров в высоту и 70 сантиметрами толщиной. Здесь леса рубились во время интервенции, причем в Японию вывезено свыше 500.000 бревен. В 1925 году лесным делом занимался Дальлес, производя порубки по реке Едину и Адими (вырублено 400.000 бревен). Тайга в долине реки Нельмы состоит из лиственницы /до 60%/, ели /до 35%/ и пихты /до 5%/. Здесь тоже порубки производили японцы, но лес не успели вывести. На берегу и в лесу валяются около 60.000 бревен. По соседству в районе реки Быстрой добыто свыше 10.000 телеграфных столбов» [5, Л. 20].

В докладе приводятся сведения о фауне указанной территории и добыче рыбы, описываются пути сообщения и возможные средства передвижения, подробно рассматривается район с колонизационной точки зрения. В частности, отмечается, что «...в южной части района самым большим переселенческим участком будет долина реки Самарги и прилегающая низменная прибрежная полоса около моря. Этот участок отмежеван на 50 семейств площадью в 4 079 десятин из коих 3 422 десятины земли удобной. Проживает 211 человек обоего пола» [5, Л. 29–30]. В. К. Арсеньев указывает, что рядом с рекой Самарга, южнее мыса Золотого, есть участок Адими, где «... в 1921 году была японская концессия, которая оставила после себя декавилку³ на 12 километров, бараки легкого типа и еще кое-какие постройки. Ныне здесь проживает 8 семейств /39 человек/» [5, Л. 31].

Исследователь приводит интересные данные о том, что с реки Един можно попасть только на Бикин, отмечает, что «...все исследователи проходили мимо и никто не обращал на нее внимания и потому река Един меньше всех изучена. Долина ее покрыта лесом и славится как хорошее охотничье место» [5, Л. 15]. Это замечание особенно интересно для нас в связи с тем, что именно в этот район к 1925 году переселились семьи старообрядцев из деревень Улахинской долины (Каменки, Кокшаровки и др.), в том числе и несколько семей Басаргиных. Владимир Клавдиевич указывает на изменения, произошедшие в размещении и занятиях коренного населения: «Что касается до туземного населения кекаре /удэхе/ и орочей, то первые расселились по рекам Едину и Самарги и Ботчи, вторые по рекам Копи (73 человека), Хади (32) и Тумнину (281 чел.) и кроме того есть еще две семьи тунгузов. Всего 289 семейств. В настоящее время все туземцы отодвинулись от берега моря вглубь страны по рекам: Исими — притоку Самарги и Хуту, притоку Тумнина, а часть перекочевала даже за Сихотэ Алинью в верховья реки Хунгари. Они занимаются охотой, рыболовством, сплавом леса и по-немногу начинают усваивать огородничество» [5, Л. 38]. Исследователь касается вопросов рационального использования рыбных ресурсов и рыбоводства, лесоустройства, с горечью пишет о губительных лесных пожарах: «Лесоустройство надо начать борьбой с лесными пожарами. Пора на леса смотреть, как на богатство, а на палы как на

несчастье. В северной части прибрежного района большие лесные пожары отмечены 1911 годом. Затем в 1924 году выгорело более 100 кв. километров, а в 1921 году горел весь берег Копи до Сюркума на протяжении более 190 верст в длину и в 12 километров шириною. Еще два таких пожара и весь описываемый район останется без леса, без пушиного зверя и даже без рыбы, ибо будет нарушена та биологическая обстановка, без которой немислим нерест рыбы в горно таежных речках» [5, Л. 38 об.].

В заключение автор рукописи подчеркивает, что без осуществления морского каботажа, без устройства волнорезов в местах высадки на берег, «...без дорог и телеграфа, без охраны лесов от пожаров и, вообще, естественных природных богатств страны от расхищений — колонизация северного прибрежного района почвы под собой не имеет» [5, Л. 39]. Практически одновременно с В.К. Арсеньевым — 6 февраля 1926 г. в Приморское губернское земельное управление работником Дальлеса Муратовым направлены материалы о результатах обследования им в течение 1924–25 гг. береговой полосы от поселков Великая Кема до Кхуидина, а также Самаргинского района (Единка-Самарга-Адими), с приложением схематического план Самаргинского района. Автор подчеркивает, что, по его мнению, «...участок заселен не полностью имеется много неиспользованной земли и имеется возможность увеличить площадь годных земель мелиорацией» [6, Л. 41 об.], отмечает трудности в освоении территории, обусловленные отсутствием путей сообщения, климатическими факторами, заболоченностью отдельных участков, приводит сведения об уже существующих поселениях и о годных для заселения участках по долинам наиболее крупных рек Северного района Ольгинского уезда: «...1) р. Ахоб.

В 1925 году сильно заселялась и в прибрежной полосе насчитывается до 30 хозяйств и кроме того верстах в 5 от берега моря образовался отдельный поселок в 7 дворов. Население /за малыми исключениям/ старообрядческое. По словам населения у них якобы ощущается уже недостаток в землях, но заявления эти нуждаются в проверке и кроме того в их участке имеются земли подлежащие мелиорации и следовательно после мелиорации емкость участка увеличится. Вверх по течению имеются небольшие и годные для заселения участки. 2) р. Единка. На правом около устья имеется большая площадь удобной земли, обосновалось 4 хозяйства, возможно дальнейшее заселение. По некоторым сведениям на эту площадь сделал заявку ходок на переселение туда до 10 хозяйств, но точно мне об этом неизвестно.

На левом берегу имеется 2 селения: около моря Единка и в 7 верстах от моря Перетычиха. Точно площади не знаю, но предполагаю, что с. Единку можно увеличить, сел. Перетычиха заполнено, т. к. туда в 1925 году вселилось до 20 хозяйств старообрядцев из Кокшаровки. Возможно расширение той и другой площади путем осушения ближайших болот и раскорчевки. Вверх по течению верстах в 20 имеется годный участок земли — не заселен. 3) Самарга. Около устья. На правом берегу сильно разрастается пос. Назаровка, образовавшийся на участке «Самарга» и по местным условиям (разделение земельн. участка рекой) стремящийся отделиться от поселка Самарги. По моему мнению участок заселен не полностью, имеется много неиспользованной земли и имеется возможность увеличить площадь годных земель мелиорацией. На левом берегу расположен пос. Самарга в коем годные земли уже использованы и дальнейшее расширение возможно только при наличии мелиоративных работ. Вверх по течению р. Самарги имеются следующие пригодные площади.

а) Пугдо в 8 верстах от моря на правом берегу реки, не отграниченная площадь, используемая лесничеством как сенокосная оброчная статья. В 1925 году поселилось 2 семьи и кроме того яко-бы имеется заявка ходока на это участок на 10-15 семей,

можно образовать поселок отграничив его. Необходимо связать дорогой по правому берегу с Назаровкой, каковая дорога будет служить пользой для обоих поселков. б) Мухтуку в 12 верстах от моря на левом берегу реки. Площадь прорезывается речкой Чифи. Население 4 двора русских и 2-3 кор. фанзы. Имеются заболоченные участки подлеж. мелиорации, местность открытая, редкие куртины чернолесья. Существ. поселок может быть расширен т. к. земли использованы и то не полностью, по левому берегу Чифи. Отграничения нет — отграничить. в) Унты в 25 верстах от берега моря. В 1925 году поселок из 1 го хозяйства разросся до 20 с 122 душами населения. Площадь земель до 2000 десятин в большей части удобной ибо заболоченность и заросленность небольшая. Возможно образование отдельного поселка (дабы отделить от старообрядцев). Необход. отграничение т. к. такового нет. г) Кунжи в 35 верстах от берега моря. Около 1800 десятин, под довольно крупным чернолесьем, требует раскорчевки. Не отграничен. Последние 2 участка — Унты и Кунжи лесоустройством запроектированы к выделу в с — хоз. пользование. По данным лесоустр. почва на обоих участках весьма удобная для земледелия — на уч. Унты до 40 сант. и на уч. Кунжи — до 27 сант. чернозему с дальнейшей почвой: суглинков, супесь и песок. Все эти участки — Мухтуку, Унты и Кунжи д. б. связаны дорогой с п. Самаргой ибо доступ к ним летом возможен только вьюком. На уч. Назаровка и Пугдо почвы так же хорошие. д) Особо д. б. выделен участок по р. Хулеми — в 60 верстах от моря. Доступ к нему затруднителен. Участок мало обследован. Может быть использован во II очередь. В текущем году Дальлесом в вершине этой речки ведутся порубки. Выше по р. Самарге, по словам орочен имеются удобные участки, но сведения эти требуют проверки и вообще заселение их возможно только по заполнении внизу и по мере продвижения лесозаготовок вверх по реке. 4) II Самарга — речка между Самаргой и Адими — имеются несколько пустующих участков для отдельных хозяйств — необходима раскорчевка. 5) Адими — участок лесной, годных земель мало, заселен полностью. Необходимо отметить что поселение слабых семей из степной полосы не достигнет цели, т. к. условия жизни на побережье значительно труднее, чем по Усс. ж. д. и в текущем году был случай что переселившиеся в с. Ахобэ несколько слабых семей учтя все трудности с. — хоз. работы в этом районе, возвратились обратно» [6, л. 41-42 об.]. Специалист Дальлеса делится также своими соображениями по дополнительному обследованию отдельных участков долины реки Самарга, проведению изысканий, постройке дорог и переправ.

Летом 1926 г. известный зоолог А.А. Емельянов по поручению Дальневосточного краевого статистического управления произвёл статистико-экономическое и отчасти этнографическое обследование туземного населения по побережью Японского моря. Район работы лежал на юге от речки Един и на севере до реки Копи, поднимаясь вверх по рекам Едину, Самарге, Нельме, Копи. «В 8 км вверх по реке Едину, на левом берегу его, на поляне среди леса, в порядке расставлены пахнувшие смолой, новые ещё совсем, за заборами, избы староверческого селения Перетычихи. Их здесь 24. Перетычихинцы переселились сюда с Уссури в сентябре прошлого года, прямо в тайгу, а теперь, благодаря сплочённости и трудолюбию и, конечно, известной хозяйственной обеспеченности, обстроились и распахали необходимую площадь под пашню, расчистили покосы. Строят водяную мельницу. Живут сытно и тепло. Народ крепкий физически, рослый, здоровый. «Люты у нас мужики на работу», — говорит одна хозяйка. Хвалят угодыя. «На Уссури хуже жилось, тесно было. А здесь просторнее, хлебушко ладный растёт, да и скотине привольнее здесь, травы хорошие, сытные. Придёт с поля скотина, ночью стонет, тяжело ей сердечной, так накормится за день, в кожу плохо влезает», — говорят староверы. Всего в Перетыгиче 136 душ населения. Перетыгича также связана с Самаргой, туда приходится ездить за покупками» (Текст был опубликован в «Вестнике Тернея» Начало в № 167-170 за 2005 год, № 3-4, 11-12, 16-17 за 2006 г.).

На наш взгляд, представляется интересным опубликовать цитируемые выше статьи В.К. Арсеньева, Муратова и А.А. Емельянова «Северное побережье Приморья: Из поездки летом 1926 года» отдельным сборником.

В заключение отметим, что название указанной в данной статье рукописи В.К. Арсеньева не приводится в библиографическом списке А.И. Тарасовой в ее книге «Владимир Клавдиевич Арсеньев» [7, с. 364, 369] в других изданиях. Скорее всего, текст рукописи использован В.К. Арсеньевым при написании им статьи «Северное побережье в колониационном отношении» // Экономика и жизнь Дальнего Востока. — Хабаровск, 1926. № 3. (Физико-географическая характеристика северного побережья на участке от м. Гиляк до зал. Де-Кастри)⁴. Возможно, цитируемая выше рукопись В.К. Арсеньева имеет отношение к тексту выступления на Первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока «Естественно-исторические факторы колонизации Дальнего Востока», Хабаровск, 1926 г.» [7, с. 369] и к статье «Колонизационные перспективы Дальнего Востока. Производительные силы Дальнего Востока. Т. 5: Человек. Хабаровск, 1927» [7, с. 369], в которой описываются роль и значение южных частей Дальнего Востока для колонизации, но это требует дополнительных исследований.

1. Перспективный план колонизации Дальне-Восточной области на 1926-35 г.

Советская колонизация Д. В. О. [Электронный ресурс]. URL: <http://debri-dv.com/m/article/7951>, (дата обращения 21.07.2017).

2. Емельянов А. А. Северное побережье Приморья: Из поездки летом 1926 года // Вестник Тернея. 2005. 31 дек..

3. Малявина Л. С. Первая конференция по изучению производительных сил советского Дальнего Востока (апрель 1926 г.) о перспективах и проблемах социально-экономического развития региона // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 182-195.

4. РГИА ДВ. Ф. Р 236. Оп. 1. Д. 62. Л. 47, 48.

5. РГИА ДВ. Ф. Р 236. Оп. 1. Д. 62. Л. 1-39.

6. РГИА ДВ. Ф. Р 236, Оп. 1. Д. 62. Л. 40-44.

7. Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. 2-е изд. испр. и доп. — Владивосток: Издат. дом Дальневост. федер. ун-та, 2012. — 412 с.

¹ Замуливать — затягивать, заносить.

² В цитируемых фрагментах сохранены орфография и пунктуация авторов.

³ Дековилька — узкоколейная переносная железная дорога в горном и лесном промысле.

⁴ К сожалению, страницы данной статьи найти не удалось.

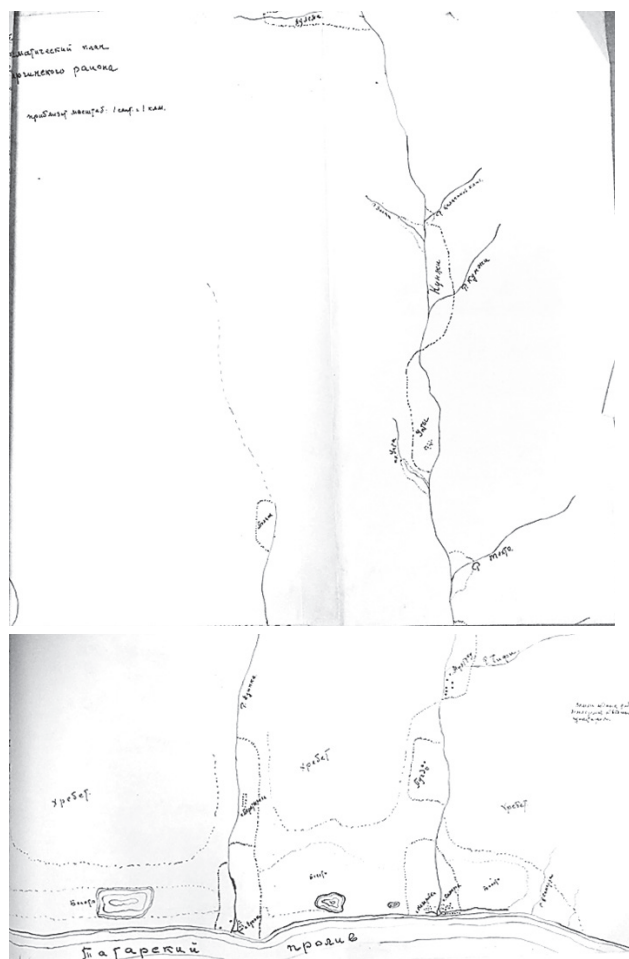

Рис. 3. Схематический план Самаргинского района.

Составитель Муратов.

Приблизительный масштаб: 1 см. = 1 км.

М. Н. Храмцов,
Администрация Черниговского района,
Приморский край, с. Черниговка

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ РУДНИЦКИЙ — ПЕРВЫЙ КРАЕВЕД ЧЕРНИГОВСКОГО РАЙОНА ПРИМОРСКОГО КРАЯ

В статье речь пойдет о первом краеведе Черниговского района, члене Всесоюзного географического общества СССР — Александре Михайловиче Рудницком. Александр Михайлович Рудницкий родился в многодетной семье сельского сапожника 2 сентября 1906 года в селе Новониколаевка, Екатеринославской губернии. Семья жила небогато, поэтому с детства ему приходилось подрабатывать у зажиточных крестьян. Еще в юности Александр Михайлович «открыл» у себя талант художника, и, чтобы выучиться на него, ему пришлось совмещать работу на заводе, в сапожной мастерской и художника-оформителя в театре с обучением в художественном училище города Днепрпетровска. В Черниговском районном музее хранятся его картины, которые он передал ему в дар. Мечту продолжить образование художника прервала служба в РККА, служил Александр Михайлович с 1928 по 1930 год в Третьей кавалерийской дивизии имени Г.И. Котовского.

Летом 1929 года он был выбран дивизионным комитетом в качестве представителя или, как тогда говорили, «ходока» для ознакомления устройства сельскохозяйственных коммун в Приморском крае. В создаваемые коммуны требовались трудящиеся, а на Дальнем Востоке рабочих рук не хватало, поэтому выручали демобилизованные красноармейцы с центральных регионов СССР. Впоследствии три колхоза в районе были названы демобилизованными красноармейцами — УВО (Украинский Военный Округ), ОКДВА (Отдельная Краснознаменная Дальневосточная Армия) и Красная Звезда.

А.М. Рудницкий прибыл в с. Черниговка в конце сентября 1929 года. Вид приморских сел сначала его удивил, вместо белых, глинобитных мазанок с маленькими окошками, здесь стояли рубленные дома, вместо соломенных крыш, здесь все крыши крыты оцинкованным, волнистым железом, возле домов стоят дощатые заборы, а не загаты из жердедей. И ещё чем удивили его местные села, так это то, что здесь нет вишневых садов и вообще мало деревьев около домов. После подробного ознакомления с устройством сельскохозяйственных коммун в Черниговском районе Александр Михайлович убыл в свою войсковую часть, где подробно отчитался о своей поездке на Дальний Восток перед личным составом своей дивизии. После этой командировки он начал готовиться к демобилизации и собирался поступить в художественное училище г. Ленинграда. В мае 1930 года он был принят в ряды ВКП (б).

Однажды, за полтора месяца до окончания службы в армии его вызвал заместитель командира дивизии по политической работе и сказал, что А.М. Рудницкий будет сопровождать в качестве комиссара эшелон демобилизованных красноармейцев до места

назначения — Черниговский район Приморской области как уже побывавший в этих краях и где все красноармейцы эшелона будут распределены по сельскохозяйственным коммунам района, а ему также придется остаться в одной из коммун на неопределенное время. Это было крушение мечты стать художником, но он подчинился приказу своего командира и партии. Так, Александр Михайлович снова отправился на Дальний Восток.

9 ноября 1930 года эшелон с красноармейцами в количестве более 200 человек прибыл на ст. Мучная. Здесь А.М. Рудницкий был распределён районной приемочной комиссией в 8 усадьбу коммуны «Реввоенсовет», которая располагалась в селе Горный Хутор Черниговского района, для организации в ней партийной организации ВКП (б). Через три месяца, в 10 февраля 1931 года, на отчетно-выборном собрании, после реорганизации коммуны в колхоз он как один из активных членов коммуны был избран заместителем председателя по хозяйственным вопросам и начальником строительства колхоза имени «Реввоенсовета». Рудницкий занимался строительством объектов для нужд колхоза — жилых домов для работников, амбаров, конюшен, сараев.

На новой должности работать было не просто, так как не было строительных материалов и средств для строительства, да и работа его была сопряжена с опасностью для жизни. Во время командировки за строительным лесом в село Вассиановка его захватили в плен бандиты, которых еще было много в тайге в то время, но его успели спасти охотники, которые случайно охотились недалеко от места происшествия. А однажды, ночью кто-то выстрелил из обрез в окно правления коммуны, где он находился, но пуля, к счастью, пролетела мимо него.

Весной 1932 года районным комитетом партии он был направлен на новую для него работу в таежное село Лунза (ныне Грибное), что в десяти километрах от с. Черниговка, для создания колхоза «Трудовая пчела». После избрания его председателем правления колхоза Александр Михайлович сразу развил активную деятельность по организации нового хозяйства. Проблем, как всегда, было много — денег на счету колхоза не было, семенного фонда для проведения полевых работ тоже, колхозники голодают, единоличники в колхоз не идут, в тайге разбойничают бандиты, да и отношения с новым председателем райкома партии с самого начала у него не заладились. Но по-видимому Александру Михайловичу по жизни сопутствовала удача. С зерном колхозу «Трудовая пчела» помог военный зверосовхоз, который располагался в с. Лучки Хорольского района. По договору колхоз получил столь необходимое зерно для посева, а зверосовхоз несколько тонн меда — вот так взаимовыручка председателя колхоза и командира зверосовхоза помогли провести первую посевную колхоза «Трудовая пчела».

Летом 1932 года Рудницкий отправился в командировку в г. Владивосток за новым деревообрабатывающим станком, который был нужен колхозу для изготовления новых ульев. В купе поезда он познакомился с главным инженером «Дальзавода», который предложил Александру Михайловичу шефскую помощь в осуществлении электрификации села Лунза осветить дома, улицы, амбары и машинный двор колхоза, тем самым механизировать труд крестьян. В короткий срок были заготовлены деревянные столбы, протянуты провода и установлены лампы освещения на улицах и в домах села, электричеством запитывались от динамомашин, которую вращал локомотив установленный в колхозной кочегарке. Среди жителей села даже возникли споры, потухнут или нет во время дождя или сильного ветра лампы накаливания, а некоторые дули на лампочки «Ильича», в надежде их затушить. Кстати, в начале 30-х годов, в Черниговском районе практически полностью электрифицировано было только два населен-

ных пункта — это колхоз «Красная Звезда» (ныне с. Орехово) и село Лунза (с. Грибное), а в более крупных селах района люди по-прежнему пользовались керосиновыми лампами. С появлением электричества в селе жизнь людей изменилась в лучшую сторону. В скором времени в домах жителей с. Лунза районный узел связи установил радиоточки (знаменитые чёрные тарелки). По меркам того времени это был прогресс, люди видели как постепенно улучшается их быт, поэтому и количество семей вступивших в колхоз «Трудовая пчела» быстро выросло за полгода с 12 до 32. 1934 год для колхоза «Трудовая пчела» был удачным, высокие урожаи зерновых и хороший медосбор помогли колхозу «встать на ноги» и полностью расплатиться с колхозниками за «трудодни». По этому поводу председатель колхоза А.М. Рудницкий решил устроить для жителей села праздничный ужин, приурочив его к празднованию Семнадцатой годовщины Октябрьской революции 1917 года. Это мероприятие прошло настолько удачно, что после его проведения более 50 семей единоличников села решили вступить в колхоз «Трудовая пчела». К Александру Михайловичу стали приезжать председатели и партийные работники соседних колхозов и сел, чтобы перенять опыт работы по организации колхозов.

В 30-е годы в стране шла большая ротация управленческих кадров, новая власть училась управлять государством и искала для этого наиболее способных людей. Сменился первый секретарь Черниговского райкома партии Переяславский, с которым у Рудницкого не сложились отношения, на его место пришел другой — некий Хазбиевич (инициалы нам неизвестны), он и предложил кандидатуру председателя колхоза «Трудовая пчела» на должность третьего секретаря в районный исполнительный комитет Черниговского района. К этому времени Александр Михайлович уже был женат. Он взял в жены девушку из села Лунза — Анфису Ивановну Тузник, с которой познакомился на праздновании 17-й годовщины Октябрьской революции — 7 ноября 1934 года, а ровно через год — 7 ноября 1935 года они расписались в сельсовете с. Лунза. В августе 1936 года у них родилась дочь — Валентина, а в 1938 году вторая дочь — Алла. Всего детей у Рудницких было трое, в 1951 году родился сын Михаил.

На новом рабочем месте в РИК ему опять пришлось учиться заново руководить. Раньше все свои решения как председатель колхоза он принимал сам и за них нес ответственность, ни за кого не прятался. В райисполкоме ему пришлось свою работу согласовывать с вышестоящим руководством, но и здесь Александр Михайлович смог быстро разобраться в хозяйственных вопросах района и принимать ответственные, а порой и достаточно смелые для того времени решения. А времена действительно наступили сложные — период репрессий конца 30-х годов, когда за неосторожно высказанную мысль можно было лишиться не только свободы, но и жизни. Подверглись репрессиям первый секретарь Черниговского райкома партии — Ларин (инициалы неизвестны), исполняющий делами первого секретаря района после Ларина — А.П. Прядко, директор МТС района — Г.А. Золотарь, директор Черниговской школы механизаторов — Т.Г. Залуцкий, директор Черниговской бумажной фабрики — К.М. Сандул и другие. Все они были объявлены врагами «народа», хотя в последствии почти все, кроме Т.Г. Залуцкого, были оправданы (Тимофей Григорьевич Залуцкий был реабилитирован и восстановлен в партии только в 60-х годах). Они вернулись на свою прежнюю работу или были направлены на другую. Бывший директор Черниговской МТС — Г.А. Золотарь был выдвинут на должность заместителя заведующего сельскохозяйственным отделом Приморского Крайкома партии. А.П. Прядко назначен директором спичечного завода г. Владивосток (в последствии фанерный завод). В своих воспоминаниях Александр Михайлович писал, что не только руководящие работники района, но и простые граждане подвергались необоснованным арестам. В таких достаточно сложных условиях он был утвержден на районной партконференции ВКП (б)

вторым секретарем Черниговского райисполкома. Как руководителю большинство вопросов ему приходилось решать в области сельского хозяйства. Плановая экономика позволяла ежегодно увеличивать количество техники в колхозах и МТС, в районе к тому времени была завершена сплошная коллективизация хозяйств, в селах строились новые школы, увеличивалось количество учащихся, полным ходом шла «ликвидация» неграмотности среди населения. По прошествии некоторого времени, после избрания на должность второго секретаря РИК, Александра Михайловича вызвали в Уссурийский областной комитет партии на утверждение его в должности второго секретаря Черниговского райкома партии. Но на заседании Уссурийского обкома в должности его не утвердили, мотивируя это тем, что в Черниговском районе были арестованы бывшие руководители районного комитета партии, с которыми А.М. Рудницкий вместе работал. На Александра Михайловича «упала» тень подозрений в связях с «врагами народа», но, к счастью, волна репрессий его миновала. Более того, он был утвержден в должности второго секретаря районного комитета партии, а немного позже — первым секретарем Черниговского райисполкома. В наше время эта должность приравняется к должности главы муниципального образования.

Но и председателем РИК Черниговского района ему долго работать не пришлось, начиная с 1938 года А.М. Рудницкий назначался на различные руководящие должности в г. Уссурийске, Хабаровске и Амурской области. Во время Великой Отечественной войны А.М. Рудницкий с семьей проживал и работал в г. Хабаровске, где его призвали на воинскую службу, но через три дня он был отозван с призывного пункта и направлен в одно из засекреченных учреждений. Где и кем он работал в этот период, нам, к сожалению, неизвестно, так как не осталось его воспоминаний и документов. В последствии эти годы ему не были зачислены в трудовой стаж.

С 1949 по 1951 год А.М. Рудницкий работал заместителем начальника Переселенческого отдела, начальником управления краевой конторы «Сельстрой». С 1951 по 1964 год он работал мастером малярных работ на ряде судостроительных заводах г. Владивостока и в 1973 году ушел на заслуженный отдых. Согласно записям в трудовой книжке, выданной ему в 1949 году, его работа была отмечена большим количеством благодарностей и поощрений. В 1953 году, после смерти И.В. Сталина, на партийном собрании А.М. Рудницкий выступил в его защиту, как и многие другие, не верил в ошибки Сталина. Его лишили партбилета, но впоследствии восстановили в партии без перерыва, за что он получил золотой значок за 50 лет в рядах партии.

С целью продолжения работы по истории села и района он в 1975 году переехал из г. Владивостока в село Черниговка, где поселился в доме, который стоит недалеко от его бывшего места работы — райисполкома. 22 ноября 1971 года он был принят в ряды Географического Общества СССР. В 1972 году свои воспоминания о нашем районе периода 30-х годов он записал в рукописи под названием «История одного района», однако она до настоящего времени не издана и хранится в краеведческом музее Черниговского района. Эта рукопись является «настойной книгой» краеведов района и всех кому не безразлична его история. Также Александр Михайлович занимался созданием музея истории Черниговского района, который официально был открыт в 1991 году, уже после того, как он покинул с. Черниговка. В июне 1988 года дети забрали Александра Михайловича в Владивосток по состоянию здоровья. Умер он 17 февраля 1994 года и был похоронен на Лесном кладбище г. Владивостока. Его верная спутница по жизни — супруга Анфиса Ивановна пережила его на три года.

Ю. А. Яроцкая,
 Дальневосточный Мемориальный Дом-музей В. К. Арсеньева,
 филиал Приморского государственного объединенного музея
 имени В. К. Арсеньева,
 г. Владивосток

ТЕАТР ДОМА АРСЕНЬЕВЫХ¹

Весной 2017 г. я выиграла грант Благотворительного фонда Владимира Потанина на индивидуальную стажировку в музеях России по теме «Создание и продвижение музейно-театрального проекта». Реализация грантовой программы намечена на конец сентября-первую половину октября 2017 г. Объектами моего внимания станут музейно-театральные проекты в Музее елочной игрушки «Клинское подворье» (г. Клин), Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник А. П. Чехова Мелихово, Архитектурно-этнографический музей Вологодской области «Семенково» (г. Вологда), Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (г. Санкт-Петербург). Стажировка стала возможной благодаря тому, что коллектив Дома-музея В. К. Арсеньева в течение 2015–2017 гг. вел очень активную работу в музейно-театральной области.

Однако идея театрального проекта в Доме-музее В. К. Арсеньева родилась и была реализована значительно раньше, в год открытия Музея (1997). Она принадлежит Заслуженному артисту России, ведущему актеру Театра им. М. Горького, декану театрального факультета Дальневосточного государственного института искусств, профессору Александру Ивановичу Запорожцу, ведущему поиски в области новых выразительных возможностей театра и новых театральных форм. Тогда в Музее он поставил сцену из книги В. К. Арсеньева «Дерсу Узала». Мною же был написан сценарий «Музыкальный вечер в доме Арсеньевых». Над содержанием сценария я работала в фондах ПГОМ им. В. К. Арсеньева, в его основу легли семейные (и не только) воспоминания о том, какая музыка была любима и исполнялась в родительской семье путешественника, а также в доме, в который сейчас является его Домом-музеем. Эта программа имела большой успех у публики. В ней приняли участие солист Приморской Филармонии Леонид Буккин (фортепиано) и заслуженный деятель Всероссийского театрального общества Андреана Гургеновна Агбалиян, которая явилась первой исполнительницей роли Марии Арсеньевой (младшей сестры путешественника, оперной певицы). Андреана Гургеновна, которая, к прискорбию, ныне уже ушла из жизни, и внешне, и голосовыми данными (сопрано) напоминала Марию Клавдиевну. Она была большим другом Музея, представляла здесь многие свои программы, очень интересовалась краеведением. Эти спектакли и программы А. Г. Агбалиян стали частью «Вечеров Серебряного века», которые регулярно проводились в Доме-Музее в течение 1997–1998 гг. Поскольку жизнь В. К. Арсеньева пришлась на время развития модернизма в русском искусстве, такие вечера были очень органичны для Дома-музея. Несколько программ для них создала актриса Екатерина Кучук. Затем был долгий перерыв, когда «Вечера Серебряного века» прекратили свое существование в Доме-музее В. К. Арсеньева.

Новый проект «Театр Дома Арсеньевых» реализовывался 2,5 года. За это время заслуженным артистом России А. И. Запорожцем была поставлена детская интерактивная театральная программа «Звери, на подиум!», в которой принимали участие 12 студентов его нынешнего курса. Программа родилась из идеи студенческого представления

«Цирк», но не повторяет ее. В интерьере Дома В.К. Арсеньева дети встречаются с волшебниками, которые могут превращаться в разных зверей, которых детям надо угадать по повадкам. В ходе игры ребята овладевают определенными актерскими навыками, вступают в общение с «животными», каждое из которых обладает своим «мастерством», которому дети могут научиться, в финале программы каждый может продемонстрировать свое мастерство перевоплощения в животное, которое все должны угадать. Программа пользуется любовью и детей, и взрослых. Смелее, как правило, перевоплощаются и играют вместе с детьми папы, мамы смущаются и наблюдают. Многие приходят на нее не один раз, был даже случай, когда мама с дочками пришла в гости к студентам с пирогами, после совместного чаепития был устроен импровизированный показ превращений.

Первым взрослым спектаклем, поставленным в 2015 году, стал спектакль о судьбе Маргариты Николаевны Арсеньевой, сценарий которого я написала на основе фондовых документов 20 лет назад, когда Дом-музей только открылся, но поставить это спектакль тогда не удалось. Интересным моментом в подготовке спектакля был выбор актрисы на главную роль. 20 лет назад еще не были известны фотографии Маргариты Арсеньевой, выполненные в хорошем качестве, на тех снимках, которые были, она внешне напоминала мне Марину Волкову. Марина тогда только окончила Институт Искусств и начала работать в Театре им. М. Горького. Когда в 2015 г. мы стали делать спектакль, Марина перед премьерой нашла в Интернете фотографию Маргариты, а мне показали ее коллеги в Музее. Поэтому, когда Марина пришла на премьеру в прическе Маргариты, я была очень удивлена, что она так точно «угадала». Роль Арсеньева в спектакле исполнил актер Театра ТОФ Сергей Гончаров. В спектакле также принимают участие актриса Театра ТОФ Татьяна Иванашко, актер Театра им. М. Горького Константин Суворин, заслуженный артист Российской Федерации Александр Запорожен.

Вторым был спектакль «Стебли нот расцветающих» о музыке в доме Арсеньевых. Спектакль создан на основе сценария «Музыкальные вечера в Доме Арсеньевых». Однако материал был переработан, и сейчас представление выглядит совершенно по-иному, чем 20 лет назад. Музыкальная канва в спектакле сохранена, спектакль обогащен драматическими сценами, в которых принимают участие актриса Театра ТОФ Татьяна Иванашко и студент 3 курса ДВГИИ (мастерская А. Запорожца) Артем Скворцов, партию фортепиано исполняет заслуженный артист Российской Федерации, солист Приморской Филармонии Леонид Букин. Роль главной героини, младшей сестры Арсеньева Марии, оперной примы, получившей консерваторское образование в эмиграции, в Праге, сыграла выпускница ДВГИИ Мария Христофорова (меццо-сопрано). Мария сделала очень сложную работу, она выступила в этом проекте и как певица, и как драматическая актриса, что было для нее совершенно новым опытом.

Театр работает по принципу антрепризы. В спектаклях театра заняты актеры всех поколений, старшие из которых — уже упомянутые Леонид Букин и Александр Запорожен. Все актеры младших поколений, исключая певицу Марию Христофорову, являясь выпускниками мастерской Александра Запорожца и ведущими актерами театров Владивостока. Даже Артем Скворцов, еще студент, уже играет главные роли в Театре Молодежи.

Конечно, в постановке спектакля, сценарий которого создан на основе документальных материалов, есть свои сложности. Например, монолог молодой женщины в спектакле «Ожог от лепестка» — текст воспоминаний о Маргарите невестки сестры Владимира Клавдиевича Веры. И его надо было решить театральными средствами, чтобы он стал

органической частью спектакля, состоящего из драматических сцен. Мне как постановщику в этом случае приходится иметь дело с двумя стихиями — театром и документом, художественным исследованием и научным. Но такой синтез дает свои плоды. Мы с Мариной Волковой, например, долго шли к пониманию того, какой на самом деле была Маргарита. Безусловно, я далека от мысли, что нам удалось точно воссоздать ее образ, мы создали его научно-художественную интерпретацию, однако музейный театр позволил быть ближе к документальному факту.

Как правило, спектакль в музее является продолжением некоей деятельности, связанной с театрализацией таких традиционных видов музейной деятельности, как, например, экскурсия (в нашем случае «Праздничная вечерняя экскурсия по Дому путешественника») и др. Наш музейно-театральный проект является для Дома-музея В.К. Арсеньева одним из видов деятельности, приносящей доход. Однако этим его значение для Дома-музея далеко не исчерпывается. Благодаря спектаклям вокруг Музея создаются группы людей, которых можно назвать постоянными посетителями, музейный театр способствует тому, что люди возвращаются в музей. Для прессы новый музейный спектакль, как правило, является информационным поводом. Музейный театр — это престижный проект, укрепляющий репутацию музея, связь музея с сообществом и руководством территории.

Музейный театр — это расширение творческих связей музейщиков с представителями разных искусств. Музейный театральный проект такой, как в Доме-музее В.К. Арсеньева, это своеобразное исследование на стыке науки и искусства, требующее от музейщика новых знаний и умений.

Театральный проект в музее успешен и востребован, как представляется, ввиду того, что появился новый, очень избалованный зритель, которому хочется получить необыкновенные впечатления. Но и сам музей нуждается в движении, которое несет с собой театральная постановка. Ведь музей — это пространство, выбрасывающее нас из повседневной жизни, как и театральная декорация. Оба эти пространства условны и требуют напряжения фантазии для своего освоения. Поэтому драматическое действие так подходит музейной экспозиции и так органично сочетается с ней. Благодаря театру музей разучивает новый язык общения с аудиторией, язык, который позволяет музею оставаться актуальным и современным, уводя в далекое или недавнее прошлое.

Музейный спектакль, в таком виде, как в Доме-музее В.К. Арсеньева, это совершенно особый жанр, находящийся на стыке науки и камерного театра, требующий серьезного изучения театроведов и особых подходов создателей. В статье я не обращалась к такому существенному для любого проекта вопросу, как продвижение. А ведь широкая презентация театрального проекта, в том числе и для руководства, в числе прочего имеет и тот результат, что «укореняет», «легитимизирует» проект, что для такой формы работы, которую многие музейщики продолжают считать «немусзейной», очень важно.

¹ Исследование выполнено при поддержке Благотворительного Фонда Владимира Потанина, Договор от 28 июня 2017 г. N ГМДФ 10/17.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Состав фауны и число упоминаний
позвоночных животных в текстах художественных
произведений В.К. Арсеньева

Приложение к статье
Е.А. Курдюковой

№ п/п	Наименования, приводимые автором	Принятые современные русские названия таксонов	Латинские названия таксонов	Произведения				Всего
Млекопитающие — Mammalia				«По Уссурий- скому краю»	«Дерсу Узала»	«В горах Сихотэ-Алинь»	«Квазар тайгу»	
1	Ёж	Амурский ёж	Erinaceusamurensis	-	-	-	1	1
2	Крот	Уссурийская могира	Mogeraobusta	1	-	-	-	1
3	Землеройки	Семейство Землеройковые	Soricidae	1	-	-	-	1
4	Уссурийская землеройка	Крошечная бурозубка	Sorexminutissimus	1	-	-	-	1
5	Летучие мыши Myotisikon- nikov	Ночница иконникова	Myotisikonnikovi	1	-	-	-	1
6	Заяц	Заяц-беляк	Lepus timidus	-	-	1	-	1
7	Заяц маньчжурский	Кустарниковый заяц	Caprolagus (Allolagus) brachyurus	3	1	-	1	5
8	Сеноставка-пищуха	Северная пищуха	Ochotonahyperborea	3	1	-	-	4
9	Белка-летяга	Летяга	Pteromysvolans	1	1	-	-	2
10	Маньчжурская белка	Обыкновенная белка	Sciurusvulgaris	-	4	-	1	5
11	Бурндук	Азиатский бурндук	Tamiasibiricus	3	1	-	-	4
12	Мыши	Семейство Мышиные	Muridae	1	1	-	-	2
13	Крыса	Род Крыса	Rattussp.	-	-	1	-	1

Продолжение таблицы

№ п/п	Наименования, приводимые автором	Принятые современные русские названия таксонов	Латинские названия таксонов	Произведения				Всего
				«По Уссурий- скому краю»	«Дерсу Узара»	«В горах Сихотэ-Али- ни»	«Сквозь тайгу»	
Млекопитающие — Mammalia								
16	Маньжурская полевая мышь	Мышь полевая	Apodemus (Apodemus) agrarius	1	-	-	-	1
17	Енотовидная собака	Енотовидная собака	Nyctereutesprocyonoides	3	2	1	-	6
18	Волк	Волк серый	Canislupus	1	1	1	1	4
19	Красный волк, Горный волк	Красный волк	Cuonalpinus	-	2	-	2	4
20	Лисица	Лисица	Vulpesvulpes	2	1	3	3	9
21	Бурый медведь	Бурый медведь	Ursus (Ursus) arctos	8	6	6	12	32
22	Белогрудый медведь	Белогрудый медведь	Ursus (Selenarctos) thibetanus	1	1	-	-	2
23	Барсук	Барсук	Melesmeles	3	1	-	1	5
24	Росомаха	Росомаха	Gulogulo	1	6	4	4	15
25	Куница	Семейство Куницы	Mustelidae	-	1	-	2	3
26	Соболь, Куница	Соболь	Marteszibellina	3	4	3	5	15
27	Хорёк, Колонок	Колонок	Kolonocussibirica	2	2	2	4	10
28	Горноста́й	Горноста́й	Mustelaerminea	-	-	-	1	1
29	Выдра	Выдра	Lutralutra	1	2	-	2	5
30	Тигр	Тигр амурский	Panthera (Tigris) tigris	6	11	14	6	37
31	Леопард	Леопард дальневосточный	Panthera (Panthera) pardus	1	-	-	-	1
32	Рысь	Рысь	Lynxlynx	-	-	-	3	3
33	Дикий лесной кот	Дальневосточный лесной кот	Felis (Prignalurus) eupitilura	-	2	-	-	2
34	Кабан	Кабан	Susscrofa	14	10	3	7	34
37	Изюбрь	Изюбрь	Cervus (Cervus) elaphus	12	8	5	5	30

№ п/п	Наименования, приводимые автором	Принятые современные русские названия таксонов	Латинские названия таксонов	Произведения				Всего
				«По Лусуррий-скому краю»	«Дерзкая»	«В горах Сихотэ-Али-ния»	«Сквозь тайгу»	
Млекопитающие — Mammalia								
38	Северный олень	Северный олень	Rangifer tarandus	-	-	3	-	3
39	Козуля	Козуля	Capreolus capreolus pygargus	10	8	2	1	21
40	Лось	Лось	Alces alces	2	6	9	6	23
41	Горал	Амурский горал	Nemorhaedus caudatus	1	-	-	-	1
42	Сивуч	Сивуч	Eumetopias jubatus	1	1	2	-	4
43	Нерпа	Ларга, пёстрая нерпа	Phoca largha	-	2	2	-	4
44	Кит	Отряд Китобразные	Cetacea	1	-	-	-	1
45	Киты-полосатики	Семейство полосатиковые	Balaenopteridae	-	1	-	-	1
46	Касатка	Касатка	Orcinus orca	-	1	-	1	2
Птицы — Aves								
47	Птицы, мелкие, пёстрые птицы, водоплавающие птицы	Класс Птицы	Aves	6	1	4	3	14
48	Поганка	Большая поганка	Podiceps cristatus	1	-	-	-	1
49	Буревестники	Семейство Буревестниковые	Procellariidae	-	-	1	-	1
50	Баклан	Род Баклан	Phalacrocorax sp.	1	-	2	-	3
51	Баклан тихоокеанский, малый баклан	Берингов баклан	Phalacrocorax pelagicus	1	-	1	-	2
52	Большой баклан	Большой баклан	Phalacrocorax carbo	1	-	-	-	1
53	Чёрный кармوران	Японский баклан	Phalacrocorax capillatus	-	-	2	-	2
54	Выпь	Большая выпь	Botaurus stellaris	1	-	-	1	2

Продолжение таблицы

№ п/п	Наименования, приводимые автором	Принятые современные русские названия таксонов	Латинские названия таксонов	Произведения				Всего
				«По Усприй-скому краю»	«Дерсу Узала»	«В горах Сихота-Али-ня»	«Сквозь тайгу»	
Птицы — Aves								
57	Лебедь	Род Лебедь	Cygnussp.	2	-	-	-	2
58	Казарки	Подсемейство Гусиные	Anserinae	1	-	-	-	1
59	Гуси	Род Гусь	Anersp.	4	1	-	1	6
60	Восточная белолобая казарка, восточная белобокая казарка	Белолобый гусь	Anseralbifrons	5	1	-	1	7
61	Утки, мелкие утки	Семейство Утиные	Anatidae	7	1	-	2	10
62	Кряква	Обыкновенная кряква	Anasplatyrhynchos	1	-	-	-	1
63	Серая утка	Серая утка	Anasstrepera	-	1	-	-	1
64	Шилохвость	Шилохвость	Anasacuta	-	-	-	1	1
65	Касатка	Касатка	Anasfalcata	-	-	-	1	1
66	Чирки	Чирки	Anascrecca, A. formosa, A. querquedula	3	-	-	-	3
67	Клоктун	Клоктун	Anasformosa	-	1	-	-	1
68	Узконосый чирок	Чирок-трескунок	Anasquerquedula	-	1	-	-	1
69	Крохаль, остроклювый крохаль	Род Крохаль	Mergussp.	1	-	1	1	3
70	Белый крохаль с чёрной головой и красным носом	Большой крохаль	Mergusmerganser	1	1	-	-	2
71	Морянка, сивка-морянка, савка-морянка	Морянка	Clangulahyemalis	1	-	1	1	3
75	Скопа	Скопа	Pandionhaliaetus	-	-	-	1	1

№ п/п	Наименования, приводимые автором	Принятые современные русские названия таксонов	Латинские названия таксонов	Произведения				Всего
				«По Уссурий- скому краю»	«Дерсу Узала»	«В горах Сихотэ-Али- ня»	«Сквозь тайгу»	
Птицы — Aves								
76	Черноухий коршун	Чёрный коршун	Milvus migrans	-	-	1	1	2
77	Гриф	Чёрный гриф	Aegypius monachus	-	1	-	-	1
78	Орлан	Род Орлан	Haliaeetus sp.	1	-	-	-	1
79	Орлан-белохвост	Орлан-белохвост	Haliaeetus albicilla	1	3	3	1	8
80	Орёл	Род Орёл	Aquila sp.	2	1	3	-	6
81	Каюк	Род Каюк	Buteo sp.	1	-	-	-	1
82	Азиатский каюк	Каюк	Buteobuteo japonicus	1	1	-	-	1
83	Ястреб	Род Ястреб	Accipiter sp.	-	1	-	-	1
84	Большой ястреб	Тетереятник	Accipiter gentilis	-	-	2	-	2
85	Малый перелетяник	Малый перелетяник	Accipiter ngularis	1	-	-	-	1
86	Сапсан	Сапсан	Falco peregrinus	-	1	-	-	1
87	Дербюк	Дербюк	Falco columbarius	1	-	-	-	1
88	Пустельга	Обыкновенная пустельга	Falco tinnunculus	1	-	-	-	1
89	Амурский кобчик	Амурский кобчик	Falco amurensis	1	-	-	-	1
90	Глухарь	Каменный глухарь	Tetraoerparvirostris	-	2	-	-	2
91	Сапас, рябчик	Дикуюша	Falco pennisfalco pennis	-	2	-	-	2
92	Рябчик, северный рябчик	Рябчик	Tetrastes bonasia	2	3	3	-	8
93	Уссурийский перепел	Немой перепел	Coturnix japonica	1	-	-	-	1
94	Уссурийский фазан	Фазан	Phasianus colchicus	1	2	-	-	3
95	Лысуха	Лысуха	Fulica atra	1	-	-	-	1

Продолжение таблицы

№ п/п	Наименования, приводимые автором	Принятые современные русские названия таксонов	Латинские названия таксонов	Произведения				Всего
				«По Уссурий- скому краю»	«Дерсу Узала»	«В горах Сихотэ-Али- ня»	«Сквозь тайгу»	
Птицы — Aves								
98	Дрофа	Дрофа	Otistarda	-	1	-	-	1
99	Кулики, длинноносые кулики	Семейство Бекасовые	Scolopaciidae	2	-	2	-	4
100	Кулик-сорока	Кулик-сорока	Haematopusostralegus	2	1	-	-	3
101	Речной зыёк	Малый зыёк	Charadriusdubius	-	-	-	1	1
102	Уссурийский зыёк	Уссурийский зыёк	Charadriusplacidus	1	-	-	-	1
103	Кулики-песочники	Род Песочник	Calidrispp.	-	1	-	-	1
104	Чернозобик тихоокеанский	Чернозобик	Calidrisalpina	1	-	-	-	1
105	Восточносибирский грязовик	Грязовик	Limicolafalcinellus	1	-	-	-	1
106	Камнешарка	Камнешарка	Arenariainterpres	-	1	-	-	1
107	Вальдшнеп	Вальдшнеп	Scolopaxrusticola	1	-	-	-	1
108	Кроншнеп	Род Кроншнеп	Numeniuspp.	1	-	-	1	2
109	Амурский кроншнеп	Дальневосточный кроншнеп	Numeniusmadagascarensis	1	-	-	-	1
110	Большой восточный веретенник	Большой веретенник	Limosalmosa	-	-	1	-	1
111	Большой улит	Большой улит	Tringanebularia	1	1	-	-	2
112	Травник	Травник	Tringatotanus	1	-	-	-	1
113	Красноногий щёголь	Щёголь	Tringaerythropus	-	1	-	-	1
114	Восточно-сибирский бекас	Обыкновенный бекас	Gallinagogallinago	1	-	-	-	1
115	Длинноносый дупель	Лесной дупель	Gallinagomegala	1	-	-	-	1
116	Даурский бекас	Азиатский бекас	Gallinagostenura	1	-	-	-	1
117	Восточный горный дупель	Горный дупель	Gallinagosolitaria	1	-	-	-	1

№ п/п	Наименования, приводимые автором	Принятые современные русские названия таксонов	Латинские названия таксонов	Произведения				Всего
				«По Уссурий- скому краю»	«Дерсу Ула- ла»	«В горах Сихотэ-Али- ня»	«Сквозь тайгу»	
Птицы — Aves								
120	Восточносибирская хохотунья	Монгольская чайка	Larusmongolicus	1	-	-	-	1
121	Тихоокеанская клуша, белая и сизая чайка	Восточносибирская чайка	Larusvegae	-	2	4	1	6
122	Сибирская темноголовая чайка	Озёрная чайка	Larusridibundus	-	-	1	-	1
123	Кречка	Род Кречка	Sterna sp.	1	-	-	-	1
124	Китайская малая кречка	Малая кречка	Sternaalbifrons	-	-	1	-	1
125	Чистики	Семейство Чистиковые	Alcidae	-	-	1	-	1
126	Гагара	Очковый чистик	Cerphuscarbo	-	-	1	-	1
127	Топорок	Топорок	Lundacirrhata	-	-	1	-	1
128	Кафра	Тонкоклювая кафра	Uriaaalgae	-	-	1	-	1
129	Саджа	Саджа	Syrhtharctesparadoxus	-	3	-	-	3
130	Восточно-сибирская горлица	Большая горлица	Streptopeliaorientalis	1	2	-	-	3
140	Кукушка	Обыкновенная кукушка	Cuculuscanortus	1	-	-	-	1
141	Сова	Отряд Совообразные	Strigiformes	-	1	1	1	3
142	Полярная сова	Белая сова	Nyctescandiaca	-	-	-	1	1
143	Филин-рыболов, филин, филин-пугач, крупная ночная птица	Рыбный филин	Keturapblakistoni	1	2	9	3	15
146	Уссурийский филин	Филин	Bubobubo	1	-	-	-	1
147	Болотная сова	Болотная сова	Asioflammeus	1	-	-	-	1

Продолжение таблицы

№ п/п	Наименования, приводимые автором	Принятые современные русские названия таксонов	Латинские названия таксонов	Произведения				Всего
				«По Уссурий- скому краю»	«Лесцы Уссурия»	«В горах Сихотэ-Али- ния»	«Сквозь тайгу»	
Птицы — Aves								
150	Длиннохвостая неясыть	Длиннохвостая неясыть	<i>Strixuralensis</i>	1	-	-	-	1
151	Стрижи	Отряд Стрижеобразные	<i>Apodiformes</i>	-	-	1	-	1
152	Иглохвостый стриж	Иглохвостый стриж	<i>Hirundapuscaudatus</i>	-	1	-	-	1
153	Зимородок	Обыкновенный зимородок	<i>Alcedoaththis</i>	1	-	1	1	3
154	Сизоворонка	Восточный широкорот	<i>Eurystomusorientalis</i>	-	1	-	-	1
155	Удод	Удод	<i>Upupaerops</i>	1	-	-	-	1
156	Дятел	Отряд Дятлообразные	<i>Piciformes</i>	2	1	1	1	5
157	Желна	Желна	<i>Dryocopusmartius</i>	3	2	-	1	6
158	Восточный седололовый дятел, зелёный дятел	Седой дятел	<i>Picusanus</i>	3	2	-	-	5
159	Уссурийский малый дятел	Малый пёстрый дятел	<i>Dendrocoposminor</i>	2	-	-	-	2
160	Уссурийский пёстрый дятел	Большой пёстрый дятел	<i>Dendrocoposmajor</i>	3	4	-	-	7
161	Уссурийский белоспинный дятел	Белоспинный дятел	<i>Dendrocoposleucotos</i>	1	-	-	-	1
162	Жаворонок маньчжурский, восточно-сибирский жаворонок	Полевой жаворонок	<i>Alaudaarvensis</i>	4	-	-	-	4
163	Зелёный конёк, японский конёк	Пятнистый конёк	<i>Anthushodgsoni</i>	2	-	-	-	2
164	Трясогузки, плиски	Род Трясогузки	<i>Motacillasp.</i>	-	1	1	2	4
165	Северная плиска	Жёлтая трясогузка	<i>Motacillaflava</i>	1	-	-	-	1

№ п/п	Наименования, приводимые автором	Принятые современные русские названия таксонов	Латинские названия таксонов	Произведения				Всего
				«По Уссурий- скому краю»	«Дерсу Узала»	«В горах Сихотэ-Али- ня»	«Сквозь тайгу»	
Птицы — Aves								
168	Сорокопут	Род Сорокопут	Lanius sp.	-	1	-	-	1
169	Серый сорокопут	Серый сорокопут	Lanius excubitor	1	-	-	-	1
170	Клинохвостый сорокопут	Клинохвостый сорокопут	Lanius phenocercus	1	-	-	-	1
171	Иволга китайская	Китайская иволга	Oriolus chinensis	2	-	-	-	2
172	Серый скворец	Серый скворец	Sturnus cineraceus	1	1	-	-	2
173	Ронжа	Кукуша	Perisoreus infaustus	-	1	-	-	1
174	Сойка, уссурийская сойка	Сойка	Garrulus glandarius	2	3	-	2	7
175	Голубая сойка	Голубая сойка	Cyanopitca yunanus	1	-	-	-	1
176	Кедровка, ореховка	Кедровка	Nucifragacaryocatactes	3	2	-	1	6
177	Сорока	Сорока	Picapica	-	1	1	-	2
178	Ворона	Род Ворона	Corvus sp.	2	8	4	2	16
179	Большееловая ворона	Большееловая ворона	Corvus macrorhynchos	1	2	-	-	3
180	Восточная чёрная ворона	Восточная чёрная ворона	Corvus (corone) orientalis	-	-	1	-	1
181	Ворон	Ворон	Corvus corax	1	-	3	-	4
182	Свиристели	Род Свиристель	Bombicillasp.	1	-	-	-	1
183	Чёрная оляпка	Бурья оляпка	Cincluspallasi	1	-	-	1	2
184	Крапивник	Крапивник	Troglodiestroglodites	1	-	-	-	1
185	Завирушка	Сибирская завирушка	Prunellamontanella	1	-	-	-	1
186	Камышовка, длиннохвостая камышовка	Род Камышовка	Acrocephalus sp.	2	1	-	-	3
187	Японская пеночка	Светлогловая пеночка	Phylloscopus coronatus	1	-	-	-	1

Продолжение таблицы

№ п/п	Наименования, приводимые автором	Принятые современные русские названия таксонов	Латинские названия таксонов	Произведения				Всего
				«По Уссурий- скому краю»	«Дерсу Узала»	«В горах Сихотэ-Али- ни»	«Сквозь тайгу»	
Птицы — Aves								
190	Мухомовка-касатка	Сибирская мухоловка	Muscicaparsibirica	-	1	-	-	1
191	Сибирский соловей	Соловей-красношейка	Luscinia calliope	1	-	-	-	1
192	Каменный дрозд	Синий каменный дрозд	Monticola solitarius	-	1	-	-	1
193	Тёмный дрозд	Бурый дрозд	Turdus naumanni	1	-	-	-	1
194	Краснобрюхий дрозд	Дрозд Науманна	Aegithalos caudatus	-	1	-	-	1
195	Долгохвостая синица	Ополовник	Parus palustris	1	-	-	-	1
196	Гаичка	Черноголовая гаичка	Parus (major) minor	-	1	-	-	1
197	Белобрюхая синица	Восточная синица	Sitta europaea	5	4	1	1	11
198	Амурский поползень	Обыкновенный поползень						
199	Пшуха	Обыкновенная пшуха	Certhia familiaris	1	-	-	-	1
200	Воробей	Полевой воробей	Passer montanus	1	-	-	-	1
201	Клёст	Род Клёст	Loxia sp.	-	1	-	-	1
202	Снегири	Род Снегирь	Pyrrhuloxia sp.	-	1	1	-	2
203	Снегирь	Уссурийский снегирь	Pyrrhuloxia sinensis	-	-	1	-	1
204	Чечётка	Обыкновенная чечётка	Acanthis flammea	-	1	-	-	1
205	Зяблик	Юрок	Fringilla montifringilla	-	-	-	1	1
206	Овсянка, зелёная овсянка	Седоловая овсянка	Oxyris podiceps	1	1	-	-	2
207	Черноголовая овсянка, зелёная овсянка	Дубровник	Oxyris caerulea	1	-	1	-	2
208	Камышовая овсянка	Камышовая овсянка	Schoeniclus schoeniclus	1	-	-	-	1
209	Белоголовая овсянка	Белошапочная овсянка	Emberiza caesia	1	-	-	-	1

№ п/п	Наименования, приводимые автором	Принятые современные русские названия таксонов	Латинские названия таксонов	Произведения				Всего
				«По Уссурий- скому краю»	«Дерсу Узала»	«В горах Сихотэ-Али- ня»	«Сквозь тайгу»	
Птицы — Aves								
Рептилии — Reptilia								
212	Ящерица	Амурская долгохвостка	Tachydromusamurensis	-	-	-	2	2
213	Уж	Красноспинный полоз	Oacatochusrufodorsatus	2	-	-	-	2
214	Полос	Род Полос	Elaphesp.	-	-	3	-	3
215	Полос Шренка	Амурский полоз	Elapheschrencki	2	-	-	-	2
216	Гадюка	Обыкновенная гадюка	Viperaberus	-	-	-	1	1
217	Копьеголовая змея, ядовитая змея	Каменный шитомордник	Agkistrodonblomhoffi	1	-	2	-	3
Амфибии — Amphibia								
218	Лягушки	Отряд Бесхвостые	Anura	-	-	1	1	2
219	Жаба	Дальневосточная жаба	Bufo-gargarizans	-	-	1	-	1
Рыбы — Pisces								
220	Угорь	Тихоокеанская минога	Lethenteron-japonicum	-	-	-	1	1
221	Рыба	Класс Рыбы	Pisces	1	-	1	2	4
223	Калуга	Калуга	Husodauricus	-	-	-	1	1
224	Хариус	Амурский хариус	Thymallus-arcticus-grubei	-	1	-	1	2
225	Лосось	Род Лосось	Oncorhynchusp.	-	-	-	5	5
226	Сима	Сима	Oncorhynchusmasou	-	-	-	1	1
227	Таймень	Сахалинский таймень	Parahuchoperryi	-	3	1	1	5
220	Ленок	Ленок	Brachymustaxlenok	-	3	1	1	5

Окончание таблицы

№ п/п	Наименования, приводимые автором	Принятые современные русские названия таксонов	Латинские названия таксонов	Произведения				Всего
				«По Уссурий- скому краю»	«Дерсу Узала»	«В горах Сихотэ-Али- ня»	«Сквозь тайгу»	
Рыбы — Pisces								
231	Горбуша	Горбуша	Oncorhynchus gorbuscha	-	4	-	-	4
232	Кета	Keta	Oncorhynchus keta	2	4	1	1	8
233	Моксун	Амурский сиг	Coregonus ussuriensis	-	-	-	1	1
234	Красноперка	Род Красноперка	Tribolodon sp.	-	3	-	-	3
235	Колюшка	Род Колюшка	Gasterosteus sp.	-	1	-	-	1
236	Огуречник	Тихоокеанская зубастая корюшка	Osmerus mordax dentex	-	1	-	-	1
237	Бычок-подкаменщик	Род Подкаменщик	Cottus sp.	-	1	-	-	1
238	Верхогляд	Верхогляд	Chanodichthys erythropterus	-	-	-	1	1
239	Толпыга	Белый толстолобик	Hypophthalmichthys molitrix	-	1	-	-	1
240	Толстолобик	Пестрый толстолобик	Aristichthys nobilis	-	-	-	1	1
241	Сазан	Амурский сазан	Cyprinus carpio	-	1	1	1	3
242	Налим	Налим	Lotula	-	1	-	-	1
243	Щука	Амурская щука	Esox reichertii	-	1	1	1	3
244	Сом	Сом солдата	Silurus soldatovi	-	1	1	-	2
245	Гольян	Род Гольян	Phoxinus sp.	-	1	-	-	1
246	Панцирная рыба	Пиленгас	Mugil soiauy	-	-	1	-	1

Приложение № 2

Министерство РФ по развитию Дальнего Востока
Администрация Приморского края
Приморский государственный объединённый
музей имени В.К. Арсеньева
Благотворительный фонд В. Потанина
Российский комитет Международного
совета музеев (ИКОМ России)

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ**

Владивосток

26–29 сентября 2017 года

ПРОГРАММА

26 сентября

11:00–18:00

Знакомство с музеем и его экспозициями, рабочие встречи, обсуждения (Главное здание Приморского музея имени В.К. Арсеньева, ул. Светланская, 20)

10:00–13:00

«Арсеньевские чтения. Личность. Окружение. Наследие». Научная конференция (Площадка «Зал переговоров». Главное здание Приморского музея имени В.К. Арсеньева, ул. Светланская, 20)

Изучение личности В.К. Арсеньева, его эпохи, творческого наследия и биографии, социально-культурного и научного окружения — в центре внимания целого круга современных исследователей. До сих пор продолжается осмысление вклада В.К. Арсеньева в изучение Приморья и других районов Дальнего Востока, постижение его творческого метода. Учитывая судьбу научного и творческого наследия Арсеньева, значительная часть которого была утрачена, остается целый ряд нераскрытых вопросов и неисследованных тем.

Модератор: Вера Кавецкая (Владивосток, руководитель отдела исследований, Приморский объединенный музей имени В.К. Арсеньева)

Участники:

Анжелика Петрук (Владивосток, заместитель директора по науке, Приморский объединенный музей имени В.К. Арсеньева).

«Страна Удэхе». Утраченная рукопись».

Проект — победитель грантового конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире».

Нина Иванцова (Владивосток, заведующая отделом краеведческой библиографии, Приморская краевая публичная библиотека имени А.М. Горького).

«Научно-вспомогательный указатель «В.К. Арсеньев. 1972–1930 гг.»: из опыта работы ПКПБ имени А.М. Горького».

Наталья Троицкая (Владивосток, кандидат исторических наук, заместитель директора, Российский государственный исторический архив Дальнего Востока).

«Материалы о В.К. Арсеньеве из фонда Комиссара Временного правительства по делам Дальнего Востока».

Иван Егорчев (Владивосток, редактор журнала «Записки ОИАК», Приморское краевое отделение «Русское географическое общество» — Общество изучения Амурского края).

«Новые данные об участии В.К. Арсеньева в борьбе с кургузами в Уссурийском крае (1911–1915 гг.)».

Елена Соболевская (Владивосток, председатель клуба «Родовед», Приморское краевое отделение «Русское географическое общество» — Общество изучения Амурского края).

«Перипетии краеведческого поиска (к вопросу о первоначальном месте захоронения В.К. Арсеньева)».

Светлана Пай (Владивосток, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет).

«Педагогическая деятельность В.К. Арсеньева».

Марина Каменева (Владивосток, руководитель Музея морского образования, Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского).

«В.К. Арсеньев — преподаватель Владивостокского техникума водных путей сообщения».

Евгений Новомодный (Хабаровск, сотрудник отдела природы, Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова).

«Сотрудники и сподвижники — опора деятельности В.К. Арсеньева в период его работы директором Гродековского музея ПО ИРГО (1910–1918 гг.) и Хабаровского краевого музея (1924–1926 гг.)».

Елизавета Александрова (Владивосток, научный сотрудник отдела фондов, Приморский объединенный музей имени В.К. Арсеньева).
«Художник-педагог В.Г. Шешунов: штрихи к портрету».

Вера Кавецкая (Владивосток, руководитель отдела исследований, Приморский объединенный музей имени В.К. Арсеньева).
«Этнографическое сообщество В.К. Арсеньева».

13:00–14:00 – Перерыв на обед.

14:00–17:00 — «Арсеньевские чтения. Личность. Окружение. Наследие». Научная конференция

Участники:

Ольга Островская (Находка, член клуба, Историко-генеалогический клуб «Находкинский родовед»)
«Потомки В.К. Арсеньева в Приморском крае».

Иван Головин (Екатеринбург, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт Истории и Археологии УрО РАН).
«Первое этнокино и В.К. Арсеньев».

Василий Авченко (Владивосток, журналист, член Союза журналистов РФ).
«Братья по краю (Жизненные и творческие связи В.К. Арсеньева и А.А. Фадеева)».

Светлана Рыбальченко (Приморский край, с. Чугуевка, научный сотрудник, Литературно-мемориальный музей А.А. Фадеева — филиал Приморский объединенный музей имени В.К. Арсеньева).
«Топонимика в ранних произведениях писателя А. Фадеева».

Наталья Плотникова (Уссурийск, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель, Приморский краевой колледж культуры).
«Возвращение к Арсеньеву».

Юлия Яроцкая (Владивосток, кандидат филологических наук, руководитель филиала Дом-музей В.К. Арсеньева, Приморский объединенный музей имени В.К. Арсеньева).
«Театр Дома Арсеньевых».

18:00–19:00 — Торжественное открытие конференции (банкетный зал отеля «Версаль», ул. Светланская, 10)

27 сентября

10:00–13:00 — «Арсеньевские чтения. Наследие исследователя в этнографии, археологии и естественных науках». Научная конференция (Площадка «Зал переговоров». Главное здание Приморского музея имени В.К. Арсеньева, ул. Светланская, 20)

Модератор: Анжелика Петрук, Владивосток, заместитель директора по научной работе, Приморский объединенный музей имени В.К. Арсеньева

Участники:

Галина Ермак

(Владивосток, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).

«Этническое многообразие современного Приморья, особенности репрезентации культур».

Светлана Дударёнок

(Владивосток, кандидат философских наук, доктор исторических наук, профессор Департамента истории и археологии, Школа гуманитарных исследований Дальневосточного федерального университета).

«Религиозная жизнь Дальнего Востока России в музейных экспозициях».

Галина Титорева

(Хабаровск, заведующая научно-исследовательским сектором этнографии, Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова).
«Арсеньевские традиции каталогизации этнографических коллекций в Гродековском музее».

Виктория Малакшанова

(Хабаровск, научный сотрудник научно-исследовательского сектора этнографии, Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова).
«История формирования якутской коллекции в собрании Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова».

Юлия Аргудяева

(Владивосток, доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).
«Русские крестьяне-старообрядцы Южно-Уссурийского края в исследованиях В.К. Арсеньева».

Анатолий Старцев

(Владивосток, доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии, этнологии и антропологии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).
«Хозяева природы в культуре аборигенов Приамурья».

Татьяна Сем (Санкт-Петербург, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Российский этнографический музей).
«Материалы В. К. Арсеньева по тунгусскому шаманству в Кур-Урмийском районе в нач. XX в.».

Андрей Самар (Владивосток, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).
«Духи-хозяева тайги удэгейцев (по материалам В. К. Арсеньева)».

Владимир Подмаскин (Владивосток, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).
«Обряды жизненного цикла тазов Приморья (XIX–XX вв.)».

Дмитрий Янчев (Владивосток, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).
«В. К. Арсеньев о тазах Дальнего Востока».

13:00—14:00 — Перерыв на обед

14:30—18:00 — «Арсеньевские чтения. Наследие исследователя в этнографии, археологии и естественных науках».
Научная конференция.

Участники:

Елена Фадеева

(Владивосток, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).
«В. К. Арсеньев о положении женщины у коренных народов Приморья и Приамурья (сер. XIX — нач. XX вв.)».

Елена Курдюкова (Владивосток, кандидат биологических наук, научный сотрудник отдела исследований, Приморский объединенный музей имени В. К. Арсеньева).
«Отображение фауны юга Дальнего Востока в художественных произведениях В. К. Арсеньева по материалах экспедиций 1906, 1907, 1908–1910, 1927 гг.».

Людмила Коровник (Дальнегорск, заведующая естественно-научным отделом, Музейно-выставочный центр г. Дальнегорска).
«Географические объекты в долинах рек Тетюхе, Горбуша, Ахобэ, Мутохэ, обнаруженные и описанные В. К. Арсеньевым в рамках экспедиции 1906 г.».

Татьяна Тюнис (Владивосток, главный библиотекарь, Библиотека имени И. У. Басаргина).
«Северный район Ольгинского уезда Приморской губернии в первой половине 1920-х гг. в документах В. К. Арсеньева и специалиста Дальлеса Муратова».

Игорь Марков (Южно-Сахалинск, научный сотрудник отдела археологии, Сахалинский областной краеведческий музей).

«Керамика Сахалина и Курильских островов: поиск и новые горизонты исследования (историографический очерк)».

Татьяна Краюшкина (Владивосток, доктор филологических наук, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).
«Представления восточнославянских народов об иноплеменниках (на материале сказочного фольклорного фонда Сибири и Дальнего Востока)».

10:00–13:00 — «Genius Loci. Символический ресурс регионального музея». Дискуссия

(Площадка «Выставочные залы». Главное здание Приморского музея имени В.К. Арсеньева, ул. Светланская, 20)

Множество российских музеев работают с именами людей, которые являются знакомыми для истории региона. Символический ресурс Genius Loci в данном контексте понимается широко: от имени основателя музея до соотечественника, явления, события, которые усилиями музея могут стать ключевыми для культурной географии территории. Используется ли этот потенциальный ресурс в деятельности и позиционировании музея в полной мере?

*Модератор: Леонид Копылов, Санкт-Петербург, музейный эксперт,
Президент Фонда друзей Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме*

Участники:

Дмитрий Орлов (Иваново, заместитель директора по науке, Ивановский государственный историко-краеведческий музей имени Д.Г. Бурлыгина).

Михаил Савченко (Самара, заведующий Музеем Модерна, Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина).

Татьяна Гафар (Москва, Начальник службы развития малых музеев, Государственная Третьяковская галерея).

Анна Соколова (Санкт-Петербург, заместитель директора по развитию, Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме).

Марина Краснова (Москва, начальник экспозиционного отдела, Государственный музей В. Маяковского).

Сергей Островский

(Пермь, заведующий отделом социо-культурной деятельности, Пермский краеведческий музей).

Виктор Шалай (Владивосток, директор, Приморский объединенный музей имени В.К. Арсеньева).

Татьяна Вострикова (Пермь, заместитель директора по развитию, Пермский краеведческий музей).

13:00–14:00 — Перерыв на обед

14:30–16:00 — «Музей как пространство образования: опыт дальневосточных музеев». Презентация проектов
(Площадка — «Выставочные залы». Главное здание Приморского музея имени В.К. Арсеньева, ул. Светланская, 20)

Музеи по своей природе — консервативные учреждения. Но может ли быть таким музейное образование? Что из традиционных методов и подходов актуально сегодня? Как музейное образование может реагировать на изменения, запросы и вызовы общества и может ли оно провоцировать какие-либо изменения в нём? Как измеряются (и измеряются ли вообще) успех и эффективность образовательных продуктов и услуг?

Модератор: Софья Пантюлина, Москва, руководитель межмузейного проекта «Семейное путешествие. Всей семьей в музей»

Участники:

Нина Маркова (Хабаровск, заместитель генерального директора, Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова).

«Образовательный контент проекта

«Деньги Гражданской войны: Игра престолов».

Светлана Воронина (Владивосток, заместитель директора по экспозиционно-выставочной работе, Приморский объединенный музей имени В.К. Арсеньева).

«Культурно-образовательный проект

«Сказки с молоком»: не просто чтение».

Лилия Кондрашова (Евгения Морозова, Владивосток, координаторы образовательных проектов и программ, Музей Национального научного центра морской биологии Дальневосточного отделения РАН).

«Академические музеи и местное сообщество: движение навстречу».

Наталья Мирошникова (Владивосток, начальник отдела экологического просвещения, Приморский океанариум).

«Урок в Океанариуме»: опыт использования экспозиционных пространств для школьного образования».

Александра Осипова (Владивосток, ведущий методист отдела культурно-образовательных программ и мероприятий, Приморский объединенный музей имени В.К. Арсеньева).
Секреты мультиграфии, или зачем музею мультфильмы?

Татьяна Черных (Владивосток, старший научный сотрудник отдела экологического просвещения, Приморский океанариум).

«Живая» экспозиция как источник эмоций и познания дошкольниками Приморского края».

Жанна Славинская (Владивосток, руководитель Мемориального дома-музея семьи Сухановых, Приморский объединенный музей имени В. К. Арсеньева).
«Сыщики Владивостока конца 19 века»:
опыт разработки игровой программы в мемориальном доме».

Анна Гульбина (Владивосток, начальник отдела экпросвещения, Дальневосточный морской заповедник).
«Роль музея «Природы моря и ее охраны»
в популяризации научных и природоохранных знаний».

16:30–17:30 — «Музейная коллекция: актуальность интерпретации и интерпретация актуальности». Лекция

(Площадка «Выставочные залы». Главное здание
Приморского музея имени В. К. Арсеньева, ул. Светланская, 20)

Лекция посвящена методологическим основаниям интерпретаций музейного предмета в контексте сложившихся гуманитарных практик и исследовательских технологий. Геннадий Вдовин, Москва, директор Музея-усадьбы «Останкино»

18:00–20:00 — «Музейный backstage: в поисках новых решений».
Представление успешных практик

(Площадка «Выставочные залы». Главное здание
Приморского музея имени В. К. Арсеньева, ул. Светланская, 20)

В быстротекущих изменениях жизни нам приходится не только осваивать новые знания и сферы деятельности, но и решать постоянно возникающие нестандартные задачи. Для музеев — это вызов и необходимость, источник постоянного развития и тест на гибкость ума. Участники сессии поделятся опытом поиска новых решений текущих задач, открыв музейное закулиссе.

*Модератор: Марина Чердниченко, Москва, консультант
в сфере социально-культурного проектирования, стратегического управления,
культурной политики, государственного управления в сфере культуры.*

Участники:

Марина Краснова (Москва, начальник экспозиционного отдела,
Государственный музей В. В. Маяковского).
**«Есть ли жизнь во время ремонта: что делать, чтобы сохранить
аудиторию и привлечь новую?»**

Наталья Ланкова (Тольятти, директор Тольяттинского краеведческого музея).
**«Попечительский совет Тольяттинского краеведческого музея:
путь к эффективному фандрайзингу».**

Дмитрий Мухин (Вологда, заведующий научно-экспозиционным отделом, Архитектурно-этнографический музей Вологодской области «Семёново»).
«Музейная театрализация vs театр в музее (из опыта реализации проекта “Право на судьбу”»).

Сергей Каменский (Екатеринбург, директор, Музей истории Екатеринбурга).
«Включение голоса посетителя в музейную экспозицию. Метод проб и ошибок».

Светлана Заболотских (Москва, главный специалист отдела развития и взаимодействия с партнерами музея, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»).

«Эмоциональность, новизна, незабываемость: из опыта работы с партнёрами Музеев Московского Кремля».

Дмитрий Грушевский (Волгоград, научный руководитель, Институт региональной экономики и социального проектирования).
«Проект «Извините, вы не видели Лосева?»: война за мир».

Анастасия Замятина (Москва, фотограф, Государственная Третьяковская галерея).
«Репортаж из музея. Фотографии, которые нужны».

Ирина Перевалова (Владивосток, пресс-секретарь, Приморский объединенный музей имени В.К. Арсеньева).
«Нестандартные способы привлечения аудитории в музей».

28 сентября

10:00–13:30 — «Музей о сложных вопросах истории». Дискуссия (Площадка «Выставочные залы». Главное здание Приморского музея имени В.К. Арсеньева, ул. Светланская, 20)

В ближайшие годы наша страна будет отмечать юбилейные даты, связанные с целым рядом ключевых событий истории (Февральская и Октябрьская революции, начало и окончание Гражданской войны, начало Большого террора, Вторая мировая война). Во многих случаях для самой широкой аудитории единственным научным интерпретатором этих событий является региональный музей. Как в разговоре на подобные темы нивелировать риски, связанные с неоднозначностью восприятия и оценок прошлого местными сообществами, научно-исследовательскими кругами и представителями других институций?

Модератор: Михаил Гнедовский, Москва, член президиум ИКОМ Россия, ведущий аналитик Московского центра музейного развития

Участники:

Святослав Перехожев (Томск, директор, Томский областной краеведческий музей).
«Коллизии истории глазами музея: возможности и ограничения (на примере проекта «Сибиряки вольные и невольные»)».

Максим Трофимов (Пермь, доцент кафедры всеобщей истории, Пермский государственный гуманитарный педагогический университет).

«Память места и память о месте: «Мемориальный комплекс политических репрессий» (Пермь-36) — проблемы и перспективы».

Надежда Максимова (Москва, ответственный секретарь, Ассоциация российских музеев памяти)

«Как послания, заложенные в российских музейных экспозициях, посвященных теме репрессий, считаются современным посетителем».

Виктор Кладов (Пенза, заместитель директора по научной работе, Музейно-выставочный центр г. Заречный).

«Преодоление прошлого или историческая рефлексия? Из опыта реализации проекта «Возвращение в Селиксу».

Марина Рупасова (Ижевск, заместитель директора по созданию музея, Выставочный центр «Галерея»).

«Ижевско-Воткинское восстание 1918 года: музейный ответ на «трудный» вопрос».

Иван Крюков (Хабаровск, заместитель директора по научной работе, Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова).

«Музей и войны: постановка проблемы».

Наталья Ланкова (Тольятти, директор, Тольяттинский краеведческий музей).

«Ставрополь — Тольятти: мы живём на Родине!».

Мария Букова (Красноярск, директор, Музейный центр «Площадь Мира»).

«Советская история в проектах Красноярского музейного центра».

Эксперты: Елена Поправко (Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна),

Андрей Василенко (Приморский музей имени В.К. Арсеньева),

Анатолий Голубовский (Вольное историческое общество, Москва).

13:30–14:30 — Перерыв на обед

15:30–18:00 — «Музей как инициатор социальных изменений на территории». Дискуссия

(Площадка «Выставочные залы». Главное здание Приморского музея имени В.К. Арсеньева, ул. Светланская, 20)

Музей как институт памяти, обладающий способностью предъявлять свои коллекции как актуальный ресурс для развития социальной, образовательной, просветительской, технологической и других сфер современности, может предлагать власти, бизнесу, местным жителям самые разнообразные модели будущего. Именно в этом смысле он может быть «мотором» самых разных изменений жизни региона.

Модератор: Екатерина Гандрабура, Москва, эксперт проектов территориального и музейного развития, куратор социокультурных проектов, эксперт и член совета партнерства Ассоциации менеджеров культуры.

Участники:

Владимир Береснев (Пермь, заведующий отделом новейших течений, Пермская государственная художественная галерея).

Андрей Шаповалов

(Новосибирск, директор, Новосибирский краеведческий музей).

Юлия Глазырина

(Пермь, заведующая отделом природы, Музей пермских древностей, Пермский краеведческий музей).

Сергей Каменский (Екатеринбург, директор, Музей истории Екатеринбурга).

Дмитрий Грушевский (Волгоград, научный руководитель, Институт региональной экономики и социального проектирования).

Наиля Аллахвердиева (Пермь, арт-директор, Музей современного искусства PERMM).

Юлия Вронская (Тула, заведующая отделом международных литературных проектов, Государственный мемориальный и природный музей-заповедник «Музей-заповедник Ясная Поляна»).

Дмитрий Мухин (Вологда, заведующий научно-экспозиционным отделом, Архитектурно-этнографический музей Вологодской области «Семёново»).

Кристина Горланова (Екатеринбург, заведующая отделом

«Фотографический музей «Дом Метенкова»», Музей истории Екатеринбурга).

Эксперт: Алиса Прудникова (Москва, руководитель дирекции по региональному развитию РОСИЗО-ГПСИ).

18:00–20:00 — «Музей как проект». Публичное интервью с директорами музеев

(Площадка «Выставочные залы». Главное здание Приморского музея имени В. К. Арсеньева, ул. Светланская, 20)

Нам часто кажется, что все большие известные музеи были созданы задолго до нас. И бум открытия новых музеев относится только к частным музеям в последние несколько лет. А между тем новые музеи создавались не так уж давно, и есть немало людей, которые не только это помнят, но сами прошли этот путь с нуля и продолжают делать музей сегодня. Как создать музей и что для этого нужно, расскажут директора двух музеев.

Модератор:

Марина Чередниченко (Москва, консультант в сфере социально-культурного проектирования, стратегического управления, культурной политики, государственного управления в сфере культуры).

Участники:

Светлана Сивкова (Калининград, директор, Музей Мирового океана).

Владимир Гриценко (Тула, директор, Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле»).

29 сентября

10:00–12:00 — «Музей как пространство образования: опыт пермских музеев». Презентация проектов.

(Площадка «Выставочные залы». Главное здание Приморского музея имени В. К. Арсеньева, ул. Светланская, 20)

Сегодня музеи стараются быстро адаптироваться к меняющимся условиям среды, предлагая современный, творческий и разнообразный образовательный опыт для очень широкой аудитории. Как возникают музейные просветительские программы, на чём основывается поиск и выбор форм взаимодействия с посетителем? Как найти форматы взаимовыгодного сотрудничества и партнёрства со старшим поколением? Как привести подростка в музей и сделать его постоянным посетителем? Как подружиться с семьёй? Могут ли музеи меняться аудиторией/посетителями? Не всё ли равно, во что играть в музее?

Модератор:

Софья Пантюлина (Москва, руководитель межмузейного проекта «Семейное путешествие. Всей семьёй в музей»).

Участники:

Анастасия Серебренникова, Анастасия Шипицына
(Музей современного искусства PERMM).

«Современное искусство как инструмент: опыт работы с детьми, подростками и старшим поколением».

Татьяна Вострикова (заместитель директора по развитию,
Пермский краеведческий музей).

**«Добро пожаловать в семью — место музея в семейном досуге.
Опыт Детского музейного центра»**

Юлия Глазырина (заведующая отделом природы,
Пермский краеведческий музей).

**«Современные древности: как актуализировать кости и камни?
Опыт Музея пермских древностей».**

Сергей Островский (заведующий отделом социо-культурной
деятельности, Пермский краеведческий музей)

«Межмузейные путешествия, или Как мы изобретали велосипед».

Максим Трофимов (директор, Креативное бюро «Азбука Морзе»).

«Играем в музей или музей в игре».

12:00–13:00 — Деятельность ИКОМ России как профессиональной музейной организации. Презентация социально-образовательного проекта «Инклюзивный музей»

(Площадка «Выставочные залы». Главное здание Приморского музея имени В. К. Арсеньева, ул. Светланская, 20)

ИКОМ России, национальный комитет Международного совета музеев, стремится к развитию музейного дела внутри страны и вместе с тем к укреплению позиций российских музеев на мировом уровне. На презентации будут представлены структура ИКОМ как профессиональной организации, преимущества членства в организации, возможности для отдельного специалиста, музея и регионального музейного сообщества, а также основные направления деятельности организации: реализация мероприятий в сфере культуры, экспертные консультации, издательская деятельность, социально-образовательные проекты и другие инициативы.

Участники:

Динара Халикова (Москва, Директор по проектам, ИКОМ России).

Михаил Гнедовский (Москва, член Президиума ИКОМ России).

Виктор Шалай (Владивосток, член Президиума ИКОМ России).

13:00–14:00 — Перерыв на обед

14:30–15:30 — Презентация деятельности Ассоциации АДИТ (Площадка «Выставочные залы». Главное здание Приморского музея имени В. К. Арсеньева, ул. Светланская, 20)

Некоммерческое партнерство «Автоматизация деятельности музеев и информационных технологий» (АДИТ) — это открытое объединение профессионалов, которые работают в отраслях, связанных с информатизацией сферы культуры. Организация работает более 20 лет. На презентации можно узнать о миссии организации, возможности вступления в профессиональную ассоциацию, ежегодной конференции, которая проходит в разных российских регионах, а также о проектах АДИТ: школа, мастерские, конкурсы, АДИТ-клуб и др.

Наталья Толстая

(Президент АДИТ, директор Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств).

16:00–19:00 — «Разнообразие музейно-образовательных форматов». Тренинг (Площадка «Клио». Главное здание Приморского музея имени В. К. Арсеньева, ул. Светланская, 20)

Как и почему музеи становятся скучными для посетителя? Как форма коммуникации музея с посетителем определяет её содержание? Почему «интересные и увлекательные» музейные занятия остаются не востребованными у аудитории? Модераторы и эксперты тренинга предлагают вспомнить, какие формы коммуникации музея и посетителя используются в практике чаще всего? Через групповую работу можно будет разобраться, как сделать это общение интересным и полезным для обеих сторон: музея и аудитории.

*Модераторы:**Софья Пантюлина (Москва, руководитель межмузейного проекта «Семейное путешествие. Всей семьей в музей»).**Сергей Островский (Пермь, зав. отделом социально-культурной деятельности, Пермский краеведческий музей).**Эксперты: Анастасия Серебrenникова, Анастасия Шитицына, Юлия Глазырина, Максим Трофимов, Татьяна Вострикова.*

16:00–18:00 — «Музейная экспозиция: новые подходы и версии». Публичная экспертиза (Площадка «Выставочные залы». Главное здание Приморского музея имени В. К. Арсеньева, ул. Светланская, 20)

Экспозиционные проекты, представленные на этой сессии, находятся в разной степени воплощения, поэтому участники встречи и авторы этих проектов смогут познакомиться не только с новыми экспозициями, которые появились или появятся на музейной карте страны, но и, что не менее важно для профессиональной аудитории, проследить разные этапы их производства — от идеи и замысла до готового музейного продукта.

*Модераторы:**Леонид Копылов (Санкт-Петербург, музейный эксперт, Президент Фонда друзей Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме).
Анна Щербакова (Москва, эксперт ТГ «Музейные решения»).**Участники:*

Александр Быченко (Калининград, руководитель, Частный музей Alter Haus).
Андрей Шаповалов (Новосибирск, директор, Новосибирский краеведческий музей).
Святослав Перехожев (Томск, директор, Томский областной краеведческий музей имени М. Б. Шатилова).
Сергей Каменский (Екатеринбург, директор, Музей истории Екатеринбурга).

**20:00–21:00 — Закрытие конференции.
Праздничный фуршет. (Музей города, ул. Петра Великого, 6)**

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИОННАЯ ПРОГРАММА

Площадка «Клио». Главное здание Приморского музея
имени В. К. Арсеньева, ул. Светланская, 20

27 сентября

18:00

«Фестиваль как инструмент продвижения территории» Михаил Савченко, Самара, директор Музея Модерна (филиал Самарского областного историко-краеведческого музея имени П. В. Алабина), автор и продюсер Фестиваля Набережных «ВолгаФест»

Лекция посвящена одному из главных культурных событий Самары, который превратился в проект по созданию нового образа города. В рамках лекции Михаил Савченко расскажет о принципах формирования команды фестиваля, основных стратегических направлениях, содержательной структуре проекта, инструментах работы с городской средой.

19:00

**«Выставочная и образовательная политика как инструмент реанимации музея PERMM»
Наиля Аллахвердиева, Пермь, арт-директор
Музея современного искусства PERMM**

На данный момент музей PERMM — одна из самых влиятельных институций в регионе, формирующая повестку дня на российской художественной сцене. 2014 год был переломным в жизни музея, характеризующимся сменой культурно-политических приоритетов территории и отсутствием плана и стратегии развития. Высокий социальный резонанс проекта «Транзитная зона» — прощальной выставки на Речном вокзале — изменил позицию регионального министерства культуры относительно творческой компетенции команды и музеем был выдан карт-бланш на проектирование своего будущего. Поиск и адаптация бывшего торгового центра под музейное пространство, высокое экспозиционное качество выставок и образовательных проектов — стали особенностью музея, изменив его статус как «музея в движении», который ищет опору не в здании, а в системе проектирования и коммуникации.

27 сентября

18:00

«Биеннале каждый день: не выставкой единой».

Мария Букова, Красноярск, Директор Музейного центра «Площадь Мира»

Лекция посвящена инструментам развития культуры в Красноярском крае, далеко от метрополии, где в 1990-е годы успешно были освоены европейские практики производства выставочных и образовательных проектов. Главный из этих проектов Красноярская Музейная Биеннале. Музейное сообщество, художники, зрители и критики

продолжают стремиться совместными усилиями обнаружить единую оптику в формировании образа региона, через переосмысление устоявшегося проекта биеннале и адаптировать его под специфику региона.

19:00

«Философия архивного дела, или как оживить живых?»

**Владимир Береснев, Пермь, руководитель отдела новейших течений
Пермской государственной художественной галереи**

Тема выступления — работа с «нематериальными архивами» — живой памятью людей. Мишель Фуко в работе «Археология гуманитарного знания» отметил парадоксальную природу архива: архив является материально данным, но исторически невидимым (в том смысле, что архив не способен сам себя проявить в другом времени, для этого нужен ученый, который пишет статью, или куратор, который сделает выставку). Ещё сложнее обстоит дело с формированием архива, документированием живой памяти свидетелей минувших событий, которая и историческая невидима, и материально не дана. Кроме того, носители воспоминаний далеко не всегда способны оценить их важность для остального общества. В какой момент воспоминание становится ценным моментом истории? Какие существуют способы их материализации и публичного представления? Практическое осмысление «архива», как специфической практики «оживления живых», будет представлено на примере выставочного проекта — «Авангард, которого не было», который планируется к открытию в Пермской галерее в октябре-ноябре 2018 года.

29 сентября

11:00

«Фотография, как инструмент исследования города»

**Кристина Горланова (Екатеринбург, заведующая
фотографическим музеем «Дом Метенкова»**

**(Музей истории Екатеринбурга), руководитель программы
арт-резиденций "Новые истории Екатеринбурга", художник)**

Практика обращения художников к фотографии как к инструменту исследования территории широка и разнообразна. Целый ряд недавних российских выставочных проектов построен на исследовании места. В этом поле построена и работа участников арт-резиденции «Новые истории Екатеринбурга» в фотографическом музее «Дом Метенкова». Все проекты резиденции так или иначе поднимают тему осмысления фотографии как воплощения памяти о месте, инструмента сохранения и передачи впечатления, способа «увидеть» и «показать» территорию. В рамках своей лекции Кристина Горланова расскажет о различных подходах к использованию фотографии в художественной практике взаимодействия с местом.

30 сентября

18:00

«Куда идёт биеннальное движение: перспективы формата биеннале?»

Алиса Прудникова, Москва, руководитель дирекции по региональному развитию РОСИЗО-ГЦСИ.

Больше трехсот биеннале и триеннале проходят сегодня по всему миру. Актуальность этого формата показывает недавно созданная Международная биеннальная ассоциация (ИВА). Она объединяет директоров, кураторов и исследователей в обсуждении вопросов стратегии биеннального движения: финансирования, правил проведения, этики и художественных задач. Биеннале актуальны не просто как смотр современного искусства, а как фактор развития территории, способный вписать город в мировой контекст и актуализировать локальную повестку. Лекция будет представлена в формате блиц-анализа ключевых примеров в международной и российской практике.

1 октября

18:00

«Мемориальные пространства и общественная дискуссия»

Анатолий Голубовский, Москва.

Лекция Анатолия Голубовского посвящена актуальному вопросу о месте мемориальной культуры в пространстве социальных отношений. Войны памятников происходят сегодня по всему миру. Театры военных действий — постсоветские страны, Восточная и Западная Европа, даже США. И, конечно, Россия. Должен ли памятник провоцировать общественную дискуссию? Как, кто и зачем ставит памятники и организует мемориальную среду в свободных и несвободных обществах? Как монументалисты работают с катастрофами и травмами? Какой может быть в 21 веке мемориализация событий и персонажей, связанных с модернизацией и общественным развитием?

Приложение 3

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«АРСЕНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

ВЛАДИВОСТОК, 2017 Г.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Участники научно-практической конференции «Арсеньевские чтения» отмечают, что в современных условиях идеи сотрудничества между музеями, академической наукой, общественными и образовательными учреждениями становятся важнейшим принципом дальнейшей работы с наследием В.К. Арсеньева. Участники конференции считают необходимым:

1. Продолжить традицию проведения научно-практических конференций «Арсеньевские чтения» для обмена результатами исследований, связанных с изучением жизни и творческого наследия В.К. Арсеньева, его социокультурного окружения, вклада в развитие музейного дела, в изучение Дальнего Востока России.
2. Содействовать развитию сотрудничества музеев, архивов, научно-исследовательских учреждений, общественных организаций в разработке совместных исследовательских, коммуникативных, выставочных проектов, связанных с популяризацией арсеньевского наследия.
3. Рассматривая подготовку к следующему юбилею В.К. Арсеньева в 2022 году как общественно значимое событие для всей дальневосточной России, разработать программу совместных действий по работе с наследием В.К. Арсеньева. В целях координации этих усилий создать Арсеньевский информационный центр, в который войдут представители учреждений, готовых принять деятельное участие в этой работе.
4. Провести очередную конференцию в 2020 году — в год 130-летия ПГОМ им. В.К. Арсеньева и 75-летия присвоения музею им. В.К. Арсеньева.
5. От лица участников конференции выйти с предложением к органам власти г. Владивостока и Приморского края ознаменовать 150-летие со дня рождения В.К. Арсеньева установкой памятника прославленному путешественнику.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Авченко Василий Олегович, член Союза журналистов Российской Федерации, г. Владивосток, *avchenko@yandex.ru*

2. Александрова Елизавета Сергеевна, научный сотрудник Приморского государственного объединённого музея имени В.К. Арсеньева, аспирант Школы искусства, культуры и спорта Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, *lisez2005@yandex.ru*

3. Аргудяева Юлия Викторовна, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор, доктор исторических наук, г. Владивосток, *argudiaeva@mail.ru*

4. Волковская-Курдюкова Елена Александровна, научный сотрудник Приморского государственного объединённого музея имени В.К. Арсеньева, кандидат биологических наук, г. Владивосток, *certhia@yandex.ru*

5. Глебова Елена Викторовна, главный редактор регионального культурно-просветительского журнала «Словесница Искусств», г. Хабаровск; редактор журнала «Страстной бульвар, 10» Союза театральных деятелей РФ, г. Москва, соискатель научной степени кандидата наук Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, *elena.glebova@mail.ru*

6. Головнев Иван Андреевич, младший научный сотрудник Института Истории и Археологии Уральского Отделения РАН, режиссер Некоммерческого Партнерства «Этнографическое Бюро», член Правления Союза кинематографистов РФ, кандидат исторических наук, г. Екатеринбург, *ethnokino@gmail.com*

7. Гончарова Светлана Владимировна, доцент кафедры философии Дальневосточного государственного медицинского университета, кандидат исторических наук, г. Хабаровск, *goncharova_s@mail.ru*

8. Гребенюкова Наталья Петровна, старший научный сотрудник Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, г. Хабаровск, *suerte.09@mail.ru*

9. Егорчев Иван Николаевич, редактор издания «Записки ОИАК», член Приморского краевого отделения Русского географического общества — Общества изучения Амурского края, г. Владивосток

10. Иванцова Нина Семеновна, заведующая отделом краеведческой библиографии Приморской краевой публичной библиотеки им. А.М. Горького, заслуженный работник культуры РФ, г. Владивосток, *ivancova_nina@mail.ru*

11. Кавецкая Вера Вячеславовна, руководитель отдела исследований Приморского государственного объединённого музея имени В.К. Арсеньева, *veravmuseum@mail.ru*

- 12. Каменева Марина Римовна**, начальник Центра патриотического воспитания Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского, директор Музея морского образования, член Приморского краевого отделения Русского географического общества — Общества изучения Амурского края, *kameneva@msun.ru*
- 13. Коровник Людмила Ивановна**, заведующая естественно-научным отделом Муниципального бюджетного учреждения «Музейно-выставочный центр», г. Дальнегорск, *dalmuseum@list.ru*
- 14. Лосева Наталья Вениаминовна**, ассистент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества филологического факультета Тверского государственного университета, член Союза писателей РФ, г. Тверь, *nvloseva69@list.ru*
- 15. Малакшанова Виктория Баторовна**, научный сотрудник отдела этнографии научно-исследовательского сектора этнографии Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, г. Хабаровск, *malak2801@mail.ru*
- 16. Марков Игорь Геннадьевич**, младший научный сотрудник отдела археологии ГБУК «Сахалинский областной краеведческий музей», г. Южно-Сахалинск, *Igorarheo@mail.ru*
- 17. Новомодный Евгений Владимирович**, научный сотрудник научно-исследовательского сектора природы Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, г. Хабаровск, *eugenov@mail.ru*
- 18. Островская Ольга Петровна**, сотрудник филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находке, член совета историко-генеалогического клуба «Находкинский родовет», *777olga777@bk.ru*
- 19. Пай Светлана Сергеевна**, доцент кафедры гуманитарных наук Тихоокеанского государственного медицинского университета, кандидат исторических наук, г. Владивосток, *paideiya@mail.ru*
- 20. Панкратьева Наталья Александровна**, заведующая отделом фондов Приморского государственного объединённого музея имени В.К. Арсеньева, г. Владивосток, *fonds@arseniev.org*
- 21. Петрук Анжелика Витальевна**, заместитель директора по научной работе Приморского государственного объединённого музея имени В.К. Арсеньева, г. Владивосток, *anzhelika07@list.ru*
- 22. Плотникова Наталья Иосифовна**, доцент ГАПОУ «Приморский краевой колледж культуры», кандидат филологических наук, г. Уссурийск, *natalya-plotnikova@mail.ru*
- 23. Подмаскин Владимир Викторович**, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор исторических наук, профессор, г. Владивосток, *podmaskin@yandex.ru*

24. Рыбальченко Светлана Анатольевна,

Литературно-мемориальный музей А.А. Фадеева, филиал Приморского государственного объединенного музея имени В.К. Арсеньева, Приморский край, с. Чугуевка, fadeevamuseum@mail.ru

25. Самар Андрей Петрович, научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, кандидат исторических наук, г. Владивосток, ethnography@mail.ru

26. Сем Татьяна Юрьевна, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, кандидат исторических наук, г. Санкт-Петербург, semturem@mail.ru

27. Сесёлкин Александр Николаевич, член Русского географического и Гидрографического обществ, Хабаровский край, г. Советская Гавань, 1718494@mail.ru

28. Соболевская Елена Васильевна, председатель клуба «Родовед», краевед, член Приморского краевого отделения Русского географического общества — Общества изучения Амурского края, г. Владивосток, dvrld@mail.ru

29. Старцев Анатолий Федорович, заведующий отделом этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор исторических наук, профессор, г. Владивосток, starcev.42@mail.ru

30. Титорева Галина Теодоровна, заведующий сектором этнографии Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, кандидат искусствоведения, г. Хабаровск mazo2005@mail.ru

31. Троицкая Наталья Анатольевна, зам. директора Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, кандидат исторических наук, доцент, г. Владивосток, rgiadv@vladivostok.ru

32. Тюнис Татьяна Александровна, главный библиотекарь МБУК «Владивостокская централизованная библиотечная система», Библиотека им. И.У. Басаргина, г. Владивосток, vladlib11@mail.ru

33. Храмцов Михаил Николаевич, главный специалист административного отдела администрации Черниговского района, Приморский край, с. Черниговка, manzovka77@mail.ru

34. Шепова Анна Леонидовна, младший научный сотрудник отдела археологии ГБУК «Сахалинский областной краеведческий музей», г. Южно-Сахалинск, anaelle1989@mail.ru

35. Яроцкая Юлия Александровна, Дальневосточный Мемориальный Дом-музей В.К. Арсеньева, филиал Приморского государственного объединенного музея имени В.К. Арсеньева, доцент, г. Владивосток, ulita6@yandex.ru

Научное издание

Арсеньевские чтения:
материалы региональной научно-практической
конференции, посвященной 145-летию
со дня рождения В.К. Арсеньева
(г. Владивосток, 26-27 сентября 2017 г.)

Составитель В.В. Кавецкая

Редактор: Л.Е. Стрикаускас
Корректор: М.А. Шкарубо
Компьютерная вёрстка: Е.В. Куликова

Подписано в печать:
Уч.-изд. л. 21,5
Усл. печ. л. 12,9
Тираж: 100 экз.
Заказ: ??

© Приморский государственный объединенный музей
имени В.К. Арсеньева

© Издательство ФГ БОЧ ВО
ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИКИ И СЕРВИСА

